

ISSN 0130-3600

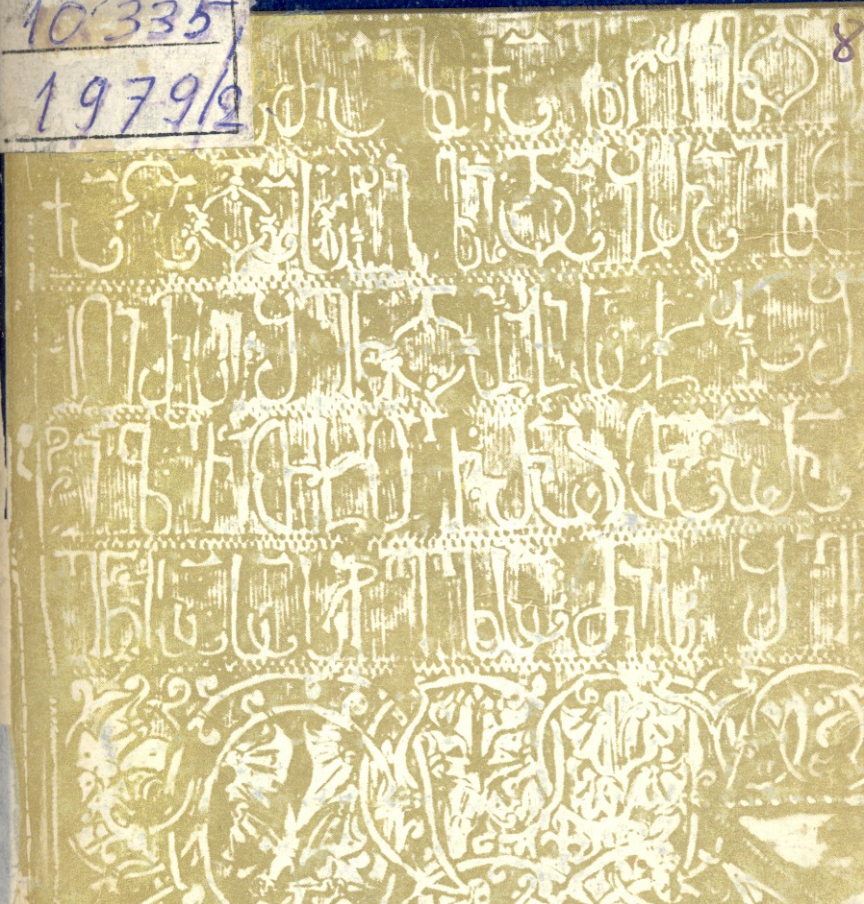
# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 10

1979

10335

1979/2

8





# КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

## «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**Абашидзе И.** «Ищу заветный след». Стихи. Предисл. Ю. Суровцева. Грав. Т. Прибыловской. Москва, 1979. 143 с. с ил., 50.000 экз., 50 к. — для среднего и старшего возраста.

## «МЕРАНИ»

**Абашидзе И.** «Друзья, дороги, раздумья». Сборник статей. Тбилиси. 1979. 224 с. с ил., 20.000 экз., 1 р. 50 к.

**Лохвицкий М.** «Неизвестный». Роман. «Час снокоса». Повесть. «Громовый гул». Ист. повесть. Послесл. Л. Каландадзе. Тбилиси, 1979. 510 с., 20.00 экз., 2 р. 20 к.

## «СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК»

**Тоидзе Г.** «Грузия — любовь моя». Альбом репродукций. Вступит. статья и сост. Э. Д. Кузнецов. Москва, 1979. 30 с. с ил., 18.000 экз., 1 р. 55 к.

## «МЕЦНИЕРЕБА»

**Джавелидзе Э.** «У истоков турецкой литературы». Джелаль-эд-дин Руми. Вопросы мировоззрения. Тбилиси, 1979. 302 с., 1.300 экз., 2 р. 05 к.

## «ХЕЛОВНЕБА»

**Элибекян В.** «Гимн старому Тбилиси». Альбом. Под общ. ред. О. Эгадзе. Ереван, «Советакан грох» — Тбилиси, «Хеловнеба». 1979. 143 с. с ил., 5.00 экз., 4 р. 10 к. Текст на арм., груз., рус. и англ. яз.



10.335  
1979/2



Ежемесячный литературно-художественный  
и общественно-политический журнал

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПОЭЗИЯ

ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Стихи. Переводы Риммы Казаковой, Льва Озерова, Петра Вегина, Виктора Широкова и Натана Злотникова	3
ШАЛВА ПОРЧХИДЗЕ. Стихи. Перевод Евгения Елисеева	8

### ПРОЗА

ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Год активного Солнца. Роман. Перевод Ушанги Рижинашвили	15
--	----

### КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДИАЛОГ НА ПОРОГЕ 80-ых. Беседуют критики Л. Мкртчян и З. Абзианидзе	81
ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. Константин Федин и грузинская культура	88
«...Я ОПТИМИСТ!». (Из неопубликованных писем Леонида Андреева к Александру Сумбаташвили-Южину). Публикация Ламары Сарибековой	98

10  
1979

**БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?** (По следам первого Международного симпозиума по неосознаваемой психической деятельности человека, проходившего в Тбилиси в октябре 1979 года) . . . . . 117



**ОЧЕРК**

**СОФЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ.** Когда счастлив ученый . 125

**ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА,  
ВОСПОМИНАНИЯ**

**ЛАДО ГУДИАШВИЛИ.** Книга воспоминаний. Перевод Ирины Шелия . . . . . 136

**РЕЦЕНЗИИ**

**ЖАННА ВОЛИНА.** Режиссерские уроки мастерства . . . . . 151

**АННОТАЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ»** . . . . . 155

**ХРОНИКА** . . . . . 158

**ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА** . . . . . 160

*Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются*

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

**НАШ АДРЕС:** 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5

**ТЕЛЕФОНЫ:**

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.



\* \* \*

Раз на свете  
я глаза открыл.  
Пусть раз на свете  
будет пара крыл.  
Раз проводив из сновиденья в явь,  
жизнь дайте одолеть, как реку, вплавь.  
Пусть раз взлечу,  
пусть упаду я раз,  
пусть раз найду  
одни глаза из глаз.  
Пусть рассмеюсь  
и пусть расплачусь раз,  
пусть раз  
прекрасно будет без прикрас.  
Раз бедным,  
раз богатым  
быть хочу,  
раз все возьму,  
и раз все оплачу!  
Раз обещай —  
и раз исполни жизнь,  
и раз  
в мой смертный час  
меня лишишь, —  
раз на свете  
я открыл глаза,  
лишь раз на свете  
я открыл глаза...

## ДУМА О БЕДЕ

Беда —  
далеких далей дух и плоть,  
беда —  
безумство, бесноватый ворог,  
Он — там,  
ты — здесь, смятенный,  
а господь  
меж вами опустил роскошный полог.  
Беда  
всегда  
нежданно —  
тут как тут.  
С достоинством  
ее не каждый встретит.

ქ. შარტნიხ სახ. საზ.  
სსრ. სახელმწიფო  
რეპუბლიკური

И должное по праву воздадут  
тому,

кто так

приход ее отметит

Хвала тому, кто сердцем предпочтет

науку боли  
всем другим наукам,  
кто вступит в орден,  
где всему отсчет  
суровый свой  
ведет

готовность к мукам.

Мой брат, тебя еще оговорят,  
враждебное узрят и в дружбе явной,  
в том обвинят, в чем кто-то виноват,  
и правду сотворят из лжи отравной...

Учитель мой,

пою твою беду,

к ее высотам простираю руки!

Ведь путь, — и твой,

и тот, каким иду, —

путь в небеса, —

оплатят

только муки.

Перевод Риммы КАЗАКОВОЙ

### ОТЕЦ, НАПИШИ МНЕ...

Измученная, воспарила в вещь  
Высоту высот — выражу разве в словах!  
Видишь звезду, как цветок расцветшую, —  
Это ее душа в небесах.

Утро молитвенное молчаливо.  
Скомканы маки. Веянье сна.  
Бредущая медленно и сиротливо  
В чащах туманная белизна.

Не море, а поле, фиалок полное.  
В ночи — видением — лунный лик.  
Луна плывет сквозь туманные волны  
И выглядит, как ее двойник.

### ДОЧЕРИ — К МАЮ

Все, что обещано, выполнил я сполна.  
Твои мечты вылетали из-под моей руки.  
Дождя захотелось? Дождик пролился на  
Твои цветники.

Слез захотелось? Маленькая Тамар,  
Вместо тебя я плакал вчера.  
Небом плакал, морем рыдал,  
К моему горлу подступила гора.



Ты снега хотела? Я тебе снег подарил, —  
На твоих просторах снежных бело.  
То, что в жизни я не берег своих сил,  
Детство твоё сберегло.

С веткой черешни я сравнил бы тебя,  
С веткой черешни на теплом ветру.  
Держа на руках, бережно так любя,  
Босиком прошел я через Куру.

Я для тебя построил чудесный дворец,  
Не забудешь его новизну.  
Вот сейчас за столом сидит твой отец  
И занят тем, что готовит тебе весну.

## ОТКРЫТИЕ ТАЙГИ

На плече у меня  
    дикий голубь сидит, взъерошенный,  
А перед глазами —  
    невообразимая ель.  
Душа вознеслась  
    и увидела мир таежный,  
И мне показалось,  
    что я на земле земель.

Мне, у которого есть грузинские горы,  
Свои дороги  
    и свои небеса,  
Открылись иные горы,  
    заснеженные просторы, —  
Неописуемые чудеса.

Перевод Льва ОЗЕРОВА

## СНЕГ

Прощайте, старинные розы,  
мне стало вас трудно искать.  
Уход мой, возможно, поможет,  
меня вспоминая, скучать.

Песнь солнца над горизонтом  
во славу застенчивых роз,  
роз робких и роз-амазонок,  
которых я помню до слез.

Прощайте, мы больше не властны  
над временем, все, что прошло,  
внезапной охвачено страстью  
и не разобрать—что грешно.

Прощайте, пусть мучает жажда,  
но нет для бывшего дорог.  
На вечности беспощадность  
лежит, как тяжелый замок.

Я тоже плечами поднимаю  
поэтов прекрасную ночь.  
Прощайте, с лилового неба  
слетают все ангелы прочь.



## ПОНИ, МИЛЫЙ ПОНИ!

Сегодня душа во мраке,  
и тянет к вину, как пропойцу, —  
вчера схоронил я собаку,  
японского хина Пони.

Пони, мой милый Пони!  
Как выдавать тебя жалко мне —  
ты в небо глядел беспокойно,  
и слезы из глаз бежали.

Я не люблю приукрашивать,  
правда и совесть — в союзе.  
Пони, ты жил отважно,  
но перед смертью струсил.

Наверное, одинаково  
у пса и у нас, людей,  
предсмертное чувство страха.  
Чашу свою испей.

Все опостылело в доме,  
меркнут все зодиаки...  
Я не встречал, Пони,  
лучше тебя собаки.

Перевод Петра ВЕГИНА

## ТРАГЕДИЯ В ЦИРКЕ

Эквилибрист бросает мяч цветной.  
Канатоходец награжден успехом.  
Рубашку сбросит клоун.  
Боже мой,  
зал благодарно разразится смехом.

Артисту грудь насквозь пронзил кинжал,  
а он вскочил и весело смеется.  
— «Привет искусству!» — рукоплещет зал, —  
«Привет паяцу и канатоходцу!»

Привет лисе, что курочек пасет.  
Привет марышкам — королевам смеха.  
Кто угадает, что произойдет?  
Тигр съест паяца.

Вот и вся потеха.



## ДАЛЬНИЙ ЛЕКАРЬ



Мои туманные горы!  
Туманы слезные, черные!  
Не знаю я большего горя,  
чем быть от вас отлученным!

Но в черные эти минуты  
спасает светлый храм памяти,  
и я убежден почему-то,  
что в горы вернусь обязательно!

Перевод Виктора ШИРОКОВА

### 30 СЕНТЯБРЯ, В ДЕНЬ 45-ЛЕТИЯ

Кура скучна, печальна вечерами,  
Над нею тучи лет моих и зим.  
В просвете между туч, как в тесной раме, —  
Метехский замок, всадник перед ним.  
Но вдруг волна, небрежно и красиво  
Взлетев, касается моих колен,  
Как будто дикой кобылицы грива...  
И что ей, дикой, смерть? Ей страшен плен.  
Она несет меня вдоль жизни, мимо  
Метехи, словно всадник я в седле,  
Чтобы два всадника, два побратима  
Не разминулись на одной земле.

★ ★ ★

Спроси меня, куда дни юности пропали?  
Неужто навсегда утрачен даже след  
Той радости живой, наивной той печали,  
Той жизни, где меня давным-давно уж нет?..

Отвечу: эти дни не канули навеки.  
Я встречу их опять и вряд ли буду рад.  
Так, повернувшись вспять, текут к истокам реки,  
Не одолев плотин, хребтов, иных преград.

Вновь буду окрылен мечтой, тоской измучен.  
Вновь буду изможден и страстью, и трудом.  
Поток возвратных дней, невидим и беззвучен,  
Вновь душу потрясет... А как ей жить потом?

Перевод Натана ЗЛОТНИКОВА



Шалва Порчхидзе очень своеобразный поэт, поэт с собственным, неповторимым почерком. Он необычайно красочно воспроизводит то, что видит. А замечает он такие детали в обычных, нередко другими не замеченных явлениях, увидеть которые, а тем более облечь в поэтическую форму, весьма сложно.

Я не собираюсь тем самым утверждать, что Шалва Порчхидзе поэт созерцательный, замечающий лишь красоту внешнего мира. Я хочу констатировать, что его палитре подчиняются такие нюансы жизни и окружающего нас мира, которые могут остаться незамеченными обыкновенным человеком и которые способен увидеть лишь зоркий глаз поэта.

Это проявляется особенно тогда, когда Шалва Порчхидзе рисует картины родного края, когда он пишет о земле, на которой сделал первые шаги, познал впервые материнскую ласку, мудрость и степенность отца, тепло и уют семьи, вырос и возмужал.

Поэт по-своему «ощущает» щебет птиц, красоту леса, оживленного этим щебетом и первыми лучами солнца, чутко прислушивается к голосу всего одушевленного в неиссякаемом, щедром мире природы.

Грузия для него — раскрытый фоллиант, который он перелистывает трепетными пальцами и с замиранием сердца читает о ее героическом прошлом, о постигших ее бедах, полных трагизма битвах, о ее рыцарской самоотверженности и милосердии... И что особенно важно, поэзия Шалвы Порчхидзе не имеет ничего общего с той «модной» поэзией, способной «услаждать» слух лишь избранных и нередко доходящей до полной бессмыслицы. Я имею в виду стихи, которым необходим специальный чтец, способный донести их смысл до рядового читателя и, кто знает, может быть и до нас, писателей.

Я бы хотел, чтоб читатель, который понимает и любит поэзию, внимательно прочитал стихи Шалвы Порчхидзе, и я уверен, они не оставят его равнодушным.



Разумеется, в этих стихах он безуспешно будет искать дань моде, в чем вообще не нуждается настоящая поэзия, да, пожалуй, никогда и не нуждалась. Ни «дадаизм», ни поэзия Крученых неприменима для нее. Грузинская поэзия шла, идет и будет идти по нелегкому пути, проложенному нашими бессмертными предшественниками. Это единственно верный путь, который требует от поэта огромной любви, самоотверженности и чистоты чувств.

Я считаю, что Шалва Порчхидзе сказал свое слово в грузинской поэзии, вот почему я от всей души поздравляю его и желаю долголетия, неиссякаемого вдохновения и новых, дарующих читателю радость стихов.

Колау НАДИРАДЗЕ.

Шалва ПОРЧХИДЗЕ

### ИЗОБИЛЬЕ

Меловые холмы облаков.  
И над ними облако — глыбой.  
Самый мудрый из всех быков  
отдыхает в тени под липой.

Вот закончили молотьбу,  
в закромах сразу стало тесно.  
Сами ангелы, впрягшись в арбу,  
не смогли ее сдвинуть с места.

Мы такого не ждали весной  
небывалого здесь урожая.  
Мои плечи обвиты лозой,  
будто сам я стена крепостная.

Как божественны эти леса,  
это облако в легком полете!  
Плоть души моей эта лоза,  
солнца луч — это кровь моей плоти.

\* \* \*

Лемехом плуга писал я стихи  
на земле этой жирной, как деготь,  
Небо простило мои грехи,  
а врагу меня лучше не трогать.  
Силился ветер перекричать,  
дни проводил я в пирах и веселье.  
Жизни мне заново не начать,  
видимо, скоро наступит похмелье.  
Сколько в сердце еще огня,  
даже старость его не остудит.

Снова пленяюсь красками дня,  
может, кто-то меня осудит.  
Словно выговориться спеша,  
с новой силой сердце запело.  
На плече моем ципобела —  
птичка, ангельская душа.  
Понимаю, что вам смешно,  
я старею, но я не трушу —  
лишь бы выплеснуть  
в красках душу  
на суровое полотно.

## Я ЖИЛ ПО-ЦАРСКИ

Носил я шляпу из соломы  
и воду пил через тростинку.  
Мои холмы — мои хоромы,  
мою заветную тропинку  
я часто вижу и во сне.  
Я жил по-царски,  
я славил горы в их величьи  
и спал, где вздумается мне.  
Я в этом мире не был лишним,  
соперничал с самим всевышним,  
свою вселенную творя.  
Не помню я своей кончины,  
когда без слез и без кручины  
растаял в небе, как заря.  
Я мир любил в твоём обличье,  
я жил по-царски,  
пел по-птичьи  
до наступления зимы,  
когда горели, как молитвы,  
земными соками налиты  
имеретинские холмы.  
Мои холмы — мои хоромы,  
мою заветную тропинку  
отдайте мне,  
верните мне!  
Носил я шляпу из соломы  
и воду пил через тростинку...  
Неужто все это во сне?..

## КАРТЛИ

Гляжу на тебя  
и мурашки по телу —  
родимое небо,  
родная земля!  
И нет им скончанья,  
и нет им пределу.  
Брожу по траве,  
плоть и дух всеяя.

Холмы и деревья  
мне рады, как сыну,  
а ноги босые  
щекочет жнивье.  
Пусть лягу в могилу,  
но вас не покину,  
а в этом и горе,  
и счастье мое.

\* \* \*

Если б не было быка у меня,  
если б я не натолок ему соли,  
В очаге не разжег бы огня,  
топорищем не набил бы мозоли,  
не погнал бы в горы овец,  
не присел бы в тени под конец  
закусить овечьим сыром —  
что бы случилось с этим миром?  
Как бы справился бог без меня?  
Разве смог бы он землю вспахать,  
подковать разве смог бы коня,  
песни петь и быков погонять?  
Я и жнец,  
и швец,  
я и пахарь,  
и кузнец,  
я и каменщик,  
и плотник,  
я и винодел,  
я и воин,  
и охотник —  
разве зря я ночью  
на небо глядел?  
Что бы случилось с этим миром?  
Без меня убогим, сырым  
был бы этот мир.  
Кто б лелеял эту землю,  
кланяясь любому стеблю?  
Кто б детей вскормил?  
Кто бы крепости построил,  
славу родины утроил,  
если бы не я?  
Слов похвальных мне не надо,  
для меня одна награда,  
для меня одна отрада —  
родина моя!

### В БЕЛОМ АПРЕЛЕ

Взрыхлена почва  
тучного луга.  
Строки мои,  
словно борозды плуга.



Без передышки  
пишу и пашу  
все что на сердце —  
поведать спешу.  
в белом апреле  
весной.

Помнят ли в городе  
или забыли,  
все, кто любили,  
все, кто дружили  
со мной?

В белом апреле,  
в белом апреле  
выцвели волосы,  
плечи сгорели.

Горы лиловые.  
Небо лилово.

В воздухе носится  
вещее слово.

Может, найду я его,  
подхватив  
песни аробной  
тягучий мотив,

той, что впервые  
нам матери пели  
у колыбели  
в белом апреле?

Где вы, друзья,  
городские поэты?

Вам ли весны  
ненавистны приметы?

В жатве, косье ли,  
в холод ли, зной —  
встаньте, друзья мои,  
рядом со мной!

Все мы земные,  
все от земли  
сил набирались,  
род свой вели.

Солнцем листвы  
закипает мой стих.

Дождь продолжается,  
ветер не стих.

Радостно сеять  
весной хлебробу  
мудрости зерна  
в земную утробу.

Песня и мудрость  
в любой борозде.

Счастье и доля  
в любимом труде!

Горы лиловые.  
Небо лилово.

В воздухе носится  
вещее слово.  
Может, найду я его,  
подхватив  
песни аробной  
тягучий мотив,  
той, что впервые  
нам матери пели  
у колыбели  
в белом апреле...



## ОСЕННИЕ ДНИ

Вот и настали  
осенние дни —  
время забот  
моей сельской родни.  
Стонет деревня  
под грузом корзин.  
Солнце торопится  
с нею проститься.  
У родника  
запотелый кувшин.  
Как бы хотел  
из него я напиток!

Вот и настали  
осенние дни.  
Листья деревьев  
еще не опали.  
Солнце ручное.  
Холмистые дали.  
Дали Кахети и Атени.  
Издали, словно маня  
из Тбилиси,  
тянут меня  
эти дали и выси.  
Как там живется  
тебе без меня  
в ясное утро  
осеннего дня?  
Солнце ручное  
и желтые листья.  
Ах, неужели же  
только они  
ждут не дождутся  
меня из Тбилиси?..

Вот и настали  
осенние дни.

## ЖИЗНЬ



Сельское кладбище, Ветка шиповника.  
Как одинока она!  
Тихо, склоняясь у каждого холмика,  
рощей на цыпочках бродит весна.  
Кто-то по лесу бредет напролом,  
путь пролагая себе топором сквозь бурелом.  
Полон весельем, хмелем весенним,  
только у глаз — ночь улеглась.  
Ты ли, отец, навещаешь меня  
каждое утро весеннего дня?  
Только одно лишь тебя и печалит:  
мать на пороге тебя не встречает.  
Не узнают ни друзья, ни родня.  
Не для тебя их земные заботы,  
с жизнью давно уже сведены счета,  
Молча глядишь и поводишь плечами,  
видно, не в силах понять,  
что за причина великой печали,  
что за кручина изводит ночами  
бедную старую мать?..

Мама не встретит тебя у порога,  
уж не поднять ей натруженных рук,  
спит наша мама, не просит у бога  
счастья для тех, что столпились вокруг...

Грустно гляжу я на ваши могилы.  
Птицы поют и взлетают с ветвей.  
Жизнь продолжается, есть еще силы.  
Тропка моя — продолженье твоей.

Перевод Евгения ЕЛИСЕЕВА



# ГОД АКТИВНОГО СОЛНЦА

*Роман*

Откидываюсь на спинку стула и смотрю Зурабу прямо в глаза. Удивительно, ведь мы выпили всего одну бутылку. Видно, я никак не могу оправиться после той памятной ночи. Временами груз спадает с плеч, и я, как и прежде, становлюсь спокойным и невозмутимым. Но потом незаметно мне делается не по себе. Одной бутылке вина ничего не поделаться с двумя мужчинами. Но нервы расшалились, и, наверное, поэтому я легко пьянею. Блаженство разливается по всему телу. Сосуды расширились, кровь весело бурлит в полегчавшем от алкоголя организме. К сожалению, вина у меня больше нет. Квадратный, плоский и лоснящийся лоб Зураба блестит сильнее обычного. Его несимпатичные глаза просительно смотрят на меня, словно вымаливая что-то. Нет, нет, они клянутся мне в преданности и дружбе.

Я с горечью гляжу в пустой стакан и злюсь на себя. Ведь мне было известно, что дома всего лишь одна бутылка. Надо бы спуститься в магазин и купить. Зураб что-то бубнит, не переставая.

Я слушаю его краем уха, но ничего кроме взволнованного голоса не слышу.

Ах, какой, дескать, он был прекрасный человек (он — это, наверное, Леван Гзиришвили), что нам теперь, дескать, делать, как струсилось несчастье (да, несомненно, он говорит о Леване Гзиришвили). Ах, как, мол, я понимаю тебя. Действительно, как это можно соваться в чужие дела? Разве понять, мол, это следователю и притом не умудренному житейским опытом.

Внезапно меня осеняет — на кухне за банками должна быть бутылка коньяку. Я даже помню марку —

«Варцихе». Принести или нет? Ну, конечно, в том случае, если коньяк действительно стоит за банками на полке. Тут же у меня появляется не менее гениальная идея: а что, если взять Зураба за шиворот, поднять со стула, плюнуть в его ский лоб, а потом, поддав коленкой под зад, спустить с лестницы?

Нет, этого я делать не стану. Первая идея кажется мне гораздо соблазнительней: выйти на кухню и отыскать коньяк. А вторая подождет, торопиться некуда, надо сначала выяснить, чего он ко мне притащился спозаранку.

Ах, дескать, в какое время он нас покинул, а теперь вот надо с пришлым человеком срабатываться...

Я засомневался, а впрямь ли у меня есть коньяк? Смутно вспоминаю, что месяца два назад я припрятал бутылку за батареей банок на самой верхней полке.

Как жаль, дескать, что он умер. Кто знает, кого пришлют на нашу голову. Впрочем, почему обязательно присылать, а если директором станет кто-нибудь из наших, ну, к примеру, ты?

Вот теперь я догадываюсь, зачем пожаловал ко мне сей господин. Где наша не пропадала, пойду, отыщу коньяк, пусть этот болван выскажется до конца.

Я встаю и направляюсь на кухню. Остановившись в дверях, я оглядываюсь. Зураб сидит ко мне спиной. В руках он держит стакан и пристально рассматривает его на свет. Кто знает, какая новая мысль рождается в тупичках его мозга. Волосы на макушке его идеально круглой головы повылазили, и теперь она была похожа на мишень для стрел.

Ура! Коньяк на месте. Я отыскал две рюмки и, наполнив их, преподнес одну Зурабу. Он по-прежнему не может расстаться со стаканом. Свою рюмку я мигом опрокинул, не сказав ни слова. Со стороны я вполне мог сойти за алкаша.

Вот именно, зачем, дескать, нам нужны варяги, когда у нас есть ты. Ну и что из того, что ты молод, в конце концов. в нашей области в целой республике не сыскать специалиста лучше тебя.

Так вот оно что! Меня озарило. Теперь понятно, почему он в эту жарницу заявился ко мне в костюме, при галстукке и в белой рубашке с запонками на манжетах. А я, дурень, до сих пор и не уразумел причины столь раннего его визита.

Только тебе, дескать, по плечу быть директором института.

Наши взгляды неожиданно скрестились. Он все не выпускает стакан из потной руки. Видно, пока что он не отпил ни капли. Выходит, я один выдул всю бутылку. И пораженный этим великим открытием я потянулся за сигаретой. Зураб мгновенно поставил стакан на стол и, щелкнув зажигалкой, предупредительно протянул мне огонь. Курить не хочется, но я затыгиваюсь через силу.

Конечно, я понимаю, дескать, что ты настоящий исследователь, где там тебе заниматься всякими административными делами, но делать нечего, не останется же институт без директора.



Почему мне не бросаются в глаза наглые жесты Зураба Гомартели? Какие изменения произошли в его душе?

Я кончаю курить и делаю второе важное открытие: все это время говорит один Зураб, я не вымолвил ни слова. Я подливаю себе коньяку. Внезапно я чувствую острый голод. Выпивка возбудила мой аппетит, а в доме хоть ша-ром покати. На всякий случай я иду на кухню, авось, где-нибудь завалюсь хоть корочка хлеба. Судьба и на сей раз смилостивилась надо мной. Кусочек черствого черного хлеба весьма кстати. Я возвращаюсь в комнату. Мой взгляд вновь натывается на мишень для лука. Почему я никогда не замечал ее раньше? Впрочем, может, и замечал, но не придавал значения. Ларчик открывается просто, мне вообще до лампочки особа Зураба Гомартели.

Я с удовольствием жую черствую корку. Ничто на свете не сравнить со вкусом хлеба! Теперь и коньяк идет лучше. Я уже основательно захмелел, но контроля над собой не теряю. Интересно, во что все это выльется — в гнев или в ласку? Вообще во хмелю я делаюсь размазней — всех люблю, всех жалею, хочется всех приласкать, каждому сказать доброе слово. Даже с теми, кого терпеть не могу, я становлюсь отзывчивым и открытым. Я искренне клянусь им в любви и верности. Во хмелю я способен всем все простить, оправдать любой поступок, побрататься с первым встречным... А на следующий день глаз не могу открыть со стыда. Я до одурения смотрю в стену и вообще валяюсь в постели до полудня, пока сознание не прояснится окончательно, и все не станет на свои места. Вот тогда я выдвигаю успокоительный и выгодный для себя довод: вчерашнее мое поведение должно стать уроком на будущее. Трудно припомнить, сколько подобных «уроков на будущее» я получил.

Без десяти одиннадцать.

Поскорей бы уже пришла Эка.

Я не испытываю никакого желания, чтобы Зураб Гомартели стал причиной моего бешенства, хотя уже пару раз я весьма подозрительно посмотрел на его плоский лоб. Неужели все, что он говорит сейчас (а говорит он битых полтора часа не переставая), все эти великолепные идеи вот так без передышки и рождаются в его мозгу? Или он выпаливает свои автоматные очереди, обдумав их еще до прихода ко мне?

Да, я, дескать, убежден, что именно ты и должен стать директором института. Да, да, я, мол, прекрасно знаю, что административная карьера тебя не очень-то и прельщает, но в интересах института и науки необходимо принести себя в жертву. Несовместимость, вот что ждет в ином случае любого пришельца со стороны.

— А не лучше ли нам сначала похоронить беднягу?

Такова моя первая и пока что единственная за все это время фраза. Сама по себе она нейтральна и даже банальна. Но эффект ее оглушительен. Расслабленный до этого Гомартели вдруг выпрямился, с испугом уставился на меня и окаменел.



Пауза продолжалась довольно долго. Я в упор смотрел на Зураба, скривив губы в иронической улыбке. Я и сам не ждал подобного эффекта. Этому простенькому предложению, видимо, придало силу двухчасовое молчание. Именно оно зарядило его и сообщило ему высокое напряжение.

И без того холодные глаза Зураба совершенно заледенели под плоским лбом. Может, он почувствовал угрызения совести? Может, ему стало стыдно и больно от своего нетерпения? О нет, его булькающий, как болото, мозг еще не созрел для подобных переживаний. А испуг его проистекал просто из здравого чувства потерять союзника.

Меня безмерно раздражает его овечий взгляд. Но еще больше бесит белый, квадратный лоб, гладкий, как эklarский камень.

Я чувствую, как во мне вздымаются белые барашки гнева. Море заволновалось и заходило ходуном. Громадная волна поднялась на дыбы, опала и закипела бурунами. Я стараюсь усмирить в себе шипение и рев воды, разбивающейся о скалы. Но волны накатываются ряд за рядом.

— Так я говорю, не лучше ли нам сначала похоронить беднягу?

Я веско чеканю каждое слово.

Прежней иронии как не бывало. Теперь в моем голосе слышится неприкрытая угроза.

Пауза.

На лице Зураба Гомартели отразилось такое страдание, что рев волн во мне сразу же утих.

— Потом будет поздно, слишком поздно!

Его глаза вдруг увлажнились. Он отодвинул полный стакан подальше от себя и вскочил на ноги.

От наметанного взгляда Зураба не укрылось, что ревущие волны уже не разбиваются о гранитные скалы. И он не преминул воспользоваться минутным затишьем стихии.

— Ты ничего не понимаешь, Нодар. Пока ты сложа руки на груди преспокойно сидишь дома, люди бегают в Академию устраивать свои дела. Никого не заботит, что тем самым наносится оскорбление всему институту. Нас не принимают в расчет. Неужели Леван Гзиришвили не подготовил смену, неужели ни один из нас недостойн стать во главе института? Невыносимо примириться с мыслью, что нам не доверяют. Неужели все дело в возрасте? А ведь мы прекрасно знаем, кто на что способен. Наши исследования, тем более твои, Нодар, на целых десять голов стоят выше их мышшиной возни. Микромир и физика элементарных частиц—наша область, и мы нико-го не должны подпускать даже близко к ней.

Мне положительно начинает нравиться темперамент Зураба Гомартели. Вот уж не ожидал от него такой прыти.

— Черт с ним, давай усмирим гордыню и склоним головы перед чужаком и притом занимающимся совершенно другой областью физики. Пока мы притремся друг к другу, по-

ка изучим характер и наклонности друг друга, пока наладятся человеческие контакты, и, наконец, пока наш новоиспеченный начальник соизволит вникнуть в существо наших исследований, пройдет не меньше двух лет, а то и все три. Два года, ты слышишь, Нодар, два года! Впрочем, ты и сам прекрасно понимаешь, что значат в нашем деле два года!

Пауза.

— В области физики элементарных частиц у покойного академика не было других учеников, кроме нас. Я не могу назвать ни одного физика в Грузии, понимающего в этом больше нас. Почему же нам должны назначить руководителя со стороны? Если ты согласен, мы все безоговорочно поддержим твою кандидатуру и категорически потребуем назначить директором тебя. Надо действовать без промедления, сейчас же, сию минуту.

А вот и выглянуло солнышко. Умиротворенную тишину нарушает лишь робкий плеск волн и шорох гальки. На моем лице заиграла улыбка. Я едва сдерживаюсь, чтоб не расхотаться. Зурабу Гомартели ужасно нравится собственный пафос. Это заметно даже простым глазом. Он вошел в роль и искусственно поддерживал священный трепет в своем холодном теле.

Неожиданно на меня находит отвращение. Я с раздражением рассматриваю плоский лоб Зураба, мешающий мне разглядеть простенький механизм его мозга с двумя туго вращающимися шестеренками.

Здоровый, мускулистый, восемнадцатилетний парень навзничь лежал в постели и думал.

Ему была явно непривычна темная старинная трехкомнатная квартира в Сололаки. Непривычным был ее лепной, украшенный амурами потолок с дорогими хрустальными люстрами. Непривычной была городская обстановка квартиры, ну хотя бы эта громадная кровать с пышно взбитыми подушкой и пуховиком, на которых он теперь возлежал.

Ни тетка, ни члены ее семьи не пришли в восторг от прихода нежданного гостя. Это прекрасно почувствовал и он сам, и маленькая кудрявая собачонка, враждебно затаившаяся на него, как только он переступил порог квартиры.

Но он даже виду не подал, что заметил холодный прием. Оскорбление он проглотил, но запомнил навсегда. Отступить было некуда. Своим недюжинным, гибким умом юноша быстро сообразил, что излишняя привередливость может лишь повредить делу. Ничего. Со временем он им все припомнит; и недовольно сжатые губы тетки, и иронические улыбки двоюродных братьев, вызванные его деревенским нарядом.

У него было энергичное лицо и жесткий взгляд, надежно маскирующий расчетливость. Лишь в случае, когда успех был обеспечен, он сполна давал излиться своей гордыне и непомерному честолюбию. Да, он надежно держит в узде самолюбие и тщеславие, втайне надеясь, что наступит время, когда он без помех сможет их проявить. Он отлично владел собой и умело направлял свои страсти в нужное русло.



В вагоне он даже не вздремнул, но и теперь сон не шел к нему. Юноша ехал в Тбилиси продолжать учебу. В выцветшей и дряхлой спортивной сумке была лишь одна смена белья, аттестат зрелости золотого медалиста и русско-грузинский словарь. Вот и все его состояние. Но зато у него была ясная цель — стать ученым, физиком. Он обладал поразительной целеустремленностью, огромной энергией, завидной силой воли и эластичным, гибким характером. Отступаться от намеченного он не умел и, если отступал, то лишь из тактических соображений, как делают шоферы, отводя машину задним ходом, чтобы потом мощно и на полной скорости одолеть скользкий подъем.

Даже из вагона он, наверное, вышел не сразу и долго сидел, прижавшись лбом к окну, наблюдая за пассажирами и встречающими, суетившимися на перроне.

Наступало жаркое июльское утро.

Ночью, видно, прошел дождь, но влага ничуть не умерила зноя, усугубляемого жаром расплавившегося от жгучих солнечных лучей асфальта. Впрочем, кто знает, может, по городским меркам было даже прохладно.

А вот уже юноша неторопливо, рассчитывая каждый шаг, направляется к вокзальному выходу.

По лицу деревенского паренька, приехавшего искать счастья в городе, невозможно угадать, как на него действует непривычный нервный ритм, шум, возгласы, объятия и поцелуи вокзального люда, грохот грузовых вагонок, спящих взад и вперед, хриплые окрики их водителей, протяжные гудки маневровых паровозов, надтреснутый голос радио.

Он послушно вверяет себя людскому потоку, который непременно выведет его к вожделенным воротам совершенно незнакомого города.

Какая жизнь кипит по ту сторону этих ворот?

На какое-то мгновение он застыл у выхода.

Может, он хочет, чтобы эта минута, предшествующая вступлению в круговерть города, особо запечатлелась в его сознании?

А может, он просто пытается осознать волнующее значение этой долгожданной минуты, которой дано навсегда изменить его жизнь?

Торопливые прохожие немилосердно толкают юношу, но он не чувствует этого или не обращает внимания.

А может, это — излишняя настороженность, так свойственная провинциалам, впервые попавшим в город, старающимся ничему не удивляться, подавляющим жгучее любопытство и делающим вид, что все вокруг для них привычно и буднично?

А может, в этом есть даже нечто вызывающее, упрямо утверждающее себя в бесконечной суете?

Вполне возможно, что его самоуверенность еще больше окрепла, столкнувшись с напряженным ритмом огромного города, с незнакомыми людьми, с таинственной жизнью, с непривычной средой, порождающей острое чувство одиночества и холода. Ибо он не дрогнул, не испугался, не отступил от



намеченной цели, не растворился и не утонул в этом диком круговороте.

Вполне возможно, что он даже успокоился, освоился и обнадеежился, став частицей всего окружающего, словно полная жизненной силы и готовая вот-вот взорваться.

Я вижу, как он неторопливо шагает по улице Челюскинцев. Ширина улицы и обилие транспорта на ней безошибочно подсказали ему, что она ведет к центру.

Ориентиром он избрал Мтацминду. Он идет, бесстрастно и безразлично окидывая взглядом витрины магазинов, хотя его напряженное сознание, словно киноаппарат, фиксирует все увиденное, чтобы навсегда запечатлеть в возбужденном мозгу.

Юноша не ищет теткиного дома, адрес которой на всякий случай лежит у него в кармане, хотя он давно заучил его наизусть. Он торопится к Мтацминде. Им вдруг овладевает лихорадочное желание увидеть сверху город, в котором он отныне должен утвердиться. Ему не терпится целиком ощутить, прочувствовать сильный, огромный, живой организм, неделимой частичкой которого он отныне становится. Он хочет поразмышлять, взвесить свои возможности, с помощью которых собирается проложить путь к своей цели в этом городе.

Открытый вагончик фуникулера медленно ползет вверх. Город постепенно остается внизу, но его границы настолько расширяются, настолько растет поле обзора, что кажется, — Тбилиси тоже поднимается вверх.

Минут через пять паренек уже стоит у каменного парапета и задумчиво глядит на город. Над Курой навис серый, пропитанный пылью туман, заволакивающий все небо в стороне аэропорта. Казалось, что старый Тбилиси целиком погрузился в воду, оставив на поверхности купола авлабарской церкви, Нарикалу и Метехский замок.

А туман набирает силу и стелется против течения Курь. Вот уже нырнули в мутную воду купола церкви, и только серебристые кресты указывают на место их погружения. Лишь мощные плечи Нарикалы все еще не поддаются напору воды.

Тбилиси медленно, но неуклонно заворачивался в серый туман. Размылись контуры высоких зданий, гул машин едва достигал слуха юноши. Город, надежно укутанный плотной пеленой, глухо урчал.

Юноша долго простоял в задумчивости, глазом покупателя прицениваясь к городу, разлегшемуся под завесой тумана, к городу, в схватку с которым он отныне вступал.

Он бессонно ворочается в постели, не находя себе места в богатом, покойном, но чужом и холодном окружении. Его утомили и возбудили обильные впечатления первого дня, проведенного в огромном и незнакомом городе.

Из соседней комнаты до него доносится шепот двоюродных братьев. Он зябко ежится от неугомонного смеха, который мнится ему продолжением той самой иронической улыбки, игравшей на их губах при его появлении в теткинском доме.

На улице раздался треск мотоцикла. Он остановился возле ворот, а после того, как ворота, закрипев, отворились, въехал во двор и затих. Потом послышался разговор, кто-то кого-то окликал, смех, резкий окрик. Полудремотное сознание юноши не улавливает смысла слов. Смех, разговор, гам сплетаются и вновь расчлняются. Вокзал, Мтацминда, Тбилиси, распластавшийся внизу, словно невиданное, мычащее, многоногое, многоглавое чудовище, укрытое слоистым туманом, многолюдные улицы, витрины магазинов, круговорот машин, белое здание университета, окошечко для приема документов на физфак, холодное лицо тети и ее униженные перстнями пальцы, иронические улыбки двоюродных братьев, потолок в амурах, огромный черный рояль, треск мотоцикла — все это причудливо сливается, сплавляется воедино. Тбилиси — начало новой его жизни. Он еще не знает нравится ему это или нет, да он и не думает об этом. Он ждет не дождется наступления утра, чтобы погрузиться в жизнь города и найти свой собственный путь в сильном и вихревом его течении.

Пятнадцать минут двенадцатого. Через пять минут моя машина, стоящая во дворе, окажется под лучами палящего солнца.

— Дорогой Зураб! (Я с особым вкусом произношу «дорогой».) Вы же прекрасно знаете, что я никогда не соглашусь стать директором Института физики элементарных частиц, если даже мне предложат. Ведь вы знаете это, не так ли?

Зураб Гомартели не обращает никакого внимания на мое иронично-вежливое выканье.

— Знаю!

— Так вот, если знаешь, брось выламываться и скажи прямо, чего тебе надо!

Зураб растерялся, впрочем, это вряд ли можно назвать растерянностью, Зураб Гомартели похож скорее на мышь, угодливую в ловушку и лихорадочно мечущуюся в поисках выхода. Теперь-то он, наконец, понял, что карты его раскрыты и дипломатия потеряла всякий смысл. Плосколобый молодец явно стремился создать ситуацию, в которой я сам сказал бы ему: знаешь что, друг, давай-ка на место директора института я предложу твою кандидатуру. Но теперь он окончательно убедился, что от меня ему этого не дожждаться.

— Да, ты прав. Я знал заранее — ты ни за что не согласишься стать директором. Но, ради бога, не считай мой поступок дипломатической уловкой. В первую голову должность эта по праву принадлежит тебе. Если ты дашь согласие, мы с радостью поддержим тебя и до последнего будем бороться за твое назначение. Но я обязан сказать и другое, к тому же без ложной скромности — после тебя директорский пост положен мне. Ты — талантливый ученый, отличный исследователь и экспериментатор. Обречь тебя на административную деятельность неумно, чтобы не сказать преступно. Этим делом с успехом займусь я. Ты прекрасно знаешь, что это мне по плечу, да я и сам чувствую — мне за глаза хватит и ума, и энергии. Административная деятельность — моя стихия. Я буду руководителем, который до тонкостей разбирается во



всех проблемах, стоящих перед институтом. Для меня будут понятны все претензии и нужды научных сотрудников. Правда, мне трудно состязаться с тобой в эрудиции, в плодотворности научных исследований и постановке проблем, но мне не столь сильна интуиция экспериментатора, однако, и у меня есть свои сильные стороны, и я верю, что они дают определенное преимущество на вакансию руководителя. Я очень прошу тебя не понимать меня превратно и не считать карьеристом. Я не карьерист, а человек дела. Я терпеть не могу нерешительности и непрофессионализма руководителя. Я всегда мечтал о настоящей профессиональной среде и работе без профанации. Я — сторонник рационализма и логичного развития научной деятельности. Я знаю цену времени, знаю, что это самый дорогой «товар» в жизни. Кто не знает цену времени, тот обрекает себя на прозябание на задворках современной науки.

Я буду всячески поддерживать тебя и всех других талантливых ученых, создам идеальные условия для плодотворной научной работы. Не думай, пожалуйста, что я такой уж альтруист и стремлюсь только к вашему благу. Я буду руководителем, и одна веточка из вашего лаврового венка будет принадлежать и мне. Призываю тебя не считать мой разговор торговой сделкой. Я очень взволнован и говорю с тобой совершенно откровенно. Не обращай внимания на стиль и форму моего предложения. Я хочу, чтобы ты правильно меня понял, правильно понял то, что я желал сказать, а не то, что вырвалось у меня из-за волнения.

Я смотрю на часы. Десять минут первого. Солнце уже немилосердно раскалило капот моей машины.

Насколько благородней кажется мне моя машина по сравнению с Зурабом Гомартели. Хорошая, тихая, настоящий друг, безмолвно подчиняющийся любому моему желанию. Теперь ее безжалостно палит солнце, а я вынужден слушать дурацкие тирады без пяти минут директора.

Я стою перед труднейшим выбором: либо плеснуть коньяк прямо в лицо этому деятелю, либо отвесить ему увесистую оплеуху, либо элементарно вышвырнуть вон. Каждая из альтернатив весьма соблазнительна.

Мысли мои вновь вертятся около машины. Солнце шаг за шагом, методично заливает ее лоснящееся красное тело. Я встаю и шарю в карманах в поисках ключа от машины.

Претендент на директорское кресло явно изумлен моей индифферентностью. Что скрывать, мне доставляет огромное удовольствие немножко позлить его. Что это? Садизм? Может, в каждом человеке таится садистское начало, пробуждающееся в соответствующих условиях. Если это действительно так, то можно считать, что оно достаточно энергично проснулось во мне. Вот так сразу и проснулось. И представьте, даже глаз не протерло со сна. О, я прекрасно знаю, какой огонь сжигает сердце Зураба Гомартели. Этот плосколобый субъект отлично понимает, что моя поддержка, парочка добрых слов в его адрес откроет ему дорогу в директорский кабинет. Понимает он и то, что если я пойду против или просто отвернусь от него, не видать ему вожделенного кресла, как



собственных ушей. Лишь одного не понимает Зураб Гомартели — мне абсолютно безразлично, кто станет моим директором.

Если подумать, лично для меня Зураб Гомартели — оптимальный вариант. Он отлично знает цену каждому и не посмеет задирать носа. Своей практической сметкой и энергией он создаст нам все условия для работы. Естественно, что и сам он в накладе не останется.

Я с плохо скрываемым раздражением смотрю на его неприятное лицо.

Почему запаздывает Эка?

Нет, все-таки лучше спуститься и переставить мишну. Я перебираю пальцами ключи от машины. Их брэнчание, наверное, чертовски действует на нервы Зурабу Гомартели. Еще больше, наверное, бесит его мое безразличие. Дай ему водю, он без сомнения всадил бы мне пулю промеж глаз. И то сказать, насколько целеустремленным должен быть человек, чтобы совладать с такой ненавистью, чтобы усмирить клокочущую в теле злобу и как ни в чем не бывало, с покорной мольбой в голосе разговаривать с тобой.

Старый президент пребывает в задумчивости.

Кто заменит академика Левана Гзиришвили?

В физике элементарных частиц не осталось ни одного признанного авторитета, соответствующего должности директора как по своим научным заслугам, так и по возрасту.

Молодые, конечно же, есть, и к тому же талантливые, перспективные. Многие из них успели уже создать себе имя в научных кругах. У нескольких молодых почти равные шансы на директорский пост. Но предпочтение все же отдается мне. Так и было доложено президенту: наиболее достойным кандидатом является Нодар Геловани. К тому же присовокупили, что я наотрез отказываюсь от предложения.

Все кандидатуры обсуждаются с разных сторон: проверяются и перепроверяются научные титулы и звания, на аптекарских весах взвешиваются регалии и заслуги. И кандидаты на директорство один за другим выбывают из труднейшего состязания, круг претендентов неумолимо сужается. В конце концов остается лишь двое. Вот тут-то преимущество явно на стороне Зураба Гомартели. И парочка добрых слов, склонившая чашу весов в пользу Зураба, продиктована не только и не столько его научными и организаторскими способностями, сколько воистину завидной энергией и целеустремленностью.

Меня поражает, а если быть точнее, тревожит энергия Зураба Гомартели. И вообще меня тревожат все энергичные люди. Я не в состоянии начинать и делать несколько дел одновременно. Даже переключение с одного на другое дается мне с немалым трудом. Более того, я теряюсь, впадаю в отчаяние, безнадежно раздваиваюсь.

Я — человек настроения и часто оказываюсь жертвой эмоциональных стрессов. Достаточно мне узнать что-то неприятное, и дело тут же валится из рук. Зураб Гомартели эмоционально выхолощен, но зато упорен и настойчив...

Старый президент погружен в раздумье.  
«Зураб Гомартели?»

Бог весть, от какой мелочи, от какой безделицы сит порой судьба человека. Только-только чаша весов нилась на сторону Зураба Гомартели. И вопрос вот-вот должен решиться... Но... Один-единственный телефонный звонок может круто изменить все. По телефону можно услышать всякую всячину, нечто важное или попросту сущий пустяк, а дело, которое, казалось бы, уже окончательно сладилось, пойдет вкривь и вкось.

К примеру, у старого президента занемог внучек: температура тридцать шесть и девять. Подумаешь, скажете вы, ничего особенного, что это за температура, да еще летом. Но не забывайте, дело касается ребенка, и к нему необходимо позвать одно из видных светил медицинского мира.

Вполне возможно, что звонят из вышестоящих инстанций с покорнейшей просьбой написать в газету небольшую статейку или просто кого-то поздравить с юбилеем.

Внимание рассеивается. И микроскопическое преимущество, добытое Зурабом Гомартели в процессе перебора кандидатур, сходит на нет. Другие мысли занимают теперь президента. Не лучше ли вернуться к этому вопросу завтра, утомленно скажет он. И никто не посмеет возразить. А назавтра президенту некогда, послезавтра — научная конференция, после послезавтра — прием зарубежных гостей и осмотр Академии. А потом наступит другое время, а с ним дадут себя знать иные проблемы и иные критерии.

И все же судьба благосклонна к Зурабу Гомартели.

Соискатель директорского кресла Института физики элементарных частиц одевается в полном соответствии со строгим вкусом: по-деловому просто, неброско, выбрит и пострижен по официально установленному стандарту. Свои визиты в рестораны он доводит до минимума, а то и вовсе прекращает. На застольях и официальных банкетах довольствуется лишь половиной бокала вина, но, как правило, предпочитает не пить вообще. Тем самым он дает почувствовать представителям старшего поколения, что придерживается одинаковых с ними норм жизни.

Неожиданно называется новое имя — Кобахидзе, Роман Кобахидзе.

— Кто, кто? — переспрашивает президент.

— Роман Кобахидзе.

Да, это имя всплывает совершенно неожиданно. Так нередко бывает с охотником, когда ружье уже зачехлено и охота закончена, а из-за куста внезапно пулей вылетает косой...

Он, оказывается, работал в Дубне. Ему сорок лет, естественно, доктор наук. Незаурядный экспериментатор и воспитанный молодой человек (если, конечно, можно назвать молодым человеком сорокалетнего мужчину).

Назвавший имя Романа Кобахидзе дает ему отменную характеристику, умную и логичную.

Микроскопическое преимущество Зураба Гомартели та-ет, как снег.





Стоит подумать. В Институте физики элементарных частиц несколько человек в равной степени заслуживают директорскую должность. И все они молоды. В физике элементарных частиц, как известно, нет сколько-нибудь пожилых и притом авторитетных ученых. Выделить же хотя бы одного из молодых означало бросить яблоко раздора. Ведь все они дружат между собой, и вдруг завтра один из них делается директором. Каждое его замечание будет восприниматься болезненно, как личное оскорбление, не будет конца обидам и трениям. А вот Роман Кобахидзе — совсем другое дело. Чужой человек не будет ущемлять самолюбия друзей. Правда, Нодар Геловани был бы наиболее достойным директором, но что поделаешь, он даже слышать об этом не желает. Поэтому самое разумное в сложившейся ситуации — призвать Романа Кобахидзе, разумеется, если тот даст согласие.

Но нет, судьба воистину благоволит к Зурабу Гомартели.

Кто-то перегородил поток тяжелой доской и отвел его в сторону.

Леван Гзиришвили создал институт, вырастил целую плеяду ученых и притом довольно сильных. И разве не оскорбимы память большого ученого, отдав институт чужаку и предложив его ученикам академика? Люди собственноручно возвели в горах огромную лабораторию, прогремевшую на весь мир. И каково поставить во главе учреждения персону (поймите меня правильно, я знаю Романа Кобахидзе, как прекрасного ученого, солидного и выдержанного человека), даже в глаза не видевшую ни этой лаборатории, ни этого института? Как на это отреагирует коллектив, не воспримет ли он эту акцию как неуважение к себе? Лично я считаю (повторяю еще раз, никаких чувств, кроме симпатии, к Роману Кобахидзе не испытываю), что подобная реакция вполне справедлива, ибо его назначение будет означать не что иное, как неверие в силы сотрудников института.

Седовласый президент нетерпеливо постукивает о стол костяшками пальцев.

Чаши весов сначала постепенно выравниваются, а затем незаметно склоняются на сторону Зураба Гомартели.

В таком деле торопиться не следует, вопрос достаточно серьезен, надо все хорошенько продумать, еще раз взвесить все за и против. Ведь не горит же, в конце-то концов.

На папках тщательно завязываются тесемки, все встают и гуськом покидают кабинет президента.

Президент снимает очки и энергично протирает их их стекла платком.

Зураб Гомартели, сидя за рулем молочно-белой «Волги», торопится в лабораторию. Оставив позади шоссе, он сворачивает в ущелье, на серпантин. Машиной он управляет механически, многократно взвешивая, перебирая, оценивая в сознании свое минимальное преимущество. То оно кажется ему настолько незначительным, что во рту появляется привкус горечи, то наоборот, его охватывает чувство радости, и он невольно прибавляет скорость. Коллектив института и лично я, Нодар Геловани, держим его сторону и согласны работать под



мудрым руководством Зураба Гомартели над дальнейшими исследованиями загадок микромира.

Что и говорить, мы могли бы занять недвусмысленную позицию, отвести кандидатуру Романа Кобахидзе и настоять на назначении Зураба Гомартели.

Но никто даже пальцем не шевельнет ради этого. Просто все (ну разве что за исключением одного-двух сотрудников, которые и сами были не прочь занять вакансию) согласны с кандидатурой Зураба Гомартели, и баста. Его назначение несколько не заденет нашего самолюбия.

Завтра Гомартели непременно должен быть в Тбилиси. Почему бы не повидать ребят сегодня? Нелишнее пооткровенничать с ними, обласкать, психологически подготовить, приучить их к мысли о своем праве на директорство.

Временами он погружается в сладостные мечтания, щекочущие его тщеславие. Ведь тбилисский Институт физики элементарных частиц не какая-нибудь там рядовая исследовательская контора. Леван Гзиришвили создал ему мировое имя. Как-никак именно здесь впервые набрали на семейство мезонов. А чего стоит хотя бы сенсационная волна, поднявшаяся здесь и захлестнувшая затем весь научный мир?

Мчится машина, и мысли быстро сменяют друг друга. В ущелье постепенно темнеет. Одиннадцать часов утра, но тучи так черны и тяжелы, что вполне может сойти за сумерки.

Имя Зураба Гомартели мгновенно станет достоянием целой армии физиков, работающих в области элементарных частиц. Теперь он заявится в Дубну в совершенно ином качестве, совершенно иными глазами станут смотреть на него и в Серпухове, да и его выступления на разных там симпозиумах и конгрессах будут встречаться совершенно иначе. Да, теперь каждое слово Зураба Гомартели приобретет иной вес и иную цену — ведь за его спиной солидный институт и прогремевшая на весь мир лаборатория космических лучей.

Но куда подевались тяжелые японские часы, обременявшие зурабово запястье? И где массивный перстень с печаткой?

А где модный костюм в полоску и фирменная рубашка?

И куда сгнули крупноглазые запонки, некогда весело сверкавшие на тщательно открамеленных манжетах рубашки?

Теперь все это излишне, к чему привлекать внимание и возбуждать нежелательные эмоции?

Ущелье постепенно сужается. А вот и то место, где Зураб по обыкновению останавливает машину. Он выйдет из машины, осмотрит покрышки, затем довольным взглядом окинет Кавказский хребет, селения, оставшиеся внизу и подернутые туманом.

Неужели он изменит традиции? Неужели не остановит машину?

Если остановит, значит все в порядке, настроение в норме и сомнения отогнаны прочь.

Машина сбавила ход и медленно сползла с дороги.

Он бодро вышел из машины. Глаза его по-прежнему лучатся энергией. Если хорошенько присмотреться, нетрудно заметить, что лицо его светится радостью бытия. Он захлопнул дверцу машины, закурил и подошел к выступу скалы. Ого, он никак и курить начал? Что ж, первый верный шаг уже сделан. Теперь его здоровым и незамутненным легким никотин нипочем. А вот солидности явно прибавит. Да нет, я неправильно высказался, просто сигарета даст ему возможность обдумать вопрос и заполнить паузу в разговоре. Ведь дать ответ сразу ему вроде бы не пристало, зато после трех-четырех затяжек будет в самый раз. На четыре затяжки требуется время, так долго молчать как-то неловко. Но когда куришь, неловкость исчезает, да и движения делаются солидней и естественней. К тому же и ждущий ответа нервничает меньше.

Внизу в расщелине извивается река. Ее шум едва доносится до слуха. Удивительная тишина, не слышно даже птичьего голоса.

Зураб Гомартели потянулся, присел несколько раз и направился к машине.

Все в полном порядке.

Его насквозь рационализированное сознание не упустило ни малейшей детали, все взвесило, определило, учло и расставило по своим местам. Он убедился, что, если не случится чего-то из ряда вон выходящего, до директорства — рукой подать. Приятная легкость разлилась по всему телу, и шаг его сделался пружинистым и четким.

Осталось ждать совсем немного, ну от силы, неделю, не больше, и все окончательно утрясется. Завтра с утра пораньше надо вернуться в Тбилиси. Кто знает, может вопрос решится на заседании президиума уже послезавтра. Теперь главное — вовремя добраться до лаборатории и дать почувствовать каждому, что между ним и директорским креслом не существует уже никаких преград.

Он затянулся напоследок, швырнул окурок в пропасть и сел в машину. Не успела дверца захлопнуться, как машина тронулась с места. Что и говорить, машиной он управляет мастерски.

Минутная передышка, легкая разрядка и чистый воздух ущелья придали ему бодрости. Он прибавил скорости и четко сформулировал цель — добраться до лаборатории за два часа.

Лишь одного не мог предусмотреть Зураб Гомартели — испытание ждало его тут же, в каких-нибудь пяти минутах езды.

Неужели человек не ощущает приближения беды? Неужели предчувствие не предупреждает его о грядущей опасности? Но тогда, каким же образом я догадался о смерти матери, едва слышав шаги Гии? Может, этот импульс сообщил мне сам Гия своим робким, необычным появлением? Но ведь я не видел его? И потом, как мне удалось определить, что это был именно Гия? Как, каким образом я почувствовал все это?





Но почему же тогда Зураб Гомартели не чувствует, что через пять, уже через три минуты он собьет машиной четырнадцатилетнюю девочку?

А вот я страшно переживаю три минуты, отделяющие его от беды. Убийца и жертва неотвратимо сближаются друг с другом. Жертва медленно идет пешком. Впрочем, это мне кажется, что медленно. Девочка погоняет теленка. Зураб Гомартели со скоростью семьдесят километров в час приближается к своей жертве. Девочка торопится домой, чтобы успеть к детской телепередаче. А Зурабу Гомартели не терпится добраться до лаборатории. Семьдесят километров в час — огромная скорость для разбитого, извилистого, узкого проселка. Гомартели не щадит ни себя, ни машину.

Остается одна-единственная минута.

Неужели они по-прежнему ничего не чувствуют?

Я весь дрожу от напряжения.

Еще полминуты, пятнадцать, десять, пять секунд...

Я больше не могу. Я зажмуриваюсь от страха. Столкновение неизбежно. Все предопределено заранее, год, три, пять лет назад... Решено! В тот самый день, в тот самый час, в ту самую секунду, когда девочка появилась на свет. Потом должно было пройти четырнадцать лет, и вот...

Три секунды, две, одна...

Мертвый поворот...

Девочка перебежала дорогу. Зураб Гомартели изо всех сил жмет на тормоза и круто берет влево. Машину резко развернуло, и она стала поперек дороги.

Как страшен был удар, словно мозг одновременно пробуравили миллион электросверл. Он в отчаянии бьется головой о руль и не осмеливается вылезти из машины. Девочка вся в крови валяется в стороне от дороги. При столкновении ее отбросило бампером.

Машина по-прежнему стоит поперек дороги. Двигатель заглох.

Зураб Гомартели судорожно сжимает руками руль. Он никак не может вспомнить, когда заглох мотор. Повернув ключ, он вновь запускает двигатель. Затем дает задний ход и разворачивает машину на Тбилиси.

Все, что случилось за этот краткий отрезок времени, сознание Зураба Гомартели не удержало. Он не успел осознать, не сумел почувствовать, когда заглох мотор, не запомнил он и того, как развернул машину на Тбилиси.

В эту минуту сознание его было целиком поглощено одной мыслью. При столкновении он отчетливо увидел испуганные и залитые страшной мукой глаза. В ушах раздался ужасающий скрежет тормозов и вопль девочки.

Потом?

Потом тысячи мыслей со страшной скоростью пронеслись в его мозгу.

Зураб Гомартели понял, что все погибло. Уже было не до должности, ему грозила тюрьма — как минимум четыре года.

«Зачем я поехал, зачем?!»



«Почему я не залил бензин во Мцхета, ведь задержанная могла спасти меня от беды!»

«Почему я не подвез тех женщин в черном, что встретились мне у Мцхета! Минутной остановки вполне бы хватило, чтобы я оказался вне опасности...»

Потом?

Потом в его сознании, сменяя друг друга, проскакивают лица жены и детей, покрасневшие от слез глаза близких, ехидные улыбки врагов.

Когда он решил повернуть на Тбилиси?

Нет, он никак не может вспомнить этого, но от факта никуда не денешься — машина повернута по направлению к Тбилиси. Не инстинкт ли самосохранения подсказал ему бежать в Тбилиси? А может, сработал другой инстинкт, приказавший не трогаться с места и не скрываться трусливо с места происшествия? А может, страх стать убийцей превозмог, в конце концов, страх погубить карьеру?

Помертвев от ужаса, он вышел из машины. У девочки перелом обеих ног, рядом с ней натекла лужа крови. Глаза, полные мольбы и боли, полуприкрыты, тело пульсирует, как умирающее сердце. Левая рука сломана, правой рукой она бессильно царапает землю, пытается опереться и приподнять голову.

Внезапно в мозгу Зураба Гомартели созрела самая страшная мысль, какая только могла прийти в голову человеку.

Зураб Гомартели дрожал, с испугом озираясь по сторонам, но страшная мысль, страшное решение постепенно овладели им и поработили его.

Сознание его померкло, на лице проступила синева, тошнота подступила к горлу. Он по-волчьи огляделся — вокруг ни души.

Вытянув шею, он заглянул в пропасть. Дорога шла по самому ее краю, стена почти отвесно обрывалась вниз, туда, где еле слышно шумела река. Гомартели повернулся, еще раз огляделся по сторонам и, не заметив никого, бросился к девочке. Руками он проподнял ее за плечи. Мозг его работал с поразительной быстротой, и он сообразил, что брать девочку на руки нельзя, иначе запачкаешься в крови. Он осторожно потянул девочку через дорогу. Из горла девочки вырывались страшные звуки — то ли клекот, то ли мычание. Перебитые ноги послушно тащились за туловищем, оставляя на дороге кровавые следы.

От невыносимой боли девочка открыла глаза и посмотрела на Зураба. Не выдержав этого молящего взгляда, он отвел глаза в сторону и так продолжал тянуть обмякшее тело. Увидев выступ скалы, девочка поняла, что ее ожидало.

Было уже поздно кричать, умолять, просить пощады. Слух и сознание Зураба Гомартели отталкивали бессвязные слова, как стальная стена — мелкие камешки, брошенные слабой рукой. В сознании его запечатлелись лишь глаза, расширившиеся от страха и изумления.

Завороженный этими глазами он застыл на миг, словно изваяние. До слуха его донесся шорох камешков, увлекаемых падающим телом.

Зураб Гомартели очнулся и бегом бросился к машине.

«В Тбилиси!» — билось в сознании.

«В Тбилиси, в Тбилиси, в Тбилиси!» — эхом отзывалось ущелье на его решение.

Как можно скорее, как можно скорее надо убираться отсюда. Как можно быстрее надо влиться в главную магистраль. А там уже можно незаметно раствориться.

Заметив машину, ехавшую ему навстречу, он сбросил скорость и придал безразличное выражение своему лицу. Большая скорость непременно привлечет внимание, диктует кто-то, поселившийся в его мозгу.

«А вдруг он увидит кровь?».

«А вдруг он остановит машину?».

Сомнение вползло в душу.

«Если увидит, непременно заподозрит меня. Неужели он запомнил номер машины?».

Новое открытие — он совершенно мокрый. А он даже не успел заметить, как вспотел.

Еще двадцать километров — и он на автостраде. А там он смешается с потоком машин и навсегда заметет свой след. Главное, не повстречаться со знакомыми — в Тбилиси надо вернуться незамеченным.

Огромный хребет натянут тетивой лука.

Еще пять километров.

Еще два, один...

Зураб Гомартели влился в стальную реку и стал одной из ее волн.

Он вздохнул с облегчением, надежда вновь пробудилась в глубине его сердца. Теперь главное — вовремя приехать в Тбилиси.

«А вдруг на машине какой-нибудь след?».

«Нет, надо еще проехать чуть-чуть».

Еще пять километров осталось позади. Он съехал на обочину и остановил машину. Потом с беззаботным видом осторожно вылез из машины. Сначала он осмотрел крышки, затем просунул руку в окошко и открыл капот. Сделав вид, что изучает мотор, он незаметно ел глазами бампер. Ни единой вмятины, лишь кое-где едва заметные пятнышки сохшей крови. Он спокойно вытащил платок из кармана, тщательно протер никелевые части, а затем, завернув в платок камень, зашвырнул его подальше. Только теперь он вздохнул с истинным облегчением.

До самой автострады он доехал так, что не встретил ни одной машины, кроме того самого «Жигуленка».

«Неужели он запомнил номер моей машины?».

«Но зачем, спрашивается, ему было запоминать его?».

«Главное, вовремя добраться до Тбилиси, помыть машину в профилактике, а потом зайти к кому-нибудь в гости. Утром меня видели в Тбилиси, и вечером я должен показаться на глаза многим. Из Тбилиси я сегодня никуда не выезжал.



Слава богу, я никому ни словом не обмолвился, что собираюсь в лабораторию».

«На всякий случай завтра утром надо как следует посмотреть машину, как бы не было чего. Но почему завтра, а не сегодня еще успею осмотреть ее. В конце-концов часам к пяти я буду в Тбилиси».

«Да, сегодня я никуда не выезжал из Тбилиси, целый день мотался по городу. Лучше всего по приезде заявиться в Академию, чтобы меня видели как можно больше людей».

Вот маленький пригорок, а там внизу раскинулся Гори.

«Еще полтора часа, и я — в Тбилиси».

«Надо ехать осторожно, без превышения скорости, чтобы не дать инспекторам ни малейшего повода».

А вот и Гори уже позади.

Зураб Гомартели окончательно взбодрился.

Где-то затерялся страшный крик, отдававшийся в его ушах. Не видел он уже и изумленных, молящих глаз девочки, не слышал шороха камешков, увлекаемых падающим телом.

До спасения осталось каких-то два шага.

Я посмотрел на часы.

И вскочил, как ужаленный. Теперь вся моя машина стоит на солнцепеке.

— Я скоро вернусь! — грубо бросил я Зурабу Гомартели и сбежал по лестнице.

Вот уже с полчаса, как машина стоит под палящими лучами солнца. Я дотронулся рукой до раскаленного металла, и сердце мое сжалось. Потом я виновато распахнул дверцу. В лицо мне ударил спертый жар. Я опустил все стекла и, включив мотор, перегнал машину на теневую сторону.

До самого вечера я могу быть спокоен. Теперь солнце подступит к машине лишь в половине шестого.

Я вновь дотронулся рукой до капота. И, покачав головой, направился к подъезду.

Неожиданно в голову мне пришла гениальная идея. Точнее, идею эту подсказал мне пустой желудок, окончательно озверевший от коньяка. Я, не раздумывая, бросился в булочную напротив моего дома, а затем зашел в гастроном, купил колбасы, пару бутылок шампанского и коньяку.

Я толкнул ногой дверь в квартиру. Зураб Гомартели изволили встать и стояли у окна, созерцая улицу.

На стук двери он быстро обернулся и, заметив покупки в моих руках, несколько оживился. Видно, в нем опять пробудилась надежда договориться со мной. «Теперь, когда мы вновь сядем за стол, разговор пойдет начистоту», — лихо-радочно отстукивал его практичный умишко. Еще бы, ему кажется, что мой поход за покупками уже означает молчаливое согласие. Энергия вновь вернулась к нему. Он ловко отобрал у меня бутылки и поставил их на стол. Потом схватил нож и со знанием дела разделал хлеб и колбасу.

Шампанское я унес на кухню, оставив на столе лишь коньяк. Когда я возвратился в комнату, бутылка коньяка была уже откупорена.



Вот теперь я чувствую себя спокойно. Машина до вечера будет в тени. Бензобак полон доверху. Тормоза я отрегулировал еще вчера. А раз машина в полном порядке, то квадратный лоб Зураба Гомартели не так уж и раздражает меня. Теперь меня совсем не удивляет, как он мог сбросить со скалы маленькую девочку. Гораздо больше удивило бы меня, если бы он поступил иначе.

— Выпейте за успех нашего дела! — лихо говорит он и чокается со мной. Он выплескивает коньяк себе в рот и довольно жмурится. Это уже кое-что значит. Бокал с шампанским все еще стоит на столе. Лед совершенно растаял. Он бы и не притронулся к рюмке с коньяком, если бы не надеялся на что-то. Да, хлеб и колбаса окончательно убедили его, что я желаю с ним пооткровенничать.

Ну что ж, скоро я навсегда убью в нем эту надежду!

В его энергичном и насквозь рационализированном мозгу, вне всякого сомнения, начисто подавлена клеточка предчувствия.

Не ответив на тост, я медленно цежу свой коньяк. Потом с наслаждением поедаю хлеб с колбасой.

— Не откладывая в долгий ящик, я сразу поеду в Ленинград, надо ускорить изготовление магнита. Потом устройте так, чтобы весенний симпозиум провели в Тбилиси, а не в Серпухове. К тому времени магнит уже будет работать.

Аппетита у меня как не бывало. Я откидываюсь на спинку стула и, прищулив глаза, смотрю на Зураба Гомартели.

— Пост директора, естественно, сначала предложат тебе. Если ты согласен, я умолкаю. Повторяю еще раз, ты наиболее достоин кресла руководителя института. Но ты говорил, и я совершенно с тобой согласен, что никакие должности тебе не нужны. Ты — талантливейший экспериментатор, и отвлекать тебя на административные дела просто преступно...

Я уже не слушаю его. Я стараюсь восстановить в памяти интонацию, с которой он произнес слово «талантливейший». Интонация способна до бесконечности увеличить значительность содержания слова. Зураб Гомартели придал ему такое качество, которого я, безусловно, не заслуживаю.

— Твое слово будет иметь решающее значение!

Все, что он сказал после «талантливейшего», я пропустил. Теперь я услышал его слова так, словно поймал в транзисторе другую станцию.

— Если ты поддержишь меня, мы победим без всяких «но» (Хм! «Мы победим?»). Я верю в свою энергию, верю в свой практический талант и прозорливость. Не сочти за похвалу, я ведь природный организатор, да что организатор, я и ученый что надо. И ты это прекрасно знаешь. Мои организаторские способности всегда будут находиться в полном согласии с научным предвидением. Я, как никто другой, в состоянии интуитивно прочувствовать, глубоко проникнуть в сущность ваших предположений и соображений. Я сумею направить работу института в русло требований науки завтрашнего дня. Я охотно буду принимать любые деловые советы, и это никак не ущемит моего самолюбия. И все по-

тому, что за мной не водится дурацкой амбиции иных руководителей...

— Не волнуйся, дорогой, и поумерь свой пыл, ты непременно будешь директором Института физики элементарных частиц. Если желаешь, могу даже поспорить с тобой. Идет?

Я замечаю, как засверкали его глаза. Мои слова наверняка звучат для него, как музыка.

— За твоё здоровье! — Я поднимаю рюмку и криво улыбаюсь.

— За успех нашего совместного дела! — напомнил он свой прежний гост.

— О, нет. Я хочу выпить лично за твоё здоровье, Зураб Гомартели!

Мне не нравится мой тон. В нём явно слышится угроза. Надо взять себя в руки, иначе не миновать трепки моему будущему начальнику. А ведь это не совсем этично.

— Итак, лично за тебя! — повторяю я.

Вот так будет получше. Угроза бесследно исчезла, и на смену ей пришла теплота. Отлично. Значит, я всё ещё владею собой.

— Ты будешь нашим директором, тебя непременно назначат. Поэтому нечего пороть горячку и нервничать. Но только не рассчитывай на мою помощь. Мешать я тебе не стану, а это уже кое-что значит. Если меня спросят, какой, дескать, товарищ Зураб Гомартели, я отвечу: отличный. Вот это я могу тебе обещать твердо. Ведь в самом деле, не скажу же я, что ты убийца. Ещё вчера ты щеголял в джинсах, сегодня, в эту чертову жарницу, ты паришься в костюме. Ну что ж, ты прав, так и нужно на этом этапе (я особо налегаю на «этот этап»). Я вижу, ты тщательно постригся, подобрал бакенбарды («бакен-барды» прозвучали совсем уж по-актерски). Твой массивный перстень куда-то испарился, что ж, и в этом ты прав, зачем колоть глаза людям. Я даю тебе полную свободу говорить всем, кому только заблагорассудится, что я даже в мыслях никогда не держал сделаться директором института. Я и сейчас стою на своем. И вообще я не уважаю колеблющихся людей. Разве имеет какое-либо решающее значение, кто будет моим начальником? Не будешь ты? Ничего страшного, назначат кого-нибудь под стать тебе. А может, даже гораздо хуже тебя. Неужели же от этого что-нибудь изменится?

— Нодар!

— Никаких «Нодаров». И вообще не лучше ли нам сначала похоронить беднягу.

— Нодар!

С каким отчаянием смотрят на меня его неприятные глаза, ни за что не подумаешь, что обладатель этих жалких глаз такой энергичный и пробивной. Я гляжу на него и чувствую, как туман застилает мое сознание. Кто знает, что бы я натворил, не раздайся звонок в дверь.

Слава богу, Эка. Только она и звонит так — два слабых, прерывистых сигнала — вот и все.

Зураб Гомартели почему-то вздрогнул, вскочил со стула и окаменел.



Я едва поднялся со своего места. Распахнув дверь, я едва не вскрикнул от изумления: из-за спины Эки выглядывало улыбающееся лицо следователя.

— Не беспокойтесь, мы случайно столкнулись на лестнице.

В словах следователя ощущалась претензия на шутку.

— А я и не беспокоюсь, просто удивляюсь.

Как только я вернулся в комнату, в глаза мне бросилось разочарованное лицо Зураба. Настроение у него вконец испортилось. Еще бы — наши переговоры оборвались на безнадежной ноте, а продолжения не предвиделось. Он с трудом растянул губы в улыбке и вежливо поздоровался с Экой.

— Завари нам чаю! — обращаюсь я к Эке.

Потом тяжело опускаюсь на стул и предлагаю следователю последовать моему примеру. Я не скрываю, что его приход не доставил мне особого удовольствия.

— Я пойду!

В голосе Зураба Гомартели отчетливо слышится отчаяние.

— Ну что ж, иди. И будь спокоен. Все будет так, как тебе хочется.

Я даже не пошел его провожать. Он осторожно захлопнул дверь.

— Я принесу вам стакан, — говорю я следователю и собираюсь встать.

Видно, Эка услышала мои слова и принесла стакан.

— Не беспокойтесь, я пить не буду!

Я все-таки налил.

Удивляюсь, как люди умудряются скрывать дурное расположение духа (или доброе). А вот у меня все написано на лице.

— Я знаю, вам неприятен мой визит! — попытался улыбнуться следователь.

— Мне просто неприятно видеть следователя.

Эка на кухне, но я чувствую, с каким напряжением прислушивается она к каждому моему слову. Она понимает, что я могу взорваться каждую минуту. Ей достаточно одного взгляда, чтобы с точностью определить, что творится у меня на душе, какие мысли зреют в моем мозгу.

Я без слов предлагаю следователю выпить. Он отрицательно покачал головой и отодвинул стакан в сторонку.

— Ваша воля, — говорю я и залпом осушаю свой стакан. Упершись локтями в колени, я обхватываю руками голову. Я вижу, как медленно качнулось все вокруг. Сначала поплыла комната, а затем уже все предметы. Вроде бы я выпил немного. Наверное, пошаливают нервы.

«Бутылка шампанского — раз, — подсчитываю я про себя, — без одного стакана, который и сейчас еще стоит нетронутым — Зураб так и не удосужился его выпить. Почти целая бутылка коньяка — два».

Я успокаиваюсь. После такого ни один нормальный человек не будет трезв. Кто пьет и не пьянеет — просто кретин.

Вспомнив, что следователь сидит напротив меня, я быстро поднимаю голову. Не знаю, какое у меня было выражение лица, но следователь без промедления встал со стула.



— Нам лучше повидаться завтра. Я вижу сегодня вы не расположены к разговорам.

— А по мне, так нам лучше вообще не видеться впредь. Я ни слова не смогу добавить к тому, что уже сказал.

Эка мгновенно оказалась в комнате.

— Но остались еще кое-какие формальности.

— Эка, проводи гостя!

— Нодар! — слышу я встревоженный экин голос.

— Не волнуйся, детка! — с тихим бешенством говорю я.

К иронической «детке» она давно привыкла.

Следователь медленно выпрямился, хотя его движение вовсе не было расслабленным. В спокойствии сквозила сила. Избалованное властью лицо позеленело от нанесенного оскорбления.

— Всего доброго! — он явно адресовался к Эке. Потом резко повернулся и вышел.

Понятия не имею, какое при этом у него было выражение лица. Я стараюсь угадать — появилась ли улыбка на его губах? А если и появилась, то какая — гневная или угрожающая? А может, он улыбнулся просто для того, чтобы разрядить неловкость?

— Я принесу тебе чаю, не пей, пожалуйста, больше.

— Иди сюда!

— Я за чаем.

— Иди сюда, тебе говорят!

Эка в испуге подошла ко мне. Она, верно, почувствовала, что со мной творится неладное.

— Садись ко мне на колени.

Она не осмеливается перечесть.

Мне приятно тепло ее тела. Закрыв глаза, я прижимаюсь головой к ее груди и крепко обнимаю за талию. Лишь сейчас я чувствую, как дрожат мои руки.

Эка обхватила руками мою шею и прижалась щекой к волосам.

Внезапно на лоб мне упала слеза. Эка беззвучно плакала. За слезой последовала другая, потом еще одна...

Я не двигаюсь, будто не чувствую, что Эка плачет.

«Что случилось, что с тобой, разве дело напиваться с утра?»

«Какая разница, когда напиваться?»

«Тебя что-то тревожит, Нодар?».

Эка пальцами ерошит мои волосы.

«Мне очень тяжело, Эка, ты даже не знаешь, насколько тяжело!»

«Скажи мне, что тебя мучает. Может, я хоть немного смогу помочь тебе».

«Как ты сможешь помочь мне, Эка? Разве ты можешь спасти человека от убийства и продажности, от воровства и измены, от равнодушия и садизма? Минуту назад я сидел с убийцей и чокался с ним шампанским...»

«Не говори глупостей, Нодар!»

«Так тебе это кажется глупостью, да? А завтра этого убийцу назначат директором института, моим начальником. На-

верное меня спросят, что он за человек. И как ты думаешь, что я на это отвечу? «Отличный товарищ, лучшего не сыскать», — вот каков будет мой ответ, вместо того, чтобы заявить: «Да он же убийца — сбил машиной четырнадцатилетнюю девочку, а потом, еще живую сбросил в пропасть!»

«Что ты говоришь, Нодар!»

«А ты что думала! Ты знаешь, сколько людей на свете пользуются репутацией благородных, добрых, человеческих, отзывчивых?! И все потому, что они родились под счастливой звездой и у них никогда не было нужды проявить свою истинную натуру. Просто им не подвернулось случая, чтобы ради спасения своей карьеры, ради сохранения своего благополучия убить человека, предать друга, народ...»

«Нодар, замолчи, мне страшно!»

«Кто знает, сколько убийц и предателей сойдет в могилу с репутацией порядочного человека. Кто судьи, и кто рассудит правого и виноватого, убийцу и порядочного человека? Может, бог, которого не существует, а если он и существует, то безжалостно молчит?»

«Нодар, я умоляю тебя, замолчи!»

«Я не люблю тебя больше, Эка, я не могу тебя обманывать. И не потому, что ты надоела мне или сердце мое охладело к тебе. Нет. Я просто опустошен и непригоден для любви, чтобы еще думать о семье. Я не желаю, чтобы мой сын жил среди убийц и предателей, если, конечно, он и сам не станет убийцей и предателем. Я не хочу иметь детей, Эка! И знаешь, почему? На земле еще живут и рождаются люди, которые способны бросить бомбу где-нибудь над Хиросимой и превратить в клей триста тысяч человек, а потом преспокойно поужинать, приласкать любимую женщину и посмотреть телепередачу. Я не хочу, не хочу, ты слышишь?!»

— Что с тобой, Нодар!

— Я не хочу, Эка, не хочу, ты слышишь?!

— Нодар! Нодар! Нодар! — слышу я издали отчаянный крик Эки.

Потом...

Я лечу в пропасть с головокружительной скоростью, холодный воздух свистит в ушах, и я рассекаю его своим телом. Перепонки вот-вот лопнут.

Внезапно наступила мертвая тишина.

Потом...

Потом я ничего не помню.

Я с трудом разлепил тяжелые веки.

Надо мной склонилось испуганное и заплаканное экино лицо.

Я постепенно возвращаюсь в себя. Видно, лоб мой разгладился и лицо прояснилось. Только теперь я догадываюсь, что лежу в постели, а на груди у меня мокрое полотенце.

Я вновь закрываю глаза и на шариваю рукой экину руку. Эка угадывает мое желание и вкладывает свои пальцы в мою ладонь. И я осторожно несу эти прекрасные, нежные пальцы к своим похолодевшим и посиневшим губам.





961935940  
302,000101033

- Эка, завари кофе и прихвати с собой в термосе.
- Что еще?
- Больше ничего. Фрукты мы купим на рынке.

Я открываю капот машины. Потом направляюсь к высокому раскидистому вязу и ложусь в его огромной тени. Подложив под голову руки, я невесело гляжу в синее небо.

Жарко.

Половина первого.

Птицы уже уgomонились. Лишь шум Арагви приятно ласкает слух.

Эка сидит рядом со мной, положив голову на колени, и о чем-то думает.

Слева виднеется Ананурская крепость. Из утомительно однообразной зелени застывшего пейзажа резко выламываются ее белые стены.

Справа над нами нависает огромная скала. Зелень листьев еще не успела потерять упругого блеска. Прохлада ущелья надолго сохраняет молодость листвы.

Я взглянул на машину, и на душе у меня сделалось хорошо. Мне кажется, что через открытый капот она со всей силой и жадностью втягивает в свои легкие здоровый живой воздух Арагвского ущелья. Утром я подбавил воды в аккумулятор, до отказа налил тормозной жидкости. Я специально помыл мотор, хотя он был еще не загрязнен. В дороге я явственно ощущал, как легко он тянет. Все подъемы я одолел на четвертой скорости.

Только сейчас я осознаю, что за всю дорогу не вымолвил ни слова. То я прислушивался к ритмичному гудению мотора моего красного «Жигуленка», то проверял на подъемах силу третьей и четвертой скоростей, то...

То... и в основном, думал о самоубийстве моего учителя. Эка тоже ни разу не нарушила молчания, наверное, ждала, когда я начну разговор.

Что же все-таки случилось, отчего я вдруг онемел, почему сидел, как воды в рот набрал?

А ведь еще недавно все было иначе...

Мы любили прогулки по Боржомскому ущелью, в особенности осенью. Мы часами смотрели на склоны гор, пестреющие тысячей оттенков. Багряные и желтые зубчатые листья легко кружились в прозрачном воздухе и плавно пикировали на холодеющую землю.

— Эка, может, махнем на море? — спросил я однажды, когда Мцхета осталась позади.

— Ты с ума сошел!

— Почему же? — Я смотрю в машинное зеркальце. Неужели я похож на сумасшедшего?

— Но что скажут дома?



— Пошлем телеграмму из Батуми. Впрочем, зачем ждать Батуми, можно и из Гори. Или позвоним на худой конец.

— Нет, ты действительно сошел с ума!

— Если подумать, что мы потеряли в Батуми? Лучше махнуть в Кобулету. Там теперь никого из знакомых не встретишь. Мы будем совершенно одни. Когда я с тобой, мне никого не хочется видеть.

Я лгал, хотя в эту минуту действительно говорил правду. Вообще-то мне всегда доставляло удовольствие появляться на людях вместе с Экой. Мне нравилось, когда внезапно воцарялась тишина, а ребята, ошарашенные красотой Эки, вскакивали со своих мест и, поправляя галстуки, наперебой приглашали ее присесть.

Но теперь я не лгал. Теперь мне хотелось быть наедине с Экой. И чтобы ни одного знакомого лица вокруг.

Эка ничего не ответила, лишь улыбнулась уголками губ. Она все еще думала, что я шучу.

— Я не шучу, Эка.

— Брось говорить глупости!

— Нет, все-таки лучше поехать в Батуми, проживем в «Интуристе». В нем есть своя прелесть.

— Ты по-прежнему шутишь?

— Ну, так ты сейчас увидишь, как я шучу.

— Не мчись напрасно. Я все равно не смогу с тобой поехать!

Я открываю глаза. Коршун чертит круги в небе. Эка, задрав голову, смотрит на него. Коршун светлорыжий с белыми манжетами на крыльях. Медленно и гордо парит он над землей. Временами он исчезает из виду, точнее, могучие ветви вяза скрывают его от наших глаз. Я насчитал уже пятый круг. Коршун ни разу еще не взмахнул крыльями, так и парит, распластавшись в воздухе. От легкости и красоты его полета у меня щемит сердце.

Неожиданно коршун взмахнул крылом и взмыл вверх. При следующем заходе он снова взмахнул крылом на том же самом месте и взлетел еще выше. при каждом новом заходе он взмахивал крылом на одном и том же месте и поднимался все выше и выше.

Я прикидываюсь спящим и исподтишка наблюдаю за Экой.

Эка не сводит с коршуна глаз.

Интересно, о чем она сейчас думает? В другое время на нее не было бы удержу: тараторила бы без умолку и по минутно тормозила бы меня: — Смотри, смотри, какой коршун. Боже мой, как красиво! А круги, круги какие!

А теперь?

Теперь она молчит. Кто знает, сколько времени наблюдает она за коршуном?

Вдруг коршун взмахнул крылами, затем сложил их и камнем ринулся вниз, на землю. Секунда, а его уже и след простыл.

Я быстро закрыл глаза, по-прежнему притворяясь спящим.

Потом снова слегка приоткрыл веки и взглянул на Эку. Она сидела, уткнувшись лицом в колени.

— Не заплывай далеко, Нодар!

Я послушно возвращаюсь назад и, поравнявшись с Экой, ныряю под нее. Спина моей касается ее нежный, скользкий живот. Потом я выныриваю на поверхность и плыву рядом с ней. Я не могу отвести глаз от ее ладного тела, легко скользящего в зеленовато-синей воде.

Я перехожу на быстрый кроль и оставляю Эку далеко позади. Когда мои уши на какое-то мгновение оказываются на поверхности, сквозь шипение воды до меня доносятся обрывки экиных возгласов. Я не могу разобрать, что она кричит. Впрочем, об этом нетрудно догадаться — мы довольно далеко заплыли от берега, и она зовет меня вернуться назад.

Я останавливаюсь и жду Эку.

— Вернемся назад, мне страшно!

Я жду, когда она подплывет поближе. Потом брассом плыву ей навстречу. Эка медленно приближается. Мы соприкасаемся губами, и я целую ее. Соленая морская вода лезет мне в рот, но я не обращаю на это никакого внимания. Мне нравится тонкая, прозрачная перегородка возникающая между нашими губами.

— Давай вернемся, Нодар!

И Эка поворачивает к пляжу!

«Поворачивает».

Разве этим словом можно выразить красоту экиных движений? Как ловко и сильно взмахнула она своим упругим телом. Сжалась, словно пружина и вновь распрямилась. Как весело закипела вода от ритмичных ударов ее длинных породистых ног. Как легко вспарывает она воду неуловимым движением тонких рук, оставляя за собой пузырчатый, лохматый шлейф!

Перейдя на кроль, я вновь обогнал Эку, потом, развернувшись и набрав в легкие побольше воздуха, ловко поднырнул под нее. И вновь моей спины касается нежный скользкий экин живот.

Лодка едва колышется на безмятежной глади моря. Лишь ленивые, почти незаметные волны переливаются вокруг.

Я медленно повожу веслами, и лодка скользит в открытое море.

Вечер.

Заходящее солнце постепенно теряет силу. В желтые лучи уже вкралась краснота.

Эка раскинулась на корме, и длинные ее волосы свисают к самой воде. Соленая морская вода настолько утяжелила густые волосы, отливающие в лучах заходящего солнца, что кажется — некто невидимый, ухватившись за волосы, изо всех сил стремится затащить под воду беспечную девушку.

Я гребу так осторожно, словно боюсь нарушить покой и умиротворенность дремлющего моря. Капли, насквозь пронизанные лучами солнца, срываются с лопастей весел, и кажется, что в море падают осколки цветного хрусталя.



Эка прикрыла глаза, и я без утайки, с наслаждением смотрю на ее длинные стройные ноги, высокую тугую грудь, раскинутые тонкие руки. Я не знаю, спит она или просто нежится в теплых лучах. Нет, наверное, все же не спит. Она чувствует мой взгляд, чувствует, как я люблю ее прекрасным телом. Но она молчит и не открывает глаз, боясь, видно, спугнуть блаженство, птицей опустившееся в нашу лодку.

А солнце совсем побагровело. Теперь уже я не шурясь смотрю на солнце, лишившееся былого жара. Оно сделалось как будто больше и, прибавив в скорости, быстро летит к горизонту.

Я гребу уже поэнергичней, и лодка легко несется к погружающему солнцу. Осколки цветного хрустала стремительно осыпаются с весел. Экины волосы еще глубже уходят в воду.

— О чем ты думаешь, Нодар? — не открывая глаз, спрашивает Эка.

— Мне не до мыслей, я только и делаю, что люблю твою красотой.

На сцене или просто в другой обстановке, на людях, фраза прозвучала бы патетично и фальшиво. Но как естественна и бедна она теперь, и в малой степени не выражающая чувства, овладевшего мной.

Эка улыбнулась.

Я впервые вижу улыбку на лице женщины с закрытыми глазами. Впрочем, может, видел и раньше, но не обращал внимания.

Береговой линии уже не видно.

Я бросаю весла.

А солнце уже вонзилось в горизонт. Теперь оно смахивает на огромный красный шар, накачанный газом.

У горизонта море отликает золотом, а у берега сливается с тончайшей пеленой тумана.

— Солнце зашло, Эка!

— Я вижу, — не открывая глаз отзывается Эка.

Раскаленное красное солнце уже коснулось поверхности моря, и его жар передался водной глади. Она сначала воспалилась, а затем, зашипев, закипела.

— Эка, ты видишь, море кипит.

— Вижу, — с закрытыми глазами отвечает Эка.

Солнце постепенно растворилось в воде.

Я докурил сигарету, потом замахнулся, чтобы зашвырнуть окурок подальше в море, но рука застыла в воздухе. Я погасил сигарету о весло и, достав из брюк, валявшихся на дне лодки, коробок с сигаретами, запихнул в него окурок.

На море ложится мгла. Мне кажется, что на водную гладь набросили темно-синее морщинистое покрывало.

— Что нас ждет в будущем? — неожиданно проговорила Эка.

— Что ты сказала? — Я не сразу понял, что она имеет в виду.

— Я спрашиваю, что ждет нас в будущем?

— А-а-а, — До меня, наконец, дошел смысл сказанного.

Краткая пауза.



— Я не желаю думать о будущем. Теперь мне хорошо. Впрочем «хорошо» не то слово — я счастлив. И я хочу до мелочей четко прочувствовать и ощутить каждое мгновение, вплести его в себя и навечно запечатлеть каждой клеточкой своего существа. Бог отпустил человеку слишком мало счастливых дней и часов. И если уж наступил этот счастливый день, надо как зеницу ока беречь каждый его миг.

— Простите, уважаемый Нодар, а я-то, грешным делом думала, что вы физик!

— Да, я физик, уважаемая Эка, и прошу не путать меня с поэтами.

— С поэтами? О, нет. Ваши суждения скорее пахнут философией.

— Только этого еще не хватало, — с напусковой обидой говорю я.

— Прошу простить, если я невзначай обидела вас, уважаемый товарищ физик. Видимо, относительно философии у меня несколько более романтические представления, нежели у вас.

Все еще не открывая глаз, она улыбается. Не меняя позы, она подтягивает левую ногу. Гладкое, точеное колено еще больше подчеркивает удивительную пропорциональность ее породистого тела.

Дождливый вечер.

Эка сидит в кресле.

Отец, обхватив голову руками, сидит возле письменного стола и не мигая смотрит в одну точку.

Мать сидит в кресле напротив и мокрым платком вытирает слезы.

Лишь брат, скрестив на груди руки, стоит, привалившись плечом к стене. В глазах его светится гнев, и, видно, ему стоит немалых усилий сдерживать себя.

«Так где ты шлялась эти три дня?» — в бешенстве цедит он сквозь зубы.

Молчание.

«Может, ты все-таки скажешь?»

Молчание.

«Говори, иначе я придушу тебя своими руками».

Вновь молчание, тягостное, вызывающее. Эка упрямо уставилась в пол.

«Сейчас же отвечай, не то...»

Мать и вскрикнуть не успела, как брат подскочил к Эке и схватил ее за горло.

«Ты у меня ответишь, отвечай, слышишь!»

«Джаба!» — нашлась, наконец, мать и, бросившись к сыну, оттащила его от дочери.

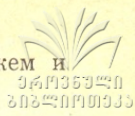
Дочь, не издав ни единого звука, вновь опустилась в кресло.

«Я больше не могу! Сколько еще она будет марать наше имя? Мне стыдно товарищам на глаза показываться!»

«Джаба, успокойся!» — истерически вопит мать.

«Я все равно убью либо ее, либо того молодчика».

«Джаба, успокойся!»



Это уже отцовский голос, жесткий и гневный.  
 «Что значит, успокойся! Вы бы хоть спросили, с кем и где она шлялась!»

«Вы все прекрасно знаете, с кем и где я была». Спокойный голос Эки вконец взбесил Джабу, и, кусая губы, он пулей вылетел из комнаты.

«Джаба!» — бросилась вслед за ним мать.  
 «Джаба!»

Но Джаба был уже на улице. Мать, вся в слезах, вернулась в комнату и со стоном упала в кресло.

Пауза.

Напряженная, грозовая тишина.

«Что ты с нами делаешь, дочка, чем мы пред тобой провинились? Почему ты заставляешь нас нервничать, мы и так убиты горем! Почему ты мараешь в грязи наше доброе имя, почему ты ни с кем не считаешься? Мы прожили жизнь, ни разу не запятнав позором чести семьи. А сегодня я носа не могу со стыда высунуть. Что скажут соседи и близкие, друзья и сотрудники? Да они и так только и говорят, что о нас. Зачем давать людям пищу для сплетен, зачем? Почему ты порочишь честь нашей семьи?»

«Почему ты порочишь честь нашей семьи?»

Эта фраза застряла в сознании Эки и как магнитофонная лента раз за разом прокручивалась в нем.

«Почему ты порочишь честь нашей семьи?»

«Почему ты порочишь честь нашей семьи?»

«Почему ты порочишь честь нашей семьи?»

«Я вырастил вас, ни разу не повысив голоса», — продолжал отец.

Эка знает, что в спокойствии отца дремлет буря, но не может заставить себя слушать его. Отдельные фразы доносятся до нее обрывками, словно их принесло ветром откуда-то издалека: «Мы с твоей матерью пожертвовали всем ради вас», «Мы ничего не знали, кроме семьи»... «Только вы с братом и были предметом всех наших забот»... «Мы ни разу не запятнали себя»... «Ваше благополучие и воспитание было единственной целью нашей жизни»... «Мы и теперь не дадим в обиду честь нашей семьи и никому не позволим топтать ее достоинство!»...

Экин мозг отражает эти фразы, как зеркало солнечные лучи.

А в сознании вновь и вновь прокручивается магнитофонная лента с одной-единственной фразой:

«Почему ты порочишь честь нашей семьи?»

«Почему ты порочишь честь...»

«Почему ты порочишь...»

«Почему...»

А встер все несет и несет издалека обрывки отцовских фраз:

«Вспомни хотя бы один случай, когда твое желание не было исполнено...»

«Вспомни хотя бы один случай, когда мы доставили тебе огорчение...»



«Доставили тебе огорчение...»  
«Доставили тебе огорчение...» — на магнитофонную ленту записалась еще одна фраза. Записалась и назойливо стала прокручиваться в сознании.

«Вспомни хотя бы один случай, когда мы доставили тебе огорчение»...

«Доставили тебе огорчение»...

«Доставили тебе...»

...Маленькая одиннадцатилетняя девочка гордо выступает рядом с отцом в фойе оперного театра. Тоненькие пальцы доверчиво покоятся в большой теплой отцовской ладони.

Отец одет в черный дорогой костюм, пошитый специально для театра. Белую рубашку украшает широкий галстук в красную полосу. Новые модные ботинки празднично поблескивают на ярком электрическом свете.

Представительный красивый молодой мужчина походит больше на актера или художника, нежели на начальника крупного строительного управления.

На матери — длинное платье из черного бархата. Нитка японского жемчуга придает ему строгую элегантность.

Девочка с чувством собственного достоинства глядит то на отца, то на мать. Она замечает, с каким почтением приветствуют ее родителей встречные. Все управление коллективно присутствует на сегодняшнем спектакле. С отцом стремится поздороваться каждый, каждый стремится перекинуться с ним словом или просто улыбнуться ему.

Многие даже не осмеливаются подойти поближе и уважительно кланяются издали. Некоторые же, наверное из начальства, сначала целуют руку матери, потом здороваются с отцом, и, наконец, треплют по щеке девочку, заученно приговаривая при этом: «Как она выросла, как похорошела!».

Девочке не понравился взгляд одной молодой женщины, которая, по всей видимости, была гораздо моложе ее матери. Не понравился еще на улице, при входе в театр. Пораженная ее красотой и изяществом, девочка сразу выделила эту женщину из толпы. Она невольно перехватила насмешливый и враждебный взгляд, которым та с головы до ног смерила ее мать.

Тогда она не придавала особого значения злобному взгляду молодой и красивой женщины. Лишь увидев еще раз ее стройную фигуру, маячившую поодаль, девочка насторожилась. Женщина стояла к ним вполоборота и, казалось, вообще не замечала их, но достаточно было одного-единственного мимолетного ее взгляда, чтобы девочка с безошибочным чутьем определила и запомнила всю меру ненависти, сквозившую в нем.

Во время второго антракта и она подошла к отцу. Если же быть точным, не подошла, а как бы невзначай столкнулась с ним в коридоре.

Молодая женщина была в простом платье спортивного покроя, еще больше подчеркивавшем ее молодость. На фоне симпатичной и солидной матери она казалась совсем юной и хрупкой.



Три улыбки, одновременно засиявшие на трех лицах, не смогли погасить огня, полыхавшего в их сердцах.

«Ба, и Тата тоже тут!» — воскликнул отец.

Фальшивый его голос больно резанул слух девочки.

«Тата... Тата Ботковели...» — внезапно всплывает в памяти маленькой девочки ее имя и фамилия.

«Здравствуй, Тата», — щебечет мать.

«Здравствуйте», — неловко ежится Тата.

«Как она похорошела! Я не видела ее целую вечность», — мать берет Тату под руку.

Мать и Тата идут впереди, а девочка с отцом покорно следуют за ними. От глаз маленькой девочки не укрылись иронические усмешки, мелькавшие на губах некоторых встречаемых. Она явственно ощущает, что люди эти не в силах скрыть любопытство, пытаются нарочно столкнуться с ними, дабы собственными глазами увидеть и убедиться, как дружески, рука об руку прогуливаются вместе жена начальника управления и Тата Ботковели. Малышку безжалостно пронзают взгляды, полные любопытства и злорадной насмешки.

Третий звонок.

Для девочки он звучит как сигнал спасения.

Мать с улыбкой прощается с Татой, берет за руку дочку и вместе с отцом ведет ее к двери амфитеатра.

В коридоре гаснет свет. Лишь маленькие лампочки, прикрепленные к стене, мерцают вполнакала.

«Уйдем отсюда, папа», — остановилась у входа девочка.

«Что ты сказала?» — не понял отец.

«Я хочу домой».

«Домой?»

«Да, домой, мне плохо, очень болит голова».

Интуиция виноватого безошибочно оценивает ситуацию.

«Что ж, идем, дочка».

Беспечно сказанная фраза не снимает напряжения, возникшего между ними.

«Куда вы идете, вы что же, не в своем уме?»

Это уже голос матери.

О, сколько чего перемешалось, сплелось, сцепилось, сплывилось в этом голосе: отвращение, отчаяние, мольба, страх, приказ.

«Ты не видишь, ребенку не по себе».

«Можно потерпеть еще немножко, коль уж она столько терпела».

В замахе острой, как бритва, фразы, естественно, подразумевались не только два предыдущих акта спектакля.

«Уходить до окончания спектакля нельзя. Или ты хочешь заставить говорить весь Тбилиси?»

Голос матери жесток и безжалостен, решение твердо и неколебимо. Она и в следующем антракте будет гулять рука об руку с Татой, вести с ней светскую беседу с беспечной улыбкой на лице, а время от времени и похохатывать над шутками. Ну и что из того, что хохот ее будет насквозь фальшивым и деланным, главное, в корне пресечь сплетни, отбить к ним охоту у любителей до чужой подноготной. Главное —

честь семьи. А оскорбление и злобу можно похоронить, задушить, навсегда выкорчевать из сердца.

Потом...

Потом — бессонная ночь.

Грубые, омерзительные фразы глухо проникают в комнату сквозь стенку и чуткое, как радар, детское сознание, отчетливо улавливает каждую из них.

Время от времени раздается тихий, но категорический свистящий шепот — «Тише, дети проснутся!»

Время от времени слышится ставшее мерзким словосочетание — Татаботковели.

Время от времени...

Утром девочка видит, как обескровила и сломила маму одна-единственная ночь.

С тех пор маленькая девочка не ходит в оперу вместе с родителями, но никто не чувствует молчаливого протеста оскорбленного ребенка, никто не видит растерзанного детского сердечка, никого не волнует, что яд, пролитый в непорочную душу ребенка медленно отравляет все его существо.

Однажды...

Однажды раздался телефонный звонок.

Трель этого звонка до сих пор пронзительно раздается в ушах ребенка.

Может, она каким-то шестым чувством угадала, кто звонит?

Может, именно с тех самых пор и осознала она все, чтобы потом навсегда сохранить в памяти, когда увидела, как зеленая краска незаметно вкралась в багровость отцовского лица.

«Да да... Успокойся... Завтра, завтра... Сейчас не время... Как ты не понимаешь, что... Я сказал, завтра. Ладно, ладно, иду...»

Мама в кухне взбивает яичные желтки.

Она уже знает, кто звонит.

И отец знает, почему вдруг замолкла взбивалка...

«Ладно... Иду...»

Он осторожно опускает на рычаг трубку и, окаменев, смотрит на телефонный аппарат.

Из кухни опять доносится звук взбивалки.

Отец лихорадочно натягивает пиджак.

«Куда ты собрался?» — наивно спрашивает мать, слово и не слышала телефонного разговора, слово и не догадывается, кто звонил.

«Я скоро вернусь. Пойдем со мной, дочка!»

Ребенок не может отказать отцу и неохотно одевается, хотя ей до смерти не хочется видеть злые глаза этой женщины.

Такси.

Затем проспект Руставели и скверик возле Кошуэты. Девочка еще издали заметила Тату Ботковели. Она сидела на длинной скамейке, заложив ногу на ногу, и курила.

Она еще издали ощутила тонкий аромат французских духов и яда, лившегося из ее глаз, причудливо смешивающихся воедино. При виде отца с дочкой, женщина даже не



шелохнулась. Она по-прежнему сидела, откинувшись на спинку скамейки, и жадно затягивалась. Взгляд лишь мельком скользнул по лицу девочки, но этим все было сказано.

Девочка испугалась — из зрачков Таты Ботковели на нее глянули две змеи.

«Здравствуй», — потерянно поздоровался с ней отец. «Ты больше никого не удосужился прихватить с собой?».

Наглый и вызывающий тон больно резанул девочку по сердцу.

«Пойди, дочка, купи себе мороженого».

Слезы затуманили глаза потрясенной девочки, она судорожно сглотнула тяжелый железный шарик, внезапно застрявший в горле.

А потом были: встревоженный отцовский зов, его лицо в красных пятнах, бессвязная, запинаящаяся речь...

Лицо женщины стало еще более хмурым, в красивых глазах затаился беспощадный гнев, и держалась она еще более вызывающе и непримиримо.

Потом...

Потом дни, полные грязи и позора, превратившие маленькую девочку в зрелую, печальную женщину.

Сквозь стенку вновь просачиваются фразы, произнесенные то с осторожностью, то свистящим шепотом, то с гневом, а то и с отчаянием. Вырисовывается неприглядная омерзительная картина, и нежная душа девочки задыхается от болотного смрада.

Мать самолично идет к Тате Ботковели, умоляет ее, просит, унижается, чуть ли не валяется у нее в ногах, плачет горькими слезами, пытается уговорить ее пойти с ней к врачу.

Семья спасена. Ее честь и престиж сохранены и укреплены в глазах людей. Вскоре муж с женой отправляются в путешествие по Прибалтике. Спустя две недели они со счастливыми лицами возвращаются назад. Из окна вагона они весело и энергично машут руками родственникам, друзьям и сотрудникам, пришедшим на вокзал, чтобы встретить их.

Затем богатое застолье, смех, радость, песни. А на журнальном столике, на роале и даже на телевизоре валяются множество фотографий, запечатлевших счастливых путешественников. Они, обнявшись, красуются перед объективом на фоне старинных готических строений Таллина и Вильнюса.

Потом...

Потом гости уходят.

А на утомленных лицах комедиантов, сбросивших наконец маски, сквозит печаль. Смех и веселье сменяются горестным молчанием. Муж с женой, как и прежде, расходятся по разным комнатам, чтобы в одиночестве скоротать грядущую постылую ночь.

Маленькая девочка чувствует, как переполняется слезами ее сердце... Чувствует, как шевельнулись в ее душе ненависть к отцу и отвращение к матери. Насколько она была бы счастливей, если бы мать, оскорбленная в своих лучших чувствах, навсегда ушла бы из дому, уведя за руку детей. Насколько она была бы горда, если бы родители сохранили свое достоинство, если бы они выбрались из грязного болота, в ко-

торое были погружены по горло, и одним махом разрушили то жливое и ужасное, что на языке окружающих называлось семьей.

Маленькая девочка с омерзением и страхом вышагивала по комнатам, поросшим ядовитыми грибами.

«Может, ты соизволишь сказать нам, что собираешься предпринять дальше? Долго ли ты еще намерена шляться по горам и долам, по городам и весям, из гостиницы в гостиницу... гостиницу...»

Отцовский голос треснул. Упоминание гостиницы вконец dokonало его: глаза налились бешенством, и кровь ударила в голову. Он задохнулся и замолк, словно позабыл все слова на свете.

«Скажи что-нибудь, дочка, скажи что-нибудь, — вклинилась в разговор мать. — Ты, верно, решила нас угробить. Неужели тебе не жаль своих родителей, неужели тебе не до рога честь семьи?!»

...«Скажи хотя бы, кто он такой, что из себя представляет, чем занимается. И что он тебе обещает или что намерен делать дальше. До каких пор может так продолжаться, до каких пор мы будем хорониться людей, до каких пор честь нашей семьи будет втаптываться в грязь!»

Дочь почувствовала, что в отце просыпается зверь.

«Позора и грязи нашей семье не занимать!» — с отчаянием выкрикнула Эка. В обычно добрых и нежных ее глазах вспыхнул гнев. Копившаяся годами горечь прорвала плотину и грозно зарокотала.

«Чего вы от меня хотите, что я вам сделала? Я навсегда уйду из дому, уйду куда-нибудь или покончу с собой»...

Трещина в плотине стала шире — Эка вскочила на ноги. В мозгу ее завертелись тысячи незавершенных мыслей, как рыбешки, сталкиваясь и расшибаясь, бились отчаянные решения. Кто знает, какая из рыбешек, задыхающаяся без кислорода и осмелевшая от обреченности, сумела бы выскочить наружу.

«Может, вы объясните мне, чем я вас позорю, чем я порочу честь семьи, честь, который мы (вы) не имели, и которую мы (вы) общими усилиями давно похоронили. По горло в смрадном болоте мы из кожи вон лезли, чтобы пустить пыль в глаза окружающим, чтобы уцепиться за выхолощенные символы чести и семейного благополучия».

А вот уже плотина сметена напрочь.

«И какой же ценой вы оплачивали эти символы? Ценой унижения собственного достоинства и глумления над собственной личностью, ценой обкрадывания собственной души. Вы были готовы на любую жертву, на любую мерзость, вы были готовы закрыть глаза на все, терпеть, пресмыкаться, сделать несчастными себя и других, лишь бы спасти и сохранить эти мнимые символы. Для вас они значили гораздо больше, нежели достоинство, честь, любовь, дети...»

«Заткнись!..»

Дочь ухватила рукой за щеку, на которой багрово отпечатались отцовская пятерня...



Одновременно со звуком пощечины раздался истощенный материнский вопль.

Потом статическая сцена: опустошенный, окаменевший отец, жалко взирающий на дочь: подавшаяся вперед и застывшая на ходу мать, с искаженным от отчаяния лицом и неожиданно совершенно успокоившаяся Эка. Она стоит улыбаясь — пощечина, видно, отрезвила ее.

Что означает улыбка, играющая на губах Эки и так не вяжущаяся с тоской, разлившейся в ее глазах?

Жалость?

Иронию?

Отвращение?

Она и сама не смогла бы вразумительно ответить на это. А может, она вовсе и не улыбалась. Может, просто чуть приоткрывшиеся ее губы создали иллюзию улыбки?

Нет, улыбка действительно появилась на ее губах. Видно, энергия переживания дикости всего происходящего, до поры до времени таившаяся в какой-то из клеточек ее мозга, преобразовалась в улыбку.

Молчание затягивалось.

Наконец Эка, отняв руку от щеки, направилась к своей комнате. Едва успев закрыть за собой дверь, она без сил опустилась на пол.

— Нодар, ты кого-то любишь?

Слова Эки, словно ток высокого напряжения, прошли мое тело и молниеносно заставили меня присесть. Расслабленность сразу исчезла без следа.

Эка, обхватив руками голову, выжидательно смотрела на меня.

Некоторое время я не сводил с нее сердитых глаз, а потом спясть лег на спину, подложив под голову руки. Глаза мои вновь устремились в синеву неба. Отвечать на такой вопрос я считал излишним.

Пауза

Честно говоря, я уже позабыл, о чем она меня спрашивала, и думаю совсем о другом. Я перескакиваю от одной мысли к другой. Внешне они как будто совершенно не связаны друг с другом, но если поднапрячься, связь между ними обнаружить удастся. Это выглядит так, как если бы я переходил реку, перепрыгивая с камня на камень.

— Я тебя серьезно спрашиваю, ты кого-то любишь?

Я опять подскочил и, схватив Эку за волосы, повернул к себе.

— Тебе не совестно?

— Что же, в таком случае, могло так внезапно измениться?

— Ты думаешь внезапно?

— Ты прав! — высвободилась она из моих рук. — Я была настолько слепа, что до последнего дня не смогла угадать конца. Может, ты влюблен в кого-то? Скажи мне без утайки.

— Я никого не люблю и вряд ли полюблю в будущем. Пойми, я и сам не знаю, что со мной происходит. Ты думаешь, я охладел и не люблю тебя больше? Что ж, возможно,

я действительно уже не люблю тебя, но не знаю, смогу ли жить без тебя. Не представляю, что со мной станет, как-то мне будет, если ты бросишь меня. Я устал, смертельно устал, я выхолощен, и в душу мне закралась ржавчина. У меня ни к чему нет интереса — полная индифферентность. Ничто меня не волнует, даже на преодоление простейшего препятствия у меня не хватает энергии, и я в отчаянии. Наверное, я не точно выражаю то, что хочу сказать. Что меня утомило, что выхолостило? Я вроде бы не болен и на бессилие жаловаться грех. Но что же тогда расслабило мою душу?

Пауза.

Сигарета.

Изумленные глаза Эки.

Тень коршуна вновь прочертила гору над Арагви, потом скользнула в лощину и черным пятном растеклась по камням.

Я взглянул вверх. Коршун летел к Ананури, летел медленно, красиво, гордо, если вообще коршуны обладают чувством гордости.

— Мне никогда не пришлось пережить волнения великих страстей, и их тяжесть не обременяла мою душу. Не пришлось мне испытать и горечи больших разочарований. Для своего возраста я достиг завидных успехов в науке. Может, я ждал большего, может, стремился к большему, и мною овладело чувство недостаточности? Не думаю. Величие и громкое имя никогда не привлекали меня.

Пауза.

И вновь расширенные от изумления зрачки Эки.

— Может, меня сломали царящие вокруг нас равнодушные и безразличные, порожденные выматывающим жылом напряжением современной жизни? А может, каждодневные ложь, лицемерие, вероломство смазали, поистрепали и обезличили наши эмоциональные центры? Не знаю, Эка, понимаешь, не знаю. Могу сказать только одно — все в моих глазах потеряло цену. Все сделалось ничтожным, слышишь, Эка, ничтожным!

Я чувствую, как загорелись мои глаза, как прервалось дыхание и защемило виски.

— Не думай, пожалуйста, что к этому выводу меня привело самоубийство Левана Гзиришвили. Последний отчаянный шаг моего учителя лишь подтвердил мою правоту.

В зале не меньше трехсот человек, не меньше трехсот первоклассных физиков. Трудно, почти невозможно увлечь, покорить, переклочить на твою волну такое количество высокоинтеллектуальных, ультраталантливых индивидов.

Стандартная трибуна сдвинута к самому краю сцены, и черная головка микрофона похожа на воробья, усевшегося передохнуть.

Академик, опершись на тяжелую ручку кресла, стоит посреди сцены. Отказавшись от трибуны и микрофона, он предпочел форму дружеской беседы. Он говорит уже целых два часа, но еще ни разу не присел в кресло, которое поставили на сцену по его же желанию. Может, кресло просто деталь режиссерского замысла? Сцена задрапирована тяжелым



черным занавесом, и человеку, случайно забредшему сюда, могло показаться, что академик декламирует стихи.

Он говорит неторопливо, искусно регулируя свой бархатный баритон и четко проставляя акценты. Мягкий юмор, остроумные сравнения, многозначительные паузы органично сменяют друг друга. Его высокий лоб, его глаза, светящиеся за стеклами очков всеми оттенками — от вдохновенного блеска до искрящейся улыбки, обладают магической властью над аудиторией. А как мастерски владеет он руками, как лаконичны, многоречивы и пластичны его жесты! А ведь скольких отличных ораторов и даже актеров, мы перевидали на своем веку, которые никак не совладают со своими руками! Невооруженным глазом видно, как беспокоят их руки и они не знают куда их девать, что с ними делать. И руки бессмысленно и неприкаянно тычутся куда попало, лихорадочно вздымаются и опадают, так и не обнаружив для себя пристанища.

Академику семьдесят два года. Моложавая фигура выдает его пристрастие к спорту. А пальцам, чувствуется, не чужда хрупкая шейка скрипки.

Академик знакомит аудиторию с новейшей теорией плазмы и тонкостями недавнего эксперимента. Я с напряжением слушаю сообщение о достижениях наших коллег и постепенно начинаю осознавать, что целиком нахожусь под неотразимым обаянием речи академика. До сих пор я даже представить себе не мог, чтобы лекция по физике, пусть даже о самых сенсационных ее открытиях сможет так перехватить горло.

Плазма не имеет ничего общего с тем, чем занимаемся мы, хотя о достижениях в этой области я достаточно хорошо осведомлен. Академик поведал нам о многих интереснейших новинках и до мельчайших нюансов разъяснил их научную глубину и значение. Артистизм изложения, поразительное умение очертить проблему, ритмическое разнообразие речи создавали полную иллюзию проникновения в неведомые миры. Даже уже известные вещи обернулись вдруг новыми гранями, уровнями и измерениями. Но нас увлекала не изысканная логика, и даже не научная глубина, а выражение, проявление его личности. Никакое совершенство технического устройства, никакой великий научный подвиг не изумляет и не поражает меня так, как совершенство человека. И я не знаю более сложной проблемы в этом бескрайнем мире, нежели проблема человеческого духа.

«Форен Куни в лос-аламосской лаборатории получил плазму температурой в десять миллионов градусов по шкале Кельвина и продержал ее в течение пяти миллионных долей секунды. — В голосе академика зазвучали торжественные нотки. — Американский ученый заявил: «Это лишь начало, мы должны получить плазму температурой в сто миллионов градусов и продержать ее в стабильном положении не меньше двух третей секунды». Всего лишь два месяца тому назад, а если быть точным, 23 ноября, советские физики, под руководством академика Арцимовича смогли получить плазму температурой в тридцать миллионов градусов и продержать ее в стабильном положении в течение одной пятидесятой доли секунды.

Сделан еще один шаг. Человечество может быть спокойным. Энергетическая смерть не ожидает нашу планету».

Голос академика дошел до самого высокого регистра. Его рука не опирается больше на тяжелую ручку глубокого кресла. Он уже не смотрит в глаза каждому слушателю в отдельности, словно только к нему и обращается. Взор академика прорвался сквозь отделанные деревянными панелями стены уютного клуба ученых и устремился в бескрайние просторы вселенной.

«Теперь, когда человеческий гений достиг таких высот, невероятно, что в мире еще могут существовать столь страшные понятия, как расизм и колониализм. Тем более невероятно, что в эпоху торжества человеческого разума «от пуль и шрапнели гибнут незащищенные женщины и дети...». Представьте себе, что наша планета — гигантский воздушный корабль, на борту которого находится четыре миллиарда пассажиров. Каждый пассажир обязан бороться за безопасность своего корабля, с огромной скоростью мчащегося в безжизненной зоне. Раньше полагали, что формы жизни существуют тут же, в нашей солнечной системе, на Марсе или Венере. Но современная техника поставила нас лицом к лицу с жестокой реальностью.

Более того: теле- и радиосигналы Земли образуют расширяющееся излучение, радиус которого в космосе достигает в настоящее время двадцати световых лет. Разумные существа, коль скоро они действительно обитают в пределах указанного радиуса, должны были убедиться в существовании жизни на Земле. Однако, сколько-нибудь серьезных доказательств в пользу существования обжитых планет в радиусе двадцати световых лет мы не имеем. А если это так, чтобы преодолеть наше одиночество в этом безбрежном пространстве, мы обязаны протянуть друг другу руку помощи... Мы еще больше должны полюбить нашу голубую планету, «избранницу богов», планету разума. Духовные и культурные ценности, созданные в ее лоне, не менее удивительны, нежели сам непознанный и таинственный мир.

Наша планета — всего лишь малая крупинка этого мира, а жизнь — мгновение, но это — мгновение мыслящего человека, и оно достигает пространств в миллиарды световых лет.

По космическим масштабам человек — ничто, но он постепенно овладевает этими масштабами, постепенно постигает содержимое их таинственных «кладовых».

«Надо выдержать натиск времени, надо верить в вечность мгновения», — говорит швейцарский писатель Макс Фриш.

Таково было мгновение, когда Толстой поставил последнюю точку в своем «Хаджи-Мурате».

Таково было мгновение, когда инженер-эксперт третьего класса Эйнштейн принес в швейцарское патентное бюро три работы для публикации. Вспомним лишь две из них: в одной была сформулирована теория относительности, а в другой — квантовая теория.

Таково было мгновение, когда Леонардо сделал последний мазок в Джоконде.

Таково было мгновение, когда впервые взлетел в космос Юрий Гагарин.



Наверное, такое мгновение имел в виду Гете: «Остановись мгновение — ты прекрасно!». Много таких мгновений будет на нашей планете. Они будут у всех — у малых и великих, у художников и ученых, у гениев и простых людей.

«Собственное время всегда следующее мгновение» — такова надпись на Берлинской ратуше.

О следующем мгновении всегда должно заботиться все человечество. Следующий миг — завтрашний день планеты».

Физики, о чем-то оживленно переговариваясь и споря, группками стоят в вестибюле.

Мне ни с кем не хочется видаться, ни с кем не хочется говорить. Выбраться на воздух и остаться одному — вот единственное мое желание. Забраться бы в какой-нибудь парк, побродить по аллеям, унять волнение и поразмышлять в одиночестве.

Я выхожу на улицу. Холод тут же цепко схватил меня за горло. Яркое солнце, но термометр на дверях института показывает пятнадцать градусов ниже нуля. Я быстро пересек улицу Курчатова и направился было к парку Рязановского дворца, но тут же передумав, повернул к набережной Дубны.

Вот теперь я в полном одиночестве, и ничто не отвлекает меня от раздумий. Я быстрым шагом хожу взад-вперед по стылой набережной — рад бы ходить и помедленней, но чертовски холодно. Время летит незаметно. Беспомощные лучи зимнего солнца не в силах смягчить жгучего мороза, но их прикосновение к лицу все же приятно.

Неожиданное открытие: все это время (я уже два часа меряю шагами набережную) я думаю лишь о личности нашего докладчика. Ни плазма, ни «Токамак» и ни «Гелиотроп» ни разу не отвлекли моего внимания.

Да, меня поразили вовсе не научные открытия, а личность, которая их совершила, личность, для которой решение всех земных и небесных проблем подчинено лишь одной цели — поглубже заглянуть в извилины человеческой души, облагородить и наполнить ее любовью.

Последовательное движение человечества к нравственной чистоте всегда было связано с жестокими битвами, и необратимый прогресс человечества — заслуга истинных, душевно чистых и сильных людей. Но кто знает, жизнью скольких людей, а иногда и поколений оплачен каждый новый шаг, приближающий нас к бесконечной вершине, на пути, который зовется гуманизмом, душевной чистотой, благородством и великодушием.

Кто знает, скольким ученым стоило жизни их стремление к истине, к познанию непознаваемого, к открытию неведомого. Кипучая энергия и возвышенные чувства переполняли все мое существо.

Мое лицо, видно, выражало такую крайнюю степень возбуждения, что редкие прохожие с удивлением оглядывались на меня.

Я бы наверняка не ощущал под собой ног от пьянящего восторга, если бы мороз постоянно и строго не напоминал мне о них.

В институт я вернулся поздно. У его ворот стояло необычайно много машин, а во дворе суетились и возбужденно переговаривались люди. Сердце у меня заняло от смутного предчувствия беды и я прибавил шагу.

— Что случилось? — спрашиваю я у взволнованно бегущего молодого человека.

Он, не ответив, промчался мимо.

— Что случилось? — спрашиваю у другого, открывающего дверцу машины.

— Ты что же, ничего не знаешь? — удивился тот, запустив мотор.

— Что случилось? — задохнувшись, подбегаю я к группе сотрудников института, понуро стоящей во дворе.

Молчание.

— Вы что, оглохли? Что случилось, я спрашиваю? — ору я, не в силах сдержать ярость.

— Потихе, друг! — хмуро проговорил один из них и, взяв меня под руку, отвел в сторонку. — Ты что, не слышал? Академик погиб.

— Как это погиб?

— Вот очень просто. Он пошел в гостиницу пешком. С карниза одного из домов сорвалась сосулька и упала ему на голову. Скончался на месте.

— Невероятно!

— Ты прав, это и вправду невероятно, — горько вздохнул он и отошел к своим товарищам.

Какие чувства завладели мной тогда? Отчаяние? Страх? Безднадежность? Позже я пытался вспомнить свое состояние, но безуспешно. Все начисто стерлось из памяти. Видно, в ту минуту я совершенно отключился.

Потом я и Сергей сидели в небольшом ресторанчике на берегу Дубны. Я не помню, как мы встретились друг с другом. Может, он увидел меня и подошел? А может, это я окликнул его или просто бросился к нему навстречу?

Помню лишь одну фразу, сказанную Сергеем:

— Пойдем выпьем по стаканчику, не то я свихнусь!

— Ты не говорил так, когда любил меня, Нодар!

— Вполне возможно, но это вовсе не означает, что я так не думал, не переживал того же, что так мучает меня сейчас.

— Это не страшно, пройдет время, и все изменится. Обязательно появится, если уже не появилась, девушка, которая поставит с головы на ноги всю твою нынешнюю философию. И ты опять сделаешься таким же энергичным и веселым, каким был, ну хотя бы еще год тому назад. Глаза твои по-прежнему наполнятся теплом, вниманием и любовью, как в былые времена, когда впервые мы встретились с тобой.

— О нет, дорогая Эка! — горько усмехаюсь я. — Такое увы, больше не повторится.

Я лгу.

Но... неволью. Я не повинен в этой лжи. В ту самую минуту, когда я произношу эти слова, я абсолютно уверен, что никогда больше не смогу никого любить.



Может, два эти события, похожие друг на друга, как близнецы, и сломили меня? Может, пройдет немного времени и радость, вера в будущее и надежда вновь возвратятся ко мне? Нет, нет, поверить в это невозможно.

И все же я лгу.

Все предрешено заранее.

Через каких-нибудь сорок четыре дня, то есть 30 августа, я познакомлюсь с одной девушкой, познакомлюсь в поезде.

Еще сегодня я даже представить не могу этого, да и как представишь? Ведь я никогда не видел ее раньше. И не увижу... до утра тридцатого августа.

Так решила судьба, наша встреча неминуема. Это случится тридцатого августа — не раньше и не позже.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Так вы согласны, чтобы Зураб Гомартели стал директором института?

Мамука Торадзе обратился ко мне на «вы», а это значит, что разговор примет официальный оборот.

Мамука Торадзе.

Высокий, представительный молодой человек, если не ошибаюсь двадцати восьми лет.

Взгляд энергичный и холодный. Когда он пристально смотрит на тебя, чувствуешь, как холод пронизывает тело.

Своей принципиальностью, доходящей до упрямства, он раздражающе действует на людей.

Может, я напрасно берусь говорить за других? Может, только меня и раздражает его настырный характер?

Не думаю!

Мамука Торадзе.

Отличный экспериментатор и вообще хороший физик. Эрудированный, образованный, но высушенный рационалист. Когда я смотрю на его напряженную фигуру, мне делается не по себе. Я уверен, что его нервная система выткана из нержавеющей стальных нитей, которые не так-то просто расшевелить.

«Так вы согласны, чтобы Зураб Гомартели стал директором института?»

Теперь он стоит передо мной, как всегда одетый с иголочки, со вкусом.

Если судить по характеру, Мамуке Торадзе не слишком пристало быть рабом моды. Меня всегда утомлял и выводил из себя парадный облик молодого физика. Вполне возможно, что такое внимание к одежде являлось выражением внутренней дисциплины и постоянной подтянутости. Допускаю, что элегантность в одежде сделалась для него столь же привычной, как утренний туалет.

«Так вы согласны, чтобы Зураб Гомартели стал директором института?»

Этот любовой вопрос я отчетливо вижу перед глазами, слово он тщательно выписан на доске.

— Не сказал бы, что я «за», но, представьте, и не против».

— Неужели вас не трогает судьба института? Или, может, вы считаете Зураба Гомартели единственно достойной кандидатурой?

— Знаешь, что я тебе скажу, — по обыкновению я сбиваюсь на «ты». — Смерть академика закружила огромную карусель. Эта карусель прекрасно прокрутится без меня и без меня же остановится. Я в такие игры не играю. Я сам по себе. У меня своя лаборатория, свои проблемы. Меня увлекают первоосновы материи, а не текучка повседневной жизни. Я, если угодно, абсолютно пассивен в сфере, которая зовется жизнью или, на другом языке, карьерой. Меня бесит жизнеподобная ложь повседневности. Бесят суетливые люди, которые напоминают мне плохо настроенные инструменты. Я спокоен лишь тогда, когда нахожусь в горах, в своей лаборатории, или когда в полном одиночестве сижу в машине и мчусь по трассе. Меня совершенно не занимает, кто станет директором института. Изберите или забаллотировуйте кого только вздумается.

— Вы, наверное, чем-то взволнованы? А что, если вы говорите одно, а думаете другое?

— Заруби себе на носу раз и навсегда, я вообще говорю то, что думаю. И, если угодно, наоборот — все что думаю, то и говорю.

Я вдавливаю окурок в пепельницу и смотрю на часы.

— Уже пора идти!

— Куда?

— То есть, как это — куда?! На панихиду, конечно.

— Что еще за панихида?

— Ты забыл, чья панихида сегодня?

— Ах, да, нашего академика...

Я запирал ящик стола и поэтому не видел, с каким выражением лица произнес он эти слова. Однако по интонации я догадался, что губы его искривила насмешливая улыбка. Не поворачиваясь, я поднял голову.

— Вот именно, нашего академика! Опаздывать, я думаю, неловко.

— Но не вы ли говорили, если мне не изменяет память, что сегодня, как никогда, надо знать цену времени и дорожить каждой минутой?

— Конечно, однако это вовсе не оправдывает нашего поступка. В этом мире, кроме времени, существуют и человеческие отношения.

— Академик Гзиришвили уже мертв. Согласитесь, мертвого не могут интересовать человеческие отношения. А время нынче в цене. Сегодня у человека могут быть все блага, но времени ему вечно недостает. Каждым мгновением надо дорожить. Идти на панихиду академика — пустая трата времени. Леван Гзиришвили теперь, — как битая карта — навсегда вышел из игры.

— Не кажется ли вам, многоуважаемый Мамука Торадзе, прекрасно знающий цену каждой минуте, что вы немного опоз-



дали? Не успел наш академик умереть, а люди уже с ног сошлись, обдывая свои делишки...

— Уважаемый Нодар, давайте условимся сразу: в вашем голосе я явственно слышу иронию, а ведь я говорю с вами откровенно. И не потому, что я ваш друг и брат — я вовсе не собираюсь доказывать вам это. Просто я считаю, что сейчас делу могут помочь лишь искренность и разумные действия.

Почему он не пришел ко мне до сих пор? Почему он до сих пор не сообщил мне о своей позиции? Наверное, не считал нужным. Трезвый и практичный Мамука, верно, все взвесил до грамма. Я уверен, что, коль скоро он до сих пор не пришел ко мне поговорить, значит в этом не было необходимости. И коль скоро он все же пожаловал ко мне, на то, видно, есть свои причины — пришло время открыть карты. Мамука Торадзе никогда не скажет в одиннадцать сорок пять того, что нужно сказать ровно в двенадцать. Я знал, что рано или поздно он непременно пожалует ко мне. Мамука убежден, что я не сижу на карусели, раскрученной смертью академика, но он отлично знает то, что у меня достанет сил замедлить или убыстрить ее ход. В одном я уверен абсолютно — Мамука Торадзе пока что не станет рваться к директорскому креслу — для этого у него нет ни соответствующего возраста, ни научного веса. К докторской он только-только подбирается. Так что же его тревожит, чем ему плоха кандидатура Зураба Гомартели? Впрочем, вполне возможно, что сложный механизм мозга выдал ему долгосрочный прогноз и перед ним замаячили контуры недалекого будущего.

Любознательство постепенно, но основательно овладело мной.

— Я тебя слушаю, Мамука.

Я постарался придать своему голосу побольше задушевности.

— Я знаю, что вы не пожелали стать директором института, хотя сегодня вы больше других имеете право на это рассчитывать.

«Сегодня!» — мой мозг мгновенно выхватил и зафиксировал это слово.

— Вы еще раз доказали, что являетесь настоящим ученым, творческим и действующим. Административные заботы лишь отвлекут вас от главного дела.

Пауза.

Я с честью выдерживаю испытующий взгляд молодого физика.

— У вас есть еще одно немаловажное преимущество — очень мало врагов...

— Естественно, ибо у меня мало друзей.

— Остроумно, ничего не скажешь.

Пауза.

— Прошу прощения за бестактный вопрос — почему вы поддерживаете Зураба Гомартели?

— Что ж, придется повторить еще раз — я не «за», но и не «против».

— Но это уже поддержка.

— Мне совершенно безразлично, кто станет директором института.

— Во-первых, для вас не может быть безразлично, кто будет руководить нашим институтом. А во-вторых, неужели вас совершенно не тревожит судьба института, судьба его работников?

— Зураб Гомартели, — деловой человек. Он никому не станет совать палки в колеса. Или вы предлагаете взвесить достоинства и недостатки человека на аптекарских весах? Все, кто претендует на директорский пост, более или менее равны по тем и другим показателям.

— Стоит Зурабу Гомартели выйти за пределы института и оказаться без поддержки своих сотрудников, как он тут же теряет масштабность. Неужели он должен представлять институт на международных симпозиумах? Леван Гзиришвили обладал другим весом, как в Союзе, так и за рубежом.

— Левана Гзиришвили нет больше в живых. А что касается международных симпозиумов — то там нас должны представлять, в первую очередь, наши труды, а вовсе не Зураб Гомартели.

— Но вы не можете отрицать, что влияние и связи все же играют большую роль.

— Согласен, но Леван Гзиришвили умер. А ты... кого предпочел бы ты видеть в директорском кресле? Коль скоро ты пожелал поговорить со мной, то и кандидатура у тебя уже взвешена, перевзвешена до мелочей, так я понимаю?

— Отвечать на издевку я не стану, а вот на вопрос отвечу — профессор Бежан Гордадзе.

... Бежан Гордадзе?

— Да, Бежан Гордадзе! Согласитесь — он вполне солидный ученый. И на всесоюзной арене ему авторитета не занимать. Он долго работал в России. Вам прекрасно известно, что он один из участников эксперимента по расщеплению омега-мезонов на пи-мезоны и гамма-кванты. Ну, конечно, он не идет ни в какое сравнение с Леваном Гзиришвили, однако его научный авторитет неизмеримо выше, нежели авторитет Зураба Гомартели.

Пауза.

И сел на стул и внимательно посмотрел на Мамуку Торадзе. Он спокойно выдержал мой взгляд, терпеливо ожидая ответа.

За его высоким лбом ритмично вращаются колесики сложного механизма.

Я стараюсь разгадать замысел Мамуки. Чем ему не угодил Зураб Гомартели? Насколько я знаю, они вполне сносно относятся друг к другу. А может, он искренне убежден, что профессор Бежан Гордадзе — лучшая кандидатура на пост директора? Весьма сомнительно. Шестидесятипятилетний профессор болеет гораздо чаще, нежели положено ему по возрасту. Но, может быть, имя пожилого профессора, его научный авторитет и впрямь нужны институту гораздо больше, нежели энергичный, но почти неизвестный в среде физиков молодой ученый? Я пытаюсь разгадать, действительно ли Мамука Торадзе исходит из интересов дела или им движут некие туманные для меня, но совершенно отчетливые для него планы?



— Бежан Гордадзе? — повторяю я задумчиво и барабаню по столу пальцами. — Ты уверен, что ему по плечу руководить институтом? Ведь он почти непрерывно болеет.

— Болезнь Бежана Гордадзе не помешает нам в нашей работе. Нам нужно всего лишь его имя. Я предвижу ваш вопрос, неужели такой уж большой авторитет у старого профессора? Что ж, ответ у меня готов: на всесоюзной арене Бежан Гордадзе пользуется гораздо большим авторитетом, нежели Зураб Гомартели. В конце концов Бежан Гордадзе пригодится нам года на три, не больше. Да больше он и не протянет, а если и будет жив, превратится в развалину...

Наши глаза снова встретились. Мамука Торадзе наверняка прочитал в моих глазах два невысказанных вопроса.

— Да, профессор Бежан Гордадзе болен неизлечимой болезнью. Сам он об этом ничего не знает. И вообще, кроме членов его семьи никто не имеет об этом понятия. Убедительно прошу вас, чтобы наш разговор остался сугубо между нами.

Пауза.

— А как ты-то об этом проведал, неужели тебе сообщила семья профессора?

— Нет, профессора Бежана пользует мой дядя.

— А сам профессор, согласен ли он занять директорское кресло?

— Мне ясна цель вашего вопроса. Вы хотите узнать, не подослал ли меня к вам сам профессор, предварительно заручившись моим согласием, не так ли?

— Ну, незачем искать в моем вопросе такие глубины. Меня просто интересует, согласен ли профессор Гордадзе стать директором института?

— Не знаю, но не сомневаюсь, что он согласится. Профессор Гордадзе — человек. А как вам известно, нет человека без человеческих слабостей.

— Так ты уверен, что твой вариант оптимален? Или, может, у этого варианта предвидится продолжение, о котором ты деликатно умалчиваешь? Я, кажется, начинаю догадываться о сути твоего замысла. Три года профессор Гордадзе как-нибудь продержится, а к тому времени, ты, Мамука Торадзе, с божьей помощью сделаешься доктором...

— Да, вы угадали эту не слишком сложную комбинацию, хотя я еще не все успел вам сказать.

Я почувствовал, как напряглись и натянулись стальные нити его нервной системы. В глазах его засверкал огонь, хотя внешне ему удалось сохранить спокойствие.

— Сегодня вы наотрез отказываетесь возглавить институт. Сегодня вас еще привлекает жизнь творческого физика. Ваше решение разумно. Но почему вы забываете, что к тридцати пяти — к тридцати шести годам все физики полностью исчерпывают свою творческую энергию? Вам уже тридцать пять. Вы уверены, что и через три года вы будете рассуждать точно так же? Вы уверены, что не желаете стать руководителем и опытным вожаком молодежи, полной творческой дерзости? Так почему же вы отрезаете себе все пути? Ведь если директором станет Зураб Гомартели, то как минимум лет двадцать он никому не уступит своих позиций. Вряд ли Зураб Гомартели будет та-

ким директором, которого легко снять. Напротив, он всегда будет отменным директором, но институт навсегда утратит уровень, который у него был при Леване Гзиришвили. Из всемирно известного института он постепенно превратится в середняка провинциального масштаба. Так зачем же торопиться? Пусть в запасе у нас будет года три...

«Пусть в запасе у нас будет года три...»

Улыбка, невольно возникшая на моих губах, сбила его с толку.

— Почему вы улыбаетесь?

— Просто так.

— И все же?

Огонь в глазах Мамуки погас. Холодный взгляд по-прежнему пронзил меня.

— Мне пришло по душе последняя фраза.

— Ну и очень хорошо, если так. Тогда я еще раз спрашиваю вас — зачем торопиться? Подождем три года. В наше время это немалый срок. За три года станет яснее, кто наиболее достоин стать директором института. И если я окажусь в их числе — не обещаю, что стану играть в вежливость. Наука не вход в театр, чтобы уступать дорогу старшим.

— Мне начинает нравиться твоя откровенность.

— Я знаю, что вы подразумеваете под «откровенностью». Вы думаете, что я забочусь о себе, оставляю для себя шанс, чтобы года через три заявить свою претензию на директорский пост. Вы убеждены, что я рассчитал многоходовую комбинацию. Но вы заблуждаетесь, уважаемый Нодар. Я хлопочу о деле. Старый академик выглядел вполне сносно. И мозг его не проявлял признаков ржавчины. Никто не ожидал, что в один прекрасный день он решится на самоубийство. Ни один из наших сотрудников не подготовлен психологически к директорской должности. Никто еще не проявил качеств, необходимых для руководства таким мощным исследовательским коллективом. Мы же настолько свыклись с фигурой Левана Гзиришвили, настолько безоговорочно признали его преимущество над собой, что нам даже в голову не приходило думать о чем-либо еще. Поэтому все оказались в тени. Я не осмелюсь доказывать вам азбучную истину, что одно дело — талант ученого и другое — талант настоящего руководителя. Наш институт известен повсеместно, и мы не имеем права доверять его руководство человеку, который еще ничем не доказал своего преимущества перед другими. Кандидатура профессора Гордадзе — единственный выход из создавшегося положения. Трехлетний срок даст возможность каждому максимально проявить свои личностные качества, выявить свойства лидера, дремавшие в тени высокого авторитета Левана Гзиришвили. Наш институт представляется мне альпинистской группой, во главе которой должен оказаться наиболее решительный, сильный и опытный спортсмен. А в ответ на вашу иронию, хочу сообщить, что я не перебегу дороги ни одному человеку, и не позволю себе ничего недостойного. Но хочу подчеркнуть и то, что коль скоро я почувствую свое превосходство, миндальничать или отступаться я не намерен. Двадцатый век не время для реверансов!

Продолжительное молчание.



специальной  
061935940  
2022010333

Я молчу, ибо не знаю, что сказать.

В лабораторию ворвался шум. Наверное, на специальной машине перевозят огромный подъемник.

Грохот и лязг постепенно усилились.

Мамука Торадзе терпеливо ждет, когда вновь наступит тишина в лаборатории.

Сигарета.

Грохот заглох и вот-вот совсем прекратится. Я все еще не знаю, что сказать. Ужасное ощущение, когда человек кажется одновременно и правым, и виноватым. Два полярно противоположных цвета так смешались, так переплелись, так проникли друг в друга, что установить первичный цвет невозможно.

— Как ты думаешь, не оскорбителен ли твой замысел для профессора Гордадзе? — наконец выдавливаю я из себя.

— Почему вам так представляется?

— Потому, мой дорогой, что нельзя использовать уважаемого ученого в качестве слепого орудия.

— Бежан Гордадзе никогда не узнает, почему мы решили предложить ему директорское кресло. Напротив, он даже обрадуется, ведь удивительное самолюбие — немаловажный фактор. В конце концов, он будет вполне счастлив от сознания, что умрет директором Института физики элементарных частиц, а не рядовым профессором.

— Ты жестокий и безжалостный человек, Мамука.

— Я — человек дела, уважаемый Нодар!

Не знаю, сколько времени просидел я в одиночестве. Наверное, минут десять-пятнадцать. Все это время я не сводил глаз с коричневой доски, висевшей на противоположной стене. На доске ничего не написано, но мне кажется, что там громадными буквами вырезана последняя фраза Мамуки Торадзе: «Если мой вариант вас почему-либо не устраивает, я убедительно прошу вас сохранить наш разговор в тайне». И я раз за разом тупо перечитываю ее.

Я неторопливо поднялся и, закрыв дверь, пошел вниз. Уборщица мыла лестницу. Завидев меня, она остановилась.

— Здравствуйте!

— Дай тебе бог здоровья, сынок!

Ее ответа я не слышал. Но она, как и всегда, наверняка, ответила так.

На стоянке в институтском дворе сиротливо стоял мой красный «Жигуленок». И мне стало нестерпимо жаль его одиночества. Я осторожно открыл дверцу и уселся за руль. Не включая мотора, я обхватил баранку обеими руками и положил на нее голову.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Эка не появлялась четыре дня. В первый день я даже обрадовался. У меня ни разу не возникло желания услышать ее обычный звонок в дверь — два кратких осторожных прикосновения пальца к пуговке.

Но на пятый день я не нахожу себе места — утра мне не ложится в постели.

«Неужели я все же люблю ее?».

«Нет, любовь тут не причем. Просто нарушился стереотип жизни».

Телефонная трубка кажется мне тяжелой и влажной.

— Эка, почему ты не показываешься?

— Я больна.

— Что с тобой?

— Ничего особенного.

Пауза.

Не знаю, что сказать.

И Эка тоже не нарушает молчания.

Мне кажется, что в трубке слышится ее тяжелое дыхание.

— Ты ничего от меня не скрываешь? Может быть, что-то серьезное?

— Я же сказала — ничего особенного.

Я не вижу Эки, но чувствую, как набежала на ее лицо тень печали и горькой иронии.

— Эка!

— Я слушаю, Нодар!

— Ты лежишь?

Молчание.

Из сердца волнение растеклось по всему телу, словно бросили камень в озеро — расширяющиеся круги по воде.

— Эка!

— Я слушаю, Нодар!

Уловив в ее голосе знакомую теплоту, я немного успокаиваюсь.

— Ты можешь придти ко мне?

— Приду, чуть попозже.

— Нет, нет, приходи сейчас же!

И, не дождавшись ответа, я быстро бросаю трубку на рычаг.

Потом сигарета. В горле саднит. Я бросаю сигарету в пепельницу и иду в ванную. Я долго вожу по лицу бритвой, а затем принимаю холодный душ.

Знакомая трель звонка — два коротких, слабых вдоха.

Я крепко обнимаю Эку и долго стою так в дверях. Потом, поцеловав в глаза, я ввожу ее в комнату.

— Ты завтракала? — спрашиваю я и чувствую, как в сердце лопается одна жилочка. Мне показалось чужим напрягшееся от волнения лицо Эки. Багровые и синие пятна выступили на ее щеках.

— Что случилось, Эка? — встревоженно спрашиваю я.

Молчание.

— Что случилось, я тебя спрашиваю?! — Меня испугала горечь, затаившаяся в ее грустных глазах.

— Ничего не случилось, просто я ослабла.

— Ты что-то скрываешь от меня, Эка!

Я сжал ладонями ее голову и заглянул в глаза. Эка покорно подняла на меня глаза и спокойно сказала:

— У нас будет ребенок, Нодар!



Вода со страшной силой подступила к узкой трещине в плотине, прорвала ее и яростно взревела. Трещина постепенно расширяется и на бетонной стене, подобно следам молнии, возникают новые трещины. Вот-вот вода сметет плотину и все унесет с собой.

— Нодар, успокойся!

Эка высвободила голову из моих рук и вскочила на ноги. Наверное, у меня был такой страшный взгляд, что Эка насмерть перепугалась.

— Нодар, Нодар, что с тобой, успокойся... Я пошутила, Нодар, слышишь, пошутила...

Я знаю, что Эка не шутит. Знаю и то, что она не скажет ни слова больше, никогда больше не вернется к этому разговору. И ребенка не будет.

Шипенье мутной воды, прорвавшей плотину, уже не слышится в моих ушах. Но я, как сквозь туман, ощущаю, как постепенно леденеет мое тело, как врывается струя холодного воздуха в мой возбужденный мозг.

— Нодар, я пошутила, слышишь, по-шу-ти-ла! — доносится издали приглушенный плач Эки.

Кажется, Эка была рядом со мной. Я вспоминаю, как держал в ладонях ее голову, как взглядывался в ее печальные, испуганные глаза. Мои ладони до сих пор ощущают жар ее горячих щек.

— Нодар, я пошутила...

Она осталась здесь, в моем доме, а я уже далеко, очень далеко отсюда, по ту сторону космического горизонта, где все поглощено мокрым и холодным туманом. В испуге я закрываю глаза. Необозримое пространство мгновенно гаснет и чернота заливаает все вокруг.

— Нодар, приляг!

Мое тело, как замороженное, подчиняется экиному голосу, доносящемуся из подземелья. Я не открываю глаз, но вновь отчетливо вижу прорванную плотину, вновь слышу страшный рев грязной стремительной воды.

— Нодар!

Я едва различаю в реве стихии экин голос.

— Нодар, опомнись!

Теперь экин голос слышится совсем близко. Тепло пролилось в мое тело, стихия сразу угомонилась, и воцарилась непривычная тишина.

Я с трудом разжимаю отяжелевшие веки. Испуганное экино лицо расплылось в слонстом тумане. Из глаз ее ручьями льются слезы, но на губах играет беспечная улыбка. Совсем как ливень в солнечный день.

— Может, ты хочешь воды?

— Да, — говорю я, хотя пить мне совершенно не хочется.

Эка приносит из кухни стакан воды. Я не свожу глаз с ее тела, в котором теплится искорка моей жизни, частичка моего тела.

Муть опять с головой захлестывает меня.

— Пей, — говорит Эка, протягивая мне стакан. Другой рукой она пытается приподнять мою голову.

Пить я не хочу, но все же делаю один глоток.

— Приляг рядом со мной.

Эка ставит стакан на стол и молча подчиняется моему желанию. Я закрываю глаза и прижимаюсь головой к ее груди. Мне приятно тепло экиного тела. На мгновение я от всего отключаюсь, забываю обо всем на свете.

— Прости меня, Нодар, я причинила тебе боль. Я никогда больше не скажу тебе такой глупости. У нас никогда не будет ребенка.

«У нас никогда не будет ребенка». Фраза, сказанная с дрожью в голосе, больше не тревожит и не успокаивает меня.

— Мне не надо было говорить этого. Я ошиблась. Я и сама не знаю, как сорвалась с языка такая глупость. Прости меня за то, что я причинила тебе боль.

Пауза.

— Я не должна была говорить о ребенке. Наша любовная связь не предполагает ребенка.

Я чувствую, как трепещет ее сердце. Я крепче прижимаюсь к ее груди, надеясь, что этим смирю бессистемное и гулкое трепыхание сердца. Жарко, но мне удивительно приятно тепло экиного тела. А сердце ее по-прежнему трепещет и как вспугнутая птица бьется о ребра.

Мои руки ощущают упругость экиной талии, ноздри щечечет дразнящий, привычный аромат ее тела. Меня давно не влекло к Эке с такой силой. Сначала осторожно, а потом с жадностью я целую ее прекрасную грудь, с закрытыми глазами ищу ее пухлые, пунцовые губы. Я чувствую, как наши сердца синхронно бьются о стенки грудной клетки.

— Нодар! — пытается сопротивляться Эка.

Мои пальцы легко нашаривают пуговицы ее тонкого платья.

— Нодар, Нодар! — по инерции сопротивляется ее голос, но руки уже крепко обнимают мое напрягшееся тело, переполненное нетерпеливым ожиданием наслаждения. Потом все меркнет и я едва различаю нежный страстный экин стон.

Потом молчание.

Сознание мое постепенно тонет в тумане.

Лишь слабое дыхание Эки нарушает воцарившуюся вокруг тишину.

Затем раздается грустный голос скрипки.

Знакомая мелодия доносится ветром издалека.

Звучание скрипки усиливается.

На сцене стоит маленький мальчик в коротких бархатных брючках и белой рубашке с белым бантом. Умные безжалостные глаза странно мерцают.

«Я сплю?».

Голос скрипки умолк. Знакомая мелодия растворилась в пространстве и исчезла.

«Я бодрствую?».

«А может, я попросту вижу сон?».

По лицу меня хлещет горячий ветер пустыни. Время караваном проплывает вдали. Я отчетливо вижу время, ползущее, как туман в горах.



Время идет, идет медленно, но твердо и упрямо. Я стою и вижу, как лениво тащит оно свое огромное серое туловище. Оно проходит и теряется где-то в горах. У меня возникает неодолимое желание коснуться рукой его серого туловища, но не хватает решительности.

В бескрайней пустыне ни единой живой души. На раскаленном песке прикорнула смерть. Лишь время лениво тащит свое серое туловище. В конце концов, набравшись смелости, я касаюсь рукой его бесконечно распластавшегося круглого тела. И вздрагиваю. У меня такое ощущение, словно я сунул руку в жар.

Обман слуха или я действительно слышу трель звоночков? Я осторожно вытаскиваю руку с капельками горячей воды из переваливающегося серого туловища и весь обращаюсь в слух.

— Нодар!

Нет, слух не подводит меня. Кто-то зовет меня, и голос этот совсем близко, но горячий ветер пустыни снова относит его вдаль.

— Нодар, кто-то звонит в дверь!

— Что, что?

— Кто-то звонит в дверь.

— Кого принесла нелегкая?

Звонок продолжает звенеть.

Я едва открываю глаза и тыльной стороной ладони отираю со лба пот.

— Может, не открывать? Как будто никого нет дома.

— Кто знает, может, пришли по делу? — окончательно протрезвел я.

— У тебя хватит сил встать?

— Другого выхода нет. Придется встать.

— Я уйду в ванную, — говорит Эка и берет платье со стула.

Звонок, долгий, пронзительный звонок. Палец неотрывно давит на пуговку.

Я и не думаю одеваться. Только сую ноги в тапочки. Я все еще не пришел в себя.

«Кого это черти носят?» — думаю я, пытаюсь вспомнить, кто из моих знакомых умеет так нудно звонить.

Медленно открываю дверь.

На площадке стоит какой-то молодой человек и с улыбкой глядит на меня. В руках у него портфель «дипломат».

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — неохотно отзываюсь я на приветствие, убежденный в том, что меня с кем-то путают.

— Можно? — нагло спрашивает незнакомец и, не дожидаясь разрешения, пытается войти в прихожую.

— Кто вам нужен?

— Вы. Ведь вы Нодар Геловани?

Молодой человек уже в комнате. Я лениво закрываю дверь, следом за ним вхожу в комнату и опускаюсь в кресло. Его бессмысленная улыбка и наглость выводят меня из себя. Я нарочно не предлагаю ему сесть.

— Меня зовут Виталий Харабадзе. Я — корреспондент нашей молодежной газеты.

Молодой человек, не обращая внимания на мою неподготовленность, бесцеремонно разваливается в кресле возле ~~стала~~ <sup>стала</sup> вытаскивает из портфеля редакционный блокнот и лихо нажимает на кнопку авторучки указательным пальцем.

Меня душит ярость. Я едва сдерживаюсь, чтобы не взять его за шиворот и не вышвырнуть вон.

Из ванной доносится плеск воды. Я нервно встаю, плотно прикрываю стеклянную дверь, и, закурив, вновь усаживаюсь в кресло.

— Что вам угодно? — холодно тяну я.

— Я хочу взять у вас интервью. Вы, наверное, читаете нашу газету...

— Какую газету? — у меня совершенно вылетело из головы, что он там мямлил.

Наконец я уясню себе, из какой он газеты и для какой рубрики собирается брать у меня интервью. «Молодые ученые» — так называется эта рубрика. Я не хочу разочаровать молодого корреспондента признанием, что вот уже пять лет даже в руки не брал газету, которую он представляет.

— Итак, уважаемый Нодар, наш первый вопрос таков: какое место занимает физика в жизни современного человека?

— Какое место занимает физика в жизни современного человека? — спрашиваю я Гио, развалившегося на заднем сиденье машины. Эка, свернувшись калачиком, сидит рядом со мной. Дато, приоткрыв дверцу машины, беспечно курит.

Неужели смерть любимого учителя, выдающегося ученого, замечательной личности, близкого человека, наконец, не должна была потрясти меня сильнее?

Возле парадного толпится масса народу. Панихида началась в восемь. Сейчас десять минут девятого, но до сумерек еще далеко.

Я остановил машину в стороне. Не хочу, чтобы меня видели.

— Ты не пойдешь наверх? — спрашивает Эка.

— Мне там нечего делать. Никого из близких я не знаю.

— Ты сам был ему ближе всех!

Эка права, я должен быть там, наверху, среди близких. Но я все равно не пойду туда. Мой визит к академику накануне его самоубийства вызвал массу кривотолков и пересудов. Я оказался в центре внимания. Все с интересом и даже подозрением разглядывают меня. Жадное любопытство не находит удовлетворения, меня расспрашивают о деталях. В ожидании дурацких вопросов меня бьет нервная дрожь. Я знаю, что от меня ждут чего-то необыкновенного. Простой рассказ не в состоянии насытить голод, вызванный страшным и ужасным событием.

— Неловко, Нодар!

— Да, действительно неловко, ты права, но я все равно не смогу подняться туда.

Пауза.



Я из машины разглядываю людей, живо обсуждающих самоубийство академика, которое основательно встряхнуло размеренный ритм их повседневной жизни.

— Уважаемый Гия, может, вы не поняли моего вопроса? Я с удовольствием повторяю его: какое место занимает физика в жизни современного человека?

Гия в такой растерянности взирает на меня и так беспомощно моргает своими голубыми глазами, что у меня появляется сильнейшее желание выйти из машины, сорвать розу и преподнести другу.

— Ты это серьезно?

— Абсолютно серьезно.

Гия упрямо пытается разобрать по выражению моего лица, шучу я или действительно жду его ответа.

Внезапно кровь заледенела в моих жилах. Впереди я приметил маленького мальчугана с белым бантом на шее. В руках он держит футляр со скрипкой и направляется прямо к нам. На нем короткие брючки, черные бархатные брючки. Вскоре он поравнялся с машиной. Я с дрожью смотрю на тротуар.

Я хочу повернуть голову, но боюсь, как бы не встретиться со знакомыми глазами, умными и безжалостными. И все же я, не в силах совладать с собой, стремлюсь заглянуть в жесткие, безжалостные глаза.

Эка заслоняет от меня мальчика. Стараясь не выдать волнения, я беспечно смотрю в окно.

Когда ребенок скрылся из поля зрения, я почувствовал испытующий взгляд Эки.

«Что случилось?» — глазами спрашивает она.

Я посмотрел вперед, словно не понял безмолвного вопроса.

Я искоса поглядываю в зеркальце. Лишь на миг мелькнул в нем силуэт маленького музыканта, потом его фигура выпрыгнула из рамки зеркальца и растворилась в пространстве.

— Так тебя интересует, какое место занимает физика в жизни современного человека? — неожиданно спрашивает Дато, мастерски забрасывая окурки в зияющее отверстие урны.

— Вот именно, — встряхнулся я.

— Этот вопрос тебе надо было задать академику Левану Гзиришвили, до того, пока он хлопнул себя пулей в лоб. Его ответ был бы гораздо содержательней гниного ответа.

«Хлопнул себя пулей в лоб».

Необдуманно брошенные слова током прошли мое тело.

— Какое место занимает физика в нашей жизни?

Я чувствую, как нравится свой же вопрос парню с нагловатыми глазами. Красные щеки так и пышут самодовольством. Он выжидательно поигрывает авторучкой и улыбаясь смотрит на меня. Я допустил непростительный промах, выставив на стол бутылку шампанского. Теперь уже некуда деваться — придется выпить с ним хотя бы один бокал.

На кухне хлопнула дверь. Видно Эка вышла из ванны и по обыкновению сушит волосы полотенцем.

— Эка! — зову я.

— Что, Нодар?

— У нас гость!

— Я сейчас выйду.

«Сейчас» тянется целых пять минут.

Я курю и жду, когда наконец появится Эка. Нагловатый корреспондент уверен, что это его вопрос заставил меня задуматься, и терпеливо ждет, когда я соизволю ответить. Теперь взгляд его настойчиво прикован к двери, в которую должна войти Эка.

— Эка, наш гость — корреспондент газеты и он хочет меня проинтервьюировать.

Корреспондент встает, готовясь протянуть руку для рукопожатия.

Несомненно, появление Эки произвело на него большое впечатление.

— Очень приятно, — вежливо улыбаются экины губы, но в глазах ее затаилась горькая печаль. Пожать руку корреспондента ей даже не пришлось в голову.

Некоторое время корреспондент стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, а потом, как ни в чем не бывало, вновь сел на свой стул.

— Разрешите закурить? — не дожидаясь ответа, он вытягивает сигарету из пачки, брошенной на стол. Он неумело чиркает спичкой и не затягиваясь выпускает изо рта клубы дыма. Видно, он вообще не курит, только балуется изредка, а может, сдается моде.

— Ты знаешь, о чем он меня спросил? — говорю я Эке, — Какое, мол, место занимает физика в нашей жизни.

— Какое место занимает физика в жизни современного человека? — спрашиваю я у Мамуки Торадзе.

— Отныне все последующие столетия безраздельно принадлежат физике!

Меня раздражает самоуверенный и категоричный тон Мамуки Торадзе.

— Ты абсолютно убежден в непререкаемости своего утверждения?

«Непререкаемость утверждения» я густо посыпал солью иронии.

Как правило, Мамука Торадзе прекрасно чувствует иронию, но виду не подает. Он ловко увертывается от удара и стремится не выпускать из рук бразды спора.

— Абсолютно. Мы изучаем микрочастицы вселенной в метagalактике в пределах восемнадцати миллиардов световых лет. Ты физик, и прекрасно можешь представить себе грандиозность этих пределов, превосходящих самую необузданную фантазию.

— А вот Руставели изучал человеческий дух, у которого вообще нет никаких пределов.

Глаза Мамуки внимательно изучают мою физиономию. Глядя попеременно — смотрит то на меня, то на Мамуку. Он, наверняка, чувствует, что сегодняшний спор добром не закончится.



— Может, сходим в кино?

Я не обращаю на гины слова никакого внимания и в свою очередь, бесцеремонно разглядываю лицо Мамуки. И В  
задеть его стальные нервы — задача не из легких. 210 11101033

— Без Руставели человечество как-нибудь проживет. Де-вяносто девять процентов населения нашей планеты вообще не читали Руставели, и, представь себе, прекрасно без него обходятся. А вот без энергии человечество не сможет прожить и дня. Человечу требуется энергия, и чем дальше, тем больше энергии ему нужно.

— Человеку необходимы радость, мир и любовь.

Я стараюсь подавить волнение. Меня бесит не логика Мамуки, а его бесстрастность и хладнокровие.

— Но человеку не видать ни радости, ни мира, ни любви, если он не обнаружит источника энергии. Раньше, когда человек был предоставлен лишь самому себе, сила его воздействия на природу целиком равнялась его собственной силе. Сегодня же за счет одной лишь электроэнергии сила и количество его воздействия выросли в тридцать раз. А темп их роста продолжает увеличиваться с поразительной быстротой. В какие-нибудь двадцать-тридцать лет они уже достигнут ста пятидесяти. Вы слышите, уважаемый Нодар, ста пятидесяти!

Мамука Торадзе впервые повысил голос, впервые дрогнули струны его стальных нервов, и мне даже показалось, что я слышу их треньканье.

— Где же человечество должно добыть эту энергию? Мы уже основательно выдоили, опустошили, выпотрошили нашу старенькую и любимую землю, обглодали ее до блеска, словно собака кость. Подумать только, за последние сорок лет мы выпростили из ее кладовых гораздо больше богатства, нежели за всю историю нашей цивилизации, начиная с первого ее дня. Человечество уже почуяло надвигающийся кризис. «Энергетический голод» давно перестал быть лишь острым словечком из газетного обихода. Теперь оно переключалось к нам, физикам. Только нам и дано избавить человечество от катастрофы!

Ни за что не поверю, что Мамука и вправду взволнован. Скорее всего он играет роль взволнованного человека для вящей убедительности. Хочу припомнить хотя бы один случай, когда Мамука был действительно взволнован. И не могу вспомнить. Я призываю на подмогу все свое благоразумие, чтобы не выйти из себя. Ни одному из моих товарищей и коллег не достанет сил вывести меня из равновесия. Но вот Мамука Торадзе совсем иное дело. Его холодные глаза и бесстрастный мозг, с четкостью автомата подбрасывающий ему материал для рассуждений, чертовски действуют мне на нервы. Всю неделю напролет он может поспорить так, что кровь ни разу не вскипит в его жилах, ни один мускул не дрогнет на его лице, ни единое колесико не станет буксовать в его мозгу. И голос он повысил вовсе не из-за волнения, просто он подчеркнул тем самым глубину и истинность своих соображений. Восторг начисто чужд его душе, а берега темперамента надежно одеты в бетон. Даже когда он явно кладет противника на лопатки, волнение обходит его стороной. Радости победы не растопить льда его глаз и не согреть души.

Я всячески сдерживаю себя, хотя бы потому, что я старше. Мое волнение будет расценено, как признак слабости и страха поражения. Я достаю из кармана сигарету.

— Дай прикурить! — с беспечной улыбкой обращаюсь к Дато. Спички у меня в кармане, но я все-таки прошу огня у друга. Я неторопливо закуриваю и спокойно говорю:

— До сих пор мы только и делали, что убыстряли катастрофу нашей цивилизации. Планета похожа на минное поле. Государства до зубов вооружены атомными и водородными бомбами. Ты, надеюсь, знаешь, сколько самолетов с атомными бомбами одновременно дежурят в небе. Достаточно одного безответственного шага, одного-единственного безумного маньяка, нажавшего на кнопку, чтобы все превратилось в прах, чтобы с лица земли исчезли все формы жизни. Где у тебя гарантия, уважаемый Мамука, что такой маньяк не найдется? Маньяки существовали во все эпохи, но тогда у них не было под рукой термоядерного оружия. В ту минуту, когда врачи поздравляли счастливых родителей с рождением сына — Адольфа Гитлера, мучительная смерть сорока миллионов человек была уже предопределена. Попробуй доказать, что и в эту самую минуту не родился где-нибудь очередной маньяк. А может, он давно уже родился и матушка, напевая колыбельную, раскачивает его колыбельку. А может, именно сегодня счастливые родители справляют ему день рождения, и гости, целуя его в пухлые щечки, задаривают подарками? Ведь явление миру даже одного завалющего маньяка может стоить планете жизни. И в этом повинны мы, физики.

— Маньяку можно преградить путь или, на худой конец, попросту уничтожить его. Но без энергии цивилизация обречена на медленное умирание. Наша земля похожа на копилку без дна, из которой мы лишь черпаем полной пригоршней, но ничем не пополняем ее. Прирост населения на нашей планете составляет в год восемнадцать миллионов человек. Как ты думаешь, их не надо обеспечить энергией? Но бог с ними, с этими восемнадцатью миллионами. Ты ведь прекрасно знаешь, с какой быстротой растет количество энергии, потребляемое одним человеком. Сегодня каждый житель земли тратит в среднем тысячу четыреста киловатт энергии. А в каждые последующие десять лет расход ее увеличится вдвое. Неужели этот факт ни о чем не говорит?

— Вы правы (я перехожу на «вы»), энергия необходима человечеству. Сегодня человечество владеет тем количеством энергии, которое обусловлено нынешним уровнем развития жизни, науки и техники, но эта энергия не изменила душу человечества, не увеличила его гуманизма и человеколюбия. Может, вы станете убеждать меня, что сегодня мы стали гуманней, может, вы будете упорствовать, что теперь мы обладаем большими способностями любить и воспринимать красоту, нежели некогда древние греки? (Как меня раздражает его туго накрахмаленная «фирменная» рубашка и элегантный галстук. Меня всегда удивляло, откуда у него берется терпение каждый день выражаться, как на прием. Даже в лабораторию он приходит, как на симфонический концерт). А может, вы осме-



литесь доказывать, что в человеке убыли чувства ненависти и мстительности? Вспомни (я опять перешел на «ты», и голос мой предательски дрогнул), как усовершенствовались в двадцатом веке орудия пыток и умерщвления человека, какими наивными и беспомощными кажутся нам теперь инквизиторы и восточные деспоты в сравнении с нынешними палачами.

— И ты обвиняешь в этом науку? Физику?

Ироническая улыбка мелькает на губах обладателя стальных нервов. Мамука Торадзе заранее торжествует победу.

— Физика, уважаемый Нодар, и это вам известно не хуже моего, оказывает воздействие на жизнь человека, его внутренний мир и психику три или от силы четыре десятилетия. Где же было ваше искусство на протяжении десятков столетий? Почему оно не смогло переделать человека, почему оно не облагородило его душу?

— Сейчас отвечу...

— Я отвечу сам. Не подумайте ради бога, что я более высокого мнения о науке, нежели об искусстве. Мы, ученые, открыватели чудес, жрецы и создатели искусства. Моя позиция, кажется, вполне ясна? Я хочу сказать лишь то, что человечество не удосужилось очистить душу, воспитать в себе человека. Оглянитесь на историю — человечество было не до искусства. Человек всю свою жизнь нуждался, нуждался в пище, в энергии, в самом необходимом для воспроизводства и сохранения жизни...

— Может, ты полагаешь, что сейчас у него стало больше времени? Может, ты думаешь, что сверхзвуковые самолеты высвободили человека? Новая ступень развития науки создала новую инерционную систему. У каждой эпохи есть своя инерция. Человеческая психика базируется на этой инерции и подчиняется ей. Одна инерционная система сменяется другой, другая — третьей, и так до бесконечности. Человека никто не спрашивает, нравится ему та или иная инерция или нет. Он вынужден автоматически включаться в эту систему. Человек создает сверхзвуковые самолеты, ракеты, различные средства связи, но чем быстрее становятся эти средства, тем больший дефицит времени испытывает человек.

Пауза.

Я посмотрел на внимательно слушающего меня Гио. Я знаю, что он на моей стороне, и я хочу вычитать в глазах друга, в какую сторону склонилась чаша весов. Дато, зажав в зубах сигарету, смотрит на нас, как завязтый зевака, ни за что не узнать, о чем он думает, чьи соображения разделяет. Заметив, что Мамука хочет воспользоваться паузой, я, едва передохнув, продолжаю.

— Чья тут вина? — риторически вопрошаю я. — Может, несмотря на все свои способности и умения, человек уже не в состоянии господствовать над созданной им же самим техникой? Может, психологически и биологически человек чувствительно отстает от опережающего движения собственной мысли? Может, наши тело, сердце, нервы пока еще не готовы выдерживать конкуренции с результатами нашего разума? Человеческий разум одолел множество барьеров, но может же быть и такое, что его физико-психологические возможности не выно-

сят подобных прыжков? Чем дальше идет наука, тем больше сужается сфера человеческой деятельности. Человеческое сознание постепенно перегружается такими знаниями, которые не приносят никакой пользы ни его вкусу, ни его интеллекту.

— Что ты имеешь в виду?

— Что? Сейчас доложу, — ритм спора регулирую уже я сам, стараясь, чтобы Мамука не смог к нему приспособиться. — Каждый пассажир должен знать, что если вдруг какой-либо предмет упал на пути поезда в метро, то прыгать за ним нельзя, ибо обе фазы электричества проходят по рельсам, а это опасно для жизни. Так, ответьте мне, пожалуйста, что дает человеческим душе и интеллекту знание элементарных правил техники безопасности? С другой стороны, и их незнание невозможно по вполне понятным причинам. И человек вынужден учиться день за днем. Запас же полезных и бесполезных знаний растет безгранично. И это в то время, когда продолжительность суток не увеличивается ни на йоту, несмотря на страстное желание человека. Двадцать четыре часа и ни секундой больше.

— Может, вы предлагаете остановить развитие науки и техники? Может, издать приказ, запрещающий мыслить?

Выражаясь шахматным языком, Мамука Торадзе сделал авантюрный ход.

— Мысль не остановить по очевидной причине — этого попросту нельзя сделать. Не приписывай мне того, чего я не говорил. Если ты споришь ради эффекта, любой ценой добиваясь победы, то я могу доставить тебе это счастье и без лишних разговоров признать свое поражение.

— Я сказал это не в обиду!

— Да я и не обижаюсь. Если хочешь знать правду, я спору не только с тобой, но и с собой тоже. Я просто высказываю свои соображения, вовсе не стремясь убедить либо переубедить тебя. Я проверяю свои соображения, выражаю свою тревогу, и если ты сумеешь рассеять мои страхи, я буду счастлив.

— Вы все же обиделись! — вызывающе говорит Мамука. Целеустремленной натуре Мамуки Торадзе не с руки ничья или победа с незначительным преимуществом, потому он и старается вывести меня из равновесия.

— Совсе нет, мой дорогой! — Мамука прекрасно чувствует мою интонацию, но не подает виду. В противном случае он должен бы возмутиться. Тогда спор перейдет в примитивную перепалку. — Я согласен с вами, что мысль остановить невозможно. Она со страшной скоростью летит вперед.

Небольшая пауза.

Воспользовавшись краткой передышкой, я закуриваю.

Отгнав рукой дым, я продолжаю разговор.

— Сегодня, как никогда, человек вовлечен в бешеный вихорь реки жизни. И кто тут управляет: человек ли рекой, или река человеком? Не наступит ли такое время, и притом довольно скоро, когда у человека не хватит сил господствовать над чудесами, созданными его же руками и разумом? Человеческий гений создает чудеса за чудесами, но сам-то он остается тем же самым. Человек борется с природой, ведь вся история





его существования — борьба за открытие и подчинение тайн природы. Но вдруг все эти головокружительные успехи похожи на спортивные рекорды, все еще устанавливаемые, но постепенно приближающиеся к своему пределу? А что если и у человеческих возможностей есть предел? А что если мы так и не сумеем до конца покорить природу? Не надо забывать, что и мы сами — дети природы, неделимая ее часть.

Пауза.

По гинному лицу заметно, что чаша весов склонилась в мою сторону.

Дато прищурясь разглядывает Мамуку Торадзе. Нетрудно увидеть, с каким нетерпением ждет он ответного удара. Гия согласен, чтобы пикировка закончилась с небольшим моим преимуществом, но Дато жаждет большего. Я знаю, как раздражает его безграничная мамужина вера в собственную непогрешимость, докторальный и непререкаемый тон. Честно говоря, в глубине души меня грызет сомнение, что Мамука прав.

— Я не согласен с вами, — задумчиво говорит Мамука и встает со стула. Страсти к спору, видно, основательно в нем поубавилось. — Согласиться с вами означает, что моя жизнь лишена всякого смысла. Самая большая наша обязанность сегодня — забота о нашей Земле, забота о человеке. Именно на нас лежит тяжелейшее бремя заботы о спасении Руставели и Бетховена, Толстого и Микеланджело; о спасении человеческой души и самых светлых идеалов человечества. Кто, как не мы, знает, какая опасность грозит нашей истощенной планете, ее выпотрошенным горам и долам, загрязненным морям и рекам. Катастрофа может еще и не ощущаться сегодня, но завтра или послезавтра мы непременно ощутим ее. Ее ощутят наши дети и внуки. Но тогда будет уже поздно...

Знакомый щелчок аппарата.

Я невольно смотрю на лампочку. Она все еще горит. Только-только космическая частица ворвалась в камеру Вильсона и очертила окружность между магнитными полюсами, затратив всю свою энергию на создание туманного следа.

Съемка происходит дважды. В первый раз запечатлевается искривленный след частицы при ее полете в магнитном поле, а во второй частица фиксируется в туманной камере на пластинке, где проявляется ее энергия.

И прибывший в эту минуту космический гость, наверное, обычный протон, но не обладающий сверхэнергией, и его визиты к нам достаточно редки.

Откуда они приходят? Что находится в глубинах метагалактики? И каковы они, первоначала, первоосновы материи, которые расходятся по всей вселенной, нагруженные фантастической энергией?

Откуда обитатели микромира получают сказочную энергию, недоступную даже человеческой фантазии и определяемую в десятки тысяч миллиардов электровольт? Кто знает, сколько таких частиц пронизывают нашу лабораторию, мое тело. Какое искусственное магнитное поле может искривить их путь? Они беспрепятственно проникнут камеру Вильсона и унесут с собой тайну своей энергии.

Целая гора фотопластин громоздится на столе. Я неохотно просматриваю их. Типичный протон, обезображенный протон, типичный протон, легкий мезон и вновь обычный протон. Знакомый след прочерченный на пластине, еще один, знакомый след, еще один. И так до бесконечности. Непрошенные гости со всех сторон проникают в камеру Вильсона, вынуждая аппаратуру запечатлеть их следы на пластине. Но сколько уже времени не отражался на пластине след той частицы, которую я жду с таким нетерпением.

И внезапно... Ломаный след.

Ломаный или искривленный?

Ломаный и только ломаный. Вне всякого сомнения.

Сам по себе ломаный след не новость. Распад частиц во время полета вызывает ломку следа. Частица разделилась надвое, а на пластинке идет лишь один след из точки деления. Известное явление — нейтральная частица не смогла оставить ломаный след, ибо не создала ионный ряд.

Но...

Я вновь иду уже известное и хорошо расшифрованное явление...

Но здесь что-то другое.

Я долго смотрю на пластинку, прислушиваясь к прерывающемуся ритму сердцебиения.

Аппарат снова щелкнул.

Свет зажегся, и гость прочертил туманный след на пластинке.

Я не обращаю никакого внимания на щелчки аппарата и, прикрыв веки, сжимаю голову руками.

«Что бы это могло быть?» «Что бы это могло быть?» «Что бы это могло быть?» — пять слов мельничным жерновом тяжело вращаются в моем сознании.

Пластинка.

Такого следа я еще не встречал. Ничего подобного еще не фиксировали смонтированные здесь камеры Вильсона. Да, такого я не видел ни на Арагаце, ни в Дубне.

И вновь пластинка.

«Интересно, который час?»

Часы я бросил куда-то на стол. Начало первого. Я кладу пластинку в папку и выхожу из лаборатории. Безлунное небо все в крупных звездах. Я иду во двор и сажусь на длинную скамейку. Пристально смотрю на небо. Все спят. Из гниной комнаты тянется бледная полоса света, но я знаю, что он спит. Он никогда не тушит свет на ночь.

«Что бы это могло быть?», «Что бы это могло быть?», «Что бы это могло быть?», — вновь тяжело заворочался мельничный жернов.

«Может разбудить Гио?»

«Да нет же, не стоит!»

Звезды почти не мерцают. Разреженный чистый воздух преломляет их лучи невидимо для глаз. Для человека, выросшего в долине и привыкшего к мерцанию звезд, эти неподвижные звезды, намертво приколотенные к небу — странное зрелище.

Я встаю, выхожу со двора лаборатории и направляюсь к хребту, черно нависающему над округой. В темноте я легко на-



хожу знакомую маленькую площадку. Я навзничь ложусь на влажную траву, и, затаив дыхание, смотрю в небо.

Я попытался было закурить, но тут же тушу сигарету омень и подальше зашвыриваю окурок. На Кавкасиони особенно явственно ощущаешь ядовитый смрад табачного дыма.

Небо.

Увешанное звездами небо.

Ни единого облачка.

Помню ощущение, возникшее во мне, когда я впервые заглянул в трубу телескопа. Мощные линзы словно бы вырезали в космосе огромное пространство и поднесли его совсем близко к моим глазам. Как будто приоткрылась невидимая, волшебная дверь вселенной, явив мне фантастическое зрелище. Где мы находимся и где обитаем? Где начало всему этому и где конец? А может, нет ни начала, ни конца?

Впрочем, даже сам Эйнштейн допускал, что у вселенной может быть конец. О, с каким воодушевлением ухватились за слова великого ученого церковники и тут же выдвинули свою идею: если у материального мира есть конец, тогда легко предположить, что за ним существует нечто нематериальное, то есть бог.

Может, этот мир и впрямь ирреален, а частицы материи мы видим лишь движущимися на фоне времени и пространства, тогда как реальность находится вне времени и пространства?

«Ибо мы лишь вчерашние и не ведаем: может, жизнь наша лишь отблеск над миром», — неожиданно вспоминаю я.

Может, и впрямь описание создателя, действующего во времени и пространстве — примитивный масштаб, может, современная теория и впрямь принуждает нас мыслить создателя, действующим вне времени и пространства?

А из глубин метagalактики идут и идут обитатели микромира, обладающие огромной энергией.

Десять тысяч миллиардов электровольт!

Лишь человек, достаточно искушенный в числах и физических величинах, может представить себе все значение этого явления, где рождаются и где приобретают такую огромную энергию мельчайшие частицы материального мира, разглядеть которые невозможно даже с помощью сверхчувствительных приборов? Что находится там, в глубинах метagalактики, что порождает первоосновы материи, которые доходят до нас в виде вторичных частиц?

«Не поверю, что бог играет в кости», — воскликнул Эйнштейн свою знаменитую фразу, когда был вынужден отступить и признать вероятность мира. Случайность, которая ничего не значила в классической механике, сделалась всем в квантовой. Многообразную вероятную причинность многие отождествляли с идеализмом.

«Как движется электрон?» — был поставлен вопрос. «Как ему заблагорассудится». Таков был ответ, вполне верный и логичный, но может, движение электрона выражает волю бога?

В моем сознании вновь возник след, изображенный на фотопластинке. Ясно, что у элементарной частицы, оставившей такой след, масса должна быть вдвое больше, нежели у протона.

«Что бы это могло быть?»

«Что бы это могло быть?»

«Что бы это могло быть?»

Вновь заскрипел грузный мельничный жернов.



Гия  
95 0359 20  
803 1110333

— Почему у тебя опухли глаза? — спрашивает Дато только сейчас заглянул в лабораторию, и на лице у него тот же вопрос.

Я не отвечаю.

И друзья не стали настаивать.

Бессонная ночь и опухшие веки обычное явление в космической лаборатории.

— Может, выйдем? — предлагает Гия.

Я посмотрел в тарелку. Она пуста. Когда я успел умять столько горячего харчо, не понимаю. Я рассеянно выхожу из столовки. Гия молча идет рядом со мной.

Видно, он о чем-то хочет меня спросить.

— Нодар, — наконец решается он, — ты, случайно, не болен?

— Разве я похож на больного? — улыбаюсь я.

— Значит, что-то произошло ночью...

— Да, произошло. Впрочем, может, я заблуждаюсь. Ведь возможно же, что это какая-то аномалия или неточность аппарата. Не знаю. Заранее трудно сказать что-то определенное, хотя след вполне реален.

— Ты покажешь мне пластинку? — заблестели глаза у Гии.

Говоря откровенно, я до поры до времени никому не хотел показывать пластинку. Мне хотелось самому подумать и разобраться в сущности явления. Но теперь отступить было некуда, ведь Гия неправильно может понять мой отказ. И я пошел с ним в лабораторию.

Гия долго и внимательно разглядывал пластинку. Я сижу на стуле, курю и наблюдаю за выражением лица Гии. На нем проступили следы сильного волнения.

— Ее масса, должно быть, очень велика.

— Почти в два раза больше протона.

— Ты думаешь, что это не протон?

— Я долго думал. Теперь я просто убежден в этом.

Гия вновь разглядывает пластинку.

— К каким же выводам ты пришел?

— Я полагаю, — только очень прошу тебя пока что никому ничего не говорить ни о пластинке, ни о моих предположениях — на пластинке изображен мезон, очень редкий мезон.

— Мезон?

— Да, мезон. Редчайший мезон, Видно, его «жизнь» весьма непродолжительна. Пока что это всего лишь гипотеза. Мне нужно еще несколько дней, пока я продумаю все за и против.

— Ну что ж, не буду поздравлять заранее, — улыбнулся Гия.

— Всегда успеется, было бы с чем поздравлять.

— По моему мнению, на пластинке изображен мезон, — говорю я и почему-то смотрю на Мамуку Торадзе.



В маленькой комнате, которую мы шутливо именуем «конференц-залом», находится всего пять человек.

Я стараюсь подавить волнение и радость. Я почти не сомневаюсь, что на пластинке запечатлена элементарная частица совершенно еще неизвестная науке. Я говорю «почти», хотя в глубине души абсолютно убежден в реальности существования тяжелого мезона. Знаю я и то, как трудно доказать, что несколько дней назад нашу лабораторию посетил редчайший гость, оставив на фотопластинке весть о своем посещении. Кто и когда еще сможет заполучить желанного гостя?

— Какова, по вашему мнению, природа мезона, изображенного на пластине? — спрашивает Мамука Торадзе. Он вообще обожает говорить сухим официальным тоном, тем более, когда обсуждаются серьезные научные проблемы.

— Я думаю — (чуть не сказал «я убежден»), — запечатленный на пластинке мезон — нейтрален. Его масса, как я уже говорил, вдвое превышает массу протона.

— А продолжительность жизни?

— Чрезвычайно мала. Наверное, десятая доля секунды в минус двадцать третьей степени. По моей гипотезе он принадлежит к семейству особо кратковременных.

— А частота?

— Он, видимо, порождается в миллион раз реже мезона.

— В миллион раз?

— Именно так.

— Если даже у ваших рассуждений есть твердая основа, дело все же усложнится. Как вы собираетесь доказать безошибочность вашего открытия, реальность существования нейтрального мезона?

— Доказать мою гипотезу (я поостерегся сказать — открытие), опираясь лишь на эту пластинку, невозможно. Кто знает, когда еще заблагорассудится пожаловать в камеру Вильсона мезону, который происходит в миллион раз реже пи-мезона. Ждать, когда нейтральный мезон придет из космических источников, означает надеяться на удачу в науке. Я думаю, коль скоро у существования нейтрального мезона есть реальные основания, рано или поздно его получат синхрофазотроны в Серпухове, Дубне или за рубежом.

— Вы сказали — получат?

— Да, получат!

— Значит, у вас имеются соображения и о его происхождении!

— Вы правы, у меня есть определенные предположения. Нейтральный мезон получается в результате бомбардировки протона мезонами.

Молчание.

— Интересно! — произнес наконец Мамука Торадзе. — Позвольте мне высказать свои соображения.

Меня смешит тон Мамуки, пытающегося имитировать научный форум из пятерых своих друзей и сотрудников.

Мамука Торадзе выставил вперед стул и оперся руками на его спинку.

— По моему мнению, сегодняшний день впишет важную страницу в историю нашей лаборатории. Невезение наконец-то

преодолено. Я думаю, что открытие Нодара Геловани (он особо подчеркнул слово «открытие») весьма значительно. Вам хорошо известно, когда еще заметили Леван Гзиришвили и его первые ученики обитателей микромира, и в частности, семейство мезонов. Но, к сожалению, случилось так, что до сегодняшнего дня в нашей лаборатории не был обнаружен ни один из членов этого семейства. Я предлагаю, чтобы Нодар Геловани безотлагательно зарегистрировал открытие, совершенное им несколько дней назад, изложил свои соображения и, размножив пластинку, направил ее вместе с текстом в Дубну, Серпухов и в союзную Академию с соответствующей рекомендацией Левана Гзиришвили. Потребуется время, чтобы доказать, насколько верно расшифровал пластинку уважаемый Нодар, насколько точны его соображения. Я думаю, что если нейтральный мезон действительно получается в результате бомбардировки протона мезонами, то его и впрямь зафиксируют на одном из синхрофазотронов. Необходимо работать в этом направлении на дубнинском и серпуховском ускорителях. Обнаружение нейтронного мезона сможет подтвердить, насколько точно были рассчитаны уважаемым Нодаром его масса и продолжительность жизни. А теперь позвольте мне поздравить всех вас!

Академик Леван Гзиришвили внимательно рассматривает пластинку.

— Я убежден, что не осмелился бы «вычитать» на этой пластинке даже трети того, что сумел «вычитать» ты.

Академик отложил пластинку в сторону и пристально посмотрел на меня.

— Пусть мои слова не испортят тебе настроения и не омрачат надежды, — спокойно произнес он. Внезапно глаза его сделались отсутствующими, и он несколько раз негромко повторил: — Надежда... надежда...

Потом, словно бы опомнившись, медленно встал, прошелся взад-вперед по комнате, вновь подошел к столу и еще раз внимательно посмотрел пластинку на свет, льющийся из окна.

— Дерзость и надежда — свойства молодости. Без этого трудно браться за серьезное дело, дорогой мой Нодар!

— Какое место занимает физика в жизни человека? — спрашивает меня молодой журналист.

Его самодовольное круглое лицо с пунцовыми щеками и нагловатые глаза уже не раздражает меня.

— Какое место занимает физика в жизни человека? — Кто знает, в какой раз я повторяю про себя этот вопрос. А ответа не видно.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Небольшая, просто обставленная комната в дощатом доме.

Полночь.

В окно я вижу истончавший золотистый серп луны и мерцающую поблизости от него звезду.





Нас в комнате трое: я, мой брат Резо и главный врач рай-  
она Эльдар Комахидзе.

Эльдар Комахидзе.  
Высокий, светловолосый молодой человек в очках. Мой школьный товарищ. Мне всегда был по душе его флегматичный, полный поразительного спокойствия взгляд. Даже представить себе трудно, что он может взволноваться, выйти из равновесия. В студенческую пору мы встречались довольно редко, а позже наши пути и вовсе разошлись. Я не знал, куда его распределили, где он работал. Сказать по правде, я в общем-то не очень этим и интересовался.

Встреча с товарищем обрадовала меня.  
Пить мне не хотелось, но отказаться не хватило духу. Да и как я мог отказаться.

Немудренный ужин.  
Хлеб, яичница, сыр и магазинное вино.  
Выпивка ударила нам в голову.  
Резо встал и вышел на двор, чтобы освежиться. Вернувшись в комнату, за стол он уже не сел. Устроившись на тахте и прислонившись спиной к стене, он уставился в потолок. Достаточно даже беглого взгляда, чтобы определить — в комнате живет холостяк.

Женская рука не прикасалась ни к одежде, небрежно брошенной на кровать и стулья, ни к грязным тарелкам, пылящимся на подоконнике, ни к бутылкам, сгрудившимся в углу комнаты, ни к полу...

Резо, полулежа на диване, упрямо не сводит глаз с потолка. Его что-то тревожит, он о чем-то думает, и притом лихорадочно. Я безошибочно могу определить ритм мыслей человека. Да, наверняка его что-то тревожит, тревожит и будоражит. Я ни о чем его не спрашиваю.

Я хорошо изучил характер младшего брата. Назойливые расспросы его раздражают.  
Если он сочтет нужным, то сам поделится своими тревогами.

Я по-прежнему сижу у стола и, положив ногу на ногу, курю. Застолье кончилось. Никому из нас неохота больше пить. Эльдар отодвинул стул к стене и взял гитару.

Играет он вполсилы.  
Впрочем, не играет, а просто перебирает струны, пытаюсь взять сложные аккорды.

Но звук гитары мне все-таки приятен.  
Мы согласно молчим.

Я присматриваюсь к Эльдару. Он вроде бы несколько не изменился и в то же время изменился сильно. Оба ощущения овладели мною одновременно. Его поджарая спортивная фигура слегка погрузнела. Умные глаза лишились глубины — до дна рукой подать, словно в обмелевшем озере. Провинциальное самодовольство бурьяном проросло на его лице. Весь его облик выражает сытость, бахвальство, а может, покорность судьбе человека, давно махнувшего рукой на все. Некогда бледное его лицо побагровело, но, несмотря на все перемены, он тот же самый Эльдар, которого я помню еще со школьной скамьи.

Встреча с Эльдаром Комахидзе обрадовала меня еще по одной причине. Беседа с братом у меня, как правило, не ладится. Я даже в кино не мог ходить с родителями и братьями. Любимые сцены и напряженные эпизоды я всегда воспринимал с некоторой неловкостью, стыдясь своих эмоций и всячески пытаясь их скрыть.

Молчание.

Бесконечный перебор струн.

Прилежший на тахту Резо по-прежнему сверлит потолок взглядом. Хотя он неподвижен, тем не менее я отчетливо вижу, какая сумятица у него в сердце. Душа его бродит, как маджари и, не умещаясь в теле, стремится вырваться на волю.

Эльдар, искоса поглядывая на Резо, без передышки терзает гитару. Ироническая улыбка блуждает на его губах. Главный врач и сам прекрасно чувствует, как бродит и кипит душа Резо, грозя разнести на черепки стенки кевври.

— И что же наш районный лидер, чего, мол, мне нужно? — спросил он у Резо.

Когда главврач задает вопрос, создается впечатление, что спрашивает он из одной только вежливости, не обращая внимания на ответ. На самом же деле, он не упускает ни единого слова из сказанного. Его отзывчивость раскрывается в полной мере лишь в репликах и тонких замечаниях.

— Да ничего он не говорил. И что он должен был сказать! — присел Резо и потупился.

— Из-за «ничего» руководство не станет собирать людей!

На этот раз Эльдар Комахидзе щиплет одну струну, пытаясь извлечь из нее нечто замысловатое.

— К тому же, вряд ли «ничего» взволновало бы тебя так сильно.

Перевод Ушанги РИЖИНАШВИЛИ

(Продолжение следует)



## ДИАЛОГ НА ПОРОГЕ 80-ЫХ

О сегодняшнем дне армянской литературы и об общих для наших братских литератур тенденциях беседуют критики Левон МКРТЧЯН и Заза АБЗИАНИДЗЕ.

Публикуя по уже установившейся традиции эту беседу, редакция «Литературной Грузии» продолжает знакомить читателей с панорамой многонациональной советской литературы.

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — Так как наша предстоящая беседа предназначена для литературной прессы — грузинского альманаха «Критика», а затем, по уже установившейся традиции, будет опубликована в журнале «Литературная Грузия», хотелось бы в свою очередь знать — насколько профессиональная критика определяет сегодняшнее лицо армянской литературной периодики?

ЛЕВОН МКРТЧЯН — Армянская литературная периодика в целом верно отражает современное состояние нашей литературы. Можно сказать, что не редакторы определяют уровень литературной периодики — тон задают авторы, сотрудничающие в ней. И здесь, как мне думается, несколько пассивны армянские критики, которые уходят в литературоведение и мало занимаются текущими вопросами литературного процесса. Мне и самому надо бы активнее заниматься критикой. Дело это беспокойное, но и преимуществ у критика много — он участник живого литературного процесса, тогда как порой люди с громкими учеными степенями и званиями живут и работают в стороне от насущных проблем литературы, да и жизни вообще!

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — Возможно, Вы и правы. Но ведь верно и то, что критика — занятие неблагодарное. Литературный престиж все прочнее и прочнее увязывается с социальным престижем и трудно найти такого писателя, для которого литературная критика — есть литературная критика. Постараюсь проиллюстрировать этот парадокс. Дебютант. как правило,

связывает вашу рецензию с судьбой первой своей книги; автор первой книги — с приемом в Союз писателей; более или менее именитый автор — с упрочением литературной репутации. Или упаси боже, с «подкопом» под нее. Найдется и такой писатель, все надежды и иллюзии которого связаны именно с раскритикованной вами публикацией. Ваша статья была беспристрастна и объективна? Это сейчас не имеет никакого значения. В воображении автора «непрощенный» критик закрыл ему двери Союза писателей, если он надеялся получить квартиру — помешал и в этом и, естественно, расстроил все планы будущей семейной жизни... Вы еще удивляетесь, что критик становится объектом неприкрытой ненависти? Нет зла, которое вам не припишет фантазия рассерженного писателя... Скажите, может ли человек любой душевной конструкции вновь и вновь добровольно становиться такого рода «мишенью»?

А сейчас, разрешите перейти к моему второму вопросу.

Хотелось бы знать Ваше мнение о самом молодом поколении армянских писателей. Самые молодые мало переводятся, и поэтому иноязычному читателю особенно важно знать мнение профессионала: каково это поколение, привнесло ли оно в армянскую поэзию, прозу, критику новое нравственное или эстетическое начало; осознало себя литературным поколением, или идет вслед за своими непосредственными предшественниками?

ЛЕВОН МКРТЧЯН — Самые молодые не только мало переводятся, но, к сожалению, мало издаются. Мы много говорим о молодых суммарно, а надо разглядеть личность поэта, прозаика, критика... Литература — личностное дело!

В Армении и, очевидно, повсеместно очень уж повзрослело понятие «молодой писатель». Порой мы называем молодыми писателей, которые женили или собираются женить своих детей. Ходит человек в молодых, но вдруг выясняется, что он уже дедушка.

Нельзя сказать, что сейчас молодых нет. Нынешних молодых энергично отстаивает критик Ал. Топчян. У меня отрядным было впечатление от недавних стихотворных сборников Анаид Парсамян, Армена Мартиросяна, Гаруша Айрына, прозы Алвард Петросян, Меружана Тер-Гуланяна. Я мог бы назвать и ряд других имен, но меня не оставляет мысль о плохо проявленном групповом портрете — лица у молодых сливаются. Произношу я сейчас эти слова и слышу рассерженные голоса решительно несогласных со мною молодых литераторов. Но я и сам очень хочу, чтобы кто-то из молодых «вырвался вперед», стал фигурой крупной, праздничной. Помните, у раннего Николая Тихонова:

Праздничный, веселый, бесноватый,  
С марсианской жаждою творить...

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — Вспоминая остро полемическую статью Льва Аннинского «Жажду беллетризма!», не могу удержаться от искушения задать Вам вопрос.



Угрожает ли сегодняшней армянской прозе «засилье мифологизма», или наоборот — мифотворчество помогает художникам осмыслить сложнейшие проблемы современности и обнажить самые глубокие, драматические пласты жизни?

ЛЕВОН МКРТЧЯН — Я бы не стал говорить о «засилье мифологизма». Засилье плохих книг — это другое дело. Но, к счастью, и этого нет. Есть плохие книги (с избытком беллетристики) и есть плохие книги (с избытком мифологизма). Но засилья нет. Общий уровень прозы определяют книги хорошие, талантливые.

Лев Аннинский пишет интересно. **Очень** интересно и **очень** концептуально. Но усиливающее наречие **очень** в данном случае не усиливает, ослабляет. В погоне за этим **очень** он пишет зачастую парадоксально и, настойчиво выделяя свою парадоксальную мысль, искажает общий рисунок.

Я люблю читать Льва Аннинского. Стиль его письма — это реакция на литературоведение беспомощное, пересказывающее, вяло идущее за текстом. Однако, читая его, я всегда вспоминаю стихотворный афоризм Марии Петровых:

Ты думаешь, правда проста?  
Попробуй, скажи.  
И вдруг онемеют уста,  
Тоскуя о лжи.

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — В грузинской литературе все явственней заметны метаморфозы «лирической прозы». В частности, на смену всепрощающему герою все чаще приходит герой, яростно и бескомпромиссно отстаивающий свои нравственные убеждения, герой, на горьком опыте наученный, что «добро должно быть с кулаками».

Можно ли проследить подобную метаморфозу в армянской прозе?

ЛЕВОН МКРТЧЯН — Эффектная строчка Станислава Куняева «Добро должно быть с кулаками» мне не нравится. Вдумайтесь в эти слова — и вы увидите человека в боксерских перчатках... А ведь добро дорого людям не кулаками, а именно добротой...

Лирическая проза никогда не воспринималась мной как чуточку подслащенный гуманизм. Сентиментализм (карамзинский или восточный) несовременен. Лирическая проза — письмо современное и порожденное раздумьями-переживаниями современного человека. Я мог бы сослаться на Пришвина, Паустовского, Олешу. Из армянских писателей назову несравненного Гургена Маарна...

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — Я, в свою очередь, мог бы добавить имена так рано ушедших от нас Гурама Рчеулишвили и Эдишера Кипиани, из поколения, чуточку опережающего мое. — Нодара Думбадзе и Реваза Инанишвили, Тамаза Чиладзе и Арчила Сулакаури, Отию Иоселиани и Реваза Чейшвили,

Мераба Элиозишвили и Нодара Цулейскири; уже из моих сверстников — Тамаза Бибилури, Гурама Гегешидзе и Гурама Дочанашвили.

Что касается «добра с кулаками», должен сказать, что тут, по-моему, мы должны принимать во внимание каждый конкретный этап нравственного развития общества: можно жаждать всепрощающего гуманизма вчера и так же искренне считать проявлением гуманизма ту аккумулярованную злобу, с которой герой новеллы Нодара Думбадзе «Собака» не пускает на порог своего присмирившего обидчика-живодера.

По-моему, «добро с кулаками» неприемлемо до тех пор, пока оно воспринимается как нонсенсная метафора, неприемлемая для поэзии. А вот один из рассказов недавно скончавшегося талантливого молодого писателя Джемала Топуридзе построен как раз на этом «нонсенсе», Герой этого рассказа, «неисправимый» добряк, силач Энвер Джиджавадзе (рассказ так и называется — «Неисправимый») дал зарок ни за кого больше не заступаться, но горький опыт не может остановить порыва благородного сердца, и кулачища обреченного великана восстанавливают справедливость в окружающем его маленьком мире.

То, что мы во вторую очередь говорим о поэзии, для меня во всяком случае весьма символично. Подобные обобщения всегда рискованны, но смею сказать, что по-моему в грузинской литературе пришел конец традиционному первенству поэзии. Симптомы этого и во внутрижанровых проблемах (например, время от времени вспыхивает жаркий спор между сторонниками и противниками верлибра) и в том, что в последние десятилетия именно проза «нашла ключ» к самым животрепещущим нравственным проблемам.

ЛЕВОН МКРТЧЯН — Говорят, без большой прозы нет большой современной литературы. И в этом смысле весьма отчаянно видеть всю плодотворность творческих поисков грузинских прозаиков. Но я не могу сказать, что у нас в Армении проза взяла верх над поэзией. Сейчас в армянской литературе робеет плеяда прекрасных прозаиков, но и поэты не пасуют...

Я хочу сказать, несколько слов о Нодаре Думбадзе, о его прозе. Он разрушил условные формы и заговорил с читателем как с другом, заговорил не на языке литературы, а на языке жизни. Он достиг такой раскованности повествования, когда форма не ощущается, ее словно бы и нет, когда автор и читатель — два друга-собеседника и говорят они на равных. Отсюда и сильнейшее этическое и эстетическое воздействие прозы Думбадзе на читателя.

Литературный процесс — это непрерывные попытки переоценки ценностей. Пытаются многие, но могут по-настоящему переоценить ценности и создать нечто свое, новую ценность, писатели недоюжинного таланта.

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — Каков сегодняшний день армянской поэзии? Как Вы оцениваете ее нравственный и художественный потенциал?



ЛЕВОН МКРТЧЯН — Армянская поэзия занята извечной для литературы проблемой — ищет и находит формы воплощения современной действительности, столь сложной и противоречивой. Поэзия становится вместе с тем выражением сильной нравственной идеи о ценности и необходимости донкихотского начала в современный утилитарный век.

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — Кажется, настала пора перейти к нашим «внутрицеховым» вопросам. В последнее время заметно выросла активность грузинской критики, о схожем явлении говорили наши литовские и украинские коллеги. И в то же время сегодня особенно остро встал вопрос о самом изначальном назначении критики — во имя чего и для кого пишет критик? Думаю, что это неспроста, так как и свой, и чужой горький опыт подсказывает, что многие наши просчеты восходят к одному источнику...

Каков ответ армянской критики на эти, отнюдь не риторические вопросы? Как бы Вы определили задачу и адресат литературной критики?

ЛЕВОН МКРТЧЯН — Критика — это форма существования, форма жизни художественного произведения. Если книга не истолковывается, не «критикуется», она и не читается. Читатель размышляет, работает над текстом, и критика призвана ему помочь. И не только помочь, но и быть на уровне возросших требований читателя.

Критики строят порой свои суждения на основе тех слов и отрывков из художественных произведений, которые легко ложатся в статью, в расхожие критические концепции о том, что писатель воспевает то-то, любит то-то и восхищается тем-то... Причем зачастую эти слова, выхваченные из художественного целого, не самые характерные для данного писателя и — что важнее всего — не самые удавшиеся.

Чем твой труднее путь,  
чем круче твой подъем,  
тем сильнее будь,  
упорней с каждым днем...

Думается, нетрудно говорить и писать об этих стихах Кайсына Кулиева. Но вот другие его стихи — «Волы под дождем»:

На зеленой лужайке два черных вола,  
и на серых рогах — дождевая вода.  
Мирен отдых волов. Их сюда привели  
грязь и камень дорог, где устали волы.  
Перед ними — трава. И забыта арба,  
на которую грузят зерно и дрова.  
На зеленой лужайке два черных вола,  
и на серых рогах — дождевая вода.

Эти стихи труднее, чем цитированные выше, ввести в газетную или журнальную статью. Но именно этот маленький шедевр балкарского поэта должен стать темой для разговора.

Известно, однако, что чем лучше стихотворение, тем труднее его анализировать. Давно запало мне в душу стихотворение Анны Каландадзе:

06.10.59  
202.00.1033

Какое ты глубокое, глубокое,  
о небо Грузии!..  
Под тобой приюта  
никто — с враждой пришедший —  
не обрел:  
ни перс надменный, и не турок лютый,  
и ни монгол...  
Твое величье славят Ошки, Зарзма,  
Тао-Кларджети камни...  
Как бесконечно ты, как ты прекрасно,  
о небо Грузии голубоокое —  
какое ты глубокое, глубокое...

Эти стихи у меня на устах, я их читаю, перечитываю, а вот сказать о них не умею... Из грузинских критиков умеют и пишут о литературе вдохновенно и пронизательно Георгий Маргвелашвили, Гурам Асатиани, Эдуард Елигулашвили...

**ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ** — Входит ли литературное творчество зарубежных армян в сферу внимания армянской критики?

**ЛЕВОН МКРТЧЯН** — В зарубежных армянских колониях живут и работают прогрессивные армянские писатели. Их книги — и это естественно — выходят в свет у нас в Армении. Только за последние годы вышли в свет в Ереване сочинения Акопа Мндзури, Ваге Вагяна, Ваграма Мавяна, Захрата, Бениамина Нурикяна, Ваге Айка, Андраника Андриасяна. Это интересная проза и поэзия писателей, работающих в США, Ливане, Франции, Португалии, Турции, и находятся эти книги в сфере постоянного внимания армянской критики. Хорошо пишут о творчестве зарубежных армянских писателей Степан Аладжаджян, Степан Куртикян, Вазген Габриэлян и Гегам Севан.

**ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ** — Вопросу, который я приберег для конца, надо предпослать несколько слов. Если бы меня спросили, какова самая отличительная черта армянского народа, я бы ответил: подвижничество! И донесшийся из глубины веков голос летописца, и фолиант — чудо каллиграфии, вобравший в себя всю человеческую жизнь, и террасы садов на каменистых грядках говорят об извечной вере народа, что капля воды способна просверлить камень... И мне бы хотелось, чтобы армянская тема в грузинской литературе предстала именно в этом аспекте. Вам, конечно, виднее, но наверное, более глубинное, а не этнографическое видение грузинского национального характера — черта скорее завтрашнего, чем сегодняшнего дня армянской литературы. Вот так, узнавая друг друга, мы узнаем самих себя... Размышляя над прошлым, всматриваемся в настоящее и с большей силой ощущаем; умом — закономерность, а сердцем — тепло нашей дружбы и добрососедства.





ЛЕВОН МКРТЧЯН — Грузины и армяне действительно два брата Айос и Картлос. И наши взаимоотношения складываются так, как они складываются между братьями... Грузинские и армянские писатели не могли не писать друг о друге. Они писали и пишут чисто и возвышенно. И если говорить о грузинской теме в армянской литературе, то мне бы хотелось, чтобы эта святая для нас тема шире и лучше была представлена книгами самих грузинских писателей, переведенных на армянский язык. Нам недостает хороших взаимных переводов. Грузинская литература — классическая и современная — чрезвычайно богата и разнообразна. Переводы с грузинского могут обогатить любую литературу.

Я вырос в Грузии и люблю ее землю, ее язык, ее людей с их возвышенной душевной щедростью. Но я не берусь определять отличительную черту целого народа. Меня сдерживает ответственность такого определения. Скажу лишь, что литература и искусство в современной Грузии отмечены чертами возрожденческой полноты и яркости. Я приезжаю в Тбилиси, и мне всегда кажется, что самый воздух грузинской столицы предрасполагает к творчеству, Музы живут в Тбилиси. Они прописаны в Грузии со времен великого Шота Руставели.

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ — Мне остается только поблагодарить Вас от имени наших будущих читателей и высказать уверенность, что наш диалог будет продолжен дальнейшими плодотворными беседами армянских и грузинских критиков.



## КОНСТАНТИН ФЕДИН И ГРУЗИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Выступая на международной встрече писателей в Веймаре в 1965 году, К. Федин говорил о том, что искусство писателя, посвящаемое жизни, — неотделимая составная часть культуры каждого народа, культуры человечества. Передавать поколениям опыт человеческой истории, запечатлевать его образными средствами художника, будь он поэтом, романистом, драматургом, — долг писателя и высочайшая обязанность литературы.

Оставаясь всю жизнь верным этому кредо, Константин Федин создал яркие и правдивые образы людей на крутых переломах истории. В своих произведениях он осмыслил пути-перепутья интеллигенции XX века, лучшие представители которой находили единственно верный путь — с народом в революцию, запечатлел образы коммунистов, сынов Ленинской партии, показав их в годы большевистского подполья и подготовки революции, гражданской и Великой Отечественной войн.

Произведения, созданные К. Фединым, стали достоянием читателей многих национальностей, явились образцом творчества для писателей братских народов Советского Союза.

В Грузии книги К. Федина в ряду произведений других выдающихся русских писателей, таких как А. Толстой, М. Шолохов, Н. Тихонов, А. Фадеев, по словам К. Лордкипанидзе, «воспитали не только поколения советских писателей. Их книги — и книги-учителя, книги-зеркала жизни, как говорил Стендаль, и книги-друзья, которые протягивают тебе руку в трудную минуту жизни».

Писал об этом К. Лордкипанидзе не случайно. В его собственных произведениях, как и в творчестве К. Федина, отражена жизнь в переломные эпохи, запечатлены персонажи, становление характеров которых проходило вместе с историческими изменениями в жизни страны. Роднит писателей и желание познать жизнь в ее стремительном движении, в ее творческой силе, в самых сильных, драматических конфликтах.



То же можно сказать о прозе Г. Натрошвили. В статье «Мои любимые книги», опубликованной в связи с 80-летием К. Федина, он писал: «Конст. Федин принадлежит к числу тех писателей, тех больших мастеров слова, которые направляли пути развития советской прозы. С этой точки зрения произведения писателя имели этапное значение. Лично для меня, как для писателя и читателя, книги Федина всегда были такими же волнующе интересными, как и история нашей революции».

Определяя новаторство К. Федина как романиста, Г. Натрошвили видел это новаторство не только в новизне содержания, но и в новизне формы, в частности композиции. Знакомясь с произведениями К. Федина «читатель понимал и чувствовал, что великий переворот в мировой истории коснулся и художественного арсенала выразительных средств литературы».

Оказывая силой своего художественного мастерства воздействие на грузинских писателей, К. Федин сам многое почерпнул от общения с ними. Обогастило его художественный мир и непосредственное знакомство с жизнью, культурой и искусством Грузии.

Впервые он приехал в Грузию в 1924 году. Побывал в Тифлисе, на Черноморском побережье Абхазии, в ее столице — Сухуми.

В письме к Р. Канделаки по поводу ее повести «Бродил художник по городу», К. Федин писал: «Вы оживили в моей памяти старый Тбилиси. Я узнал его впервые в 1924 году уже уходящим, но Вы так отчетливо и точно набросали его очертанья, так богато населили его голосами, запахами, что легко увели меня в даль незнакомых мне прежних лет».

Сильное впечатление по своеобразию колорита произвела на К. Федина Абхазия. Быта, уклада, темпа жизни старой Абхазии тогда, в начале 20-х годов, революция едва только коснулась. Как образно подметила Б. Брайнина, «Нэп как бы приостановил порыв ветра, бушевавшего в годы гражданской войны на Кавказе. Все еще словно дремало в старой Абхазии».

Впечатления первой поездки отразились в двух рассказах К. Федина — «Бочки» (1924-25) и «Суук-су» (1925-26).

В первом из них обстановка невозмутимого спокойствия, дремотности хорошо передана образами неподвижного города, полусонных людей — ленивых, медлительных. Яркий, запоминающийся образ героя — Хасая — раскрывал идею рассказа: дремлют еще подспудно в отдельных людях силы, приглушенные, задавленные нэпом, но пройдет время, и все лучшее в натуре человека несомненно пробудится.

В центре рассказа «Суук-су» — история человека, который занялся продажей воды, кое-что на этом подработал, но тут же все спустил, будучи одержим страстью игры в домино. Этот рассказ примечателен тем, что уже здесь проявилось мастерство К. Федина в обрисовке пейзажа, которое в его зрелом творчестве достигнет таких высот. Картины природы в рассказе служат не только фоном, — они определяют настроение героя, мотивируют его поступки,

Жизнь Измаила, как и героя предыдущего рассказа, течет монотонно, она не наполнена интересными событиями, общественно-полезным трудом. И тем разительней контраст с образом героя рассказа «Член делегации» (1938), где показано возрождение человека из народа, как результат Великой Октябрьской революции, социалистических преобразований в стране.

Соответственно меняется экспозиция — теперь уже на первом плане не виноградник с перезревшим виноградом, не базары с маленькими лавчонками, не кофейни, где идет азартная игра в домино, как это было в двух первых рассказах. Теперь это Абхазия новая, социалистическая — табачные плантации, мандариновые сады, обработанные участки ценных культур, богатые колхозы.

Впервые человек из народа ощутил себя творцом истории, хозяином жизни. Праздник установления Советской власти в Армении, на который прибыл представитель абхазского народа — герой рассказа, председатель богатого табаководческого колхоза, явился праздником всех народов Советского Союза. Так в тему социалистических преобразований в Абхазии вплеталась новая для абхазского цикла тема — тема дружбы народов. Не случайно в празднике в Ереване принимали участие русские, украинцы, азербайджанцы, дагестанцы, аджарцы, черкесы, сваны.

Между вторым и третьим рассказами об Абхазии лежал отрезок времени в 12 лет. За это время в результате социалистического строительства в Абхазии, в Грузии, как и во всей стране, сформировался новый тип человека, активного участника новой жизни, патриота и интернационалиста, образ которого и нарисовал К. Федин в рассказе «Член делегации».

За прошедшие 12 лет К. Федин ближе познакомился с новой социалистической Грузией, сдружился с писателями и поэтами. Вместе с тем, он глубоко проник в ее историю, литературу. Не случайно в своем приветствии в связи с 15-летием установления Советской власти в Грузии К. Федин писал:

«15 лет работы под Красным знаменем сделали грузинскую литературу достойным культурой всех советских народов. Крепко обнимаю друзей и шлю поклон великому искусству Грузии.

Константин Федин».

Спустя год на творческом вечере Тициана Табидзе в Москве, говоря о сближении культур народов Советского Союза, он подчеркнет: «В этом сближении границ к нам необыкновенно приближается, становится понятной и начинает нас вовлекать в себя культура замечательной солнечной Грузии.

Какой-то очень взаимный интерес появился за последнее время. И вот уже плоды его — я не представляю себе такого зала еще десять лет назад. Это первое и самое глубокое достижение нашей страны, вот это сближение».

Особенно сблизил русских и грузинских литераторов работа бригады Оргкомитета, приехавшей в Грузию перед пер-



вым всесоюзным форумом советских писателей, а также встречи в дни съезда.

В подтверждение я позволю себе привести запись с супругой Тициана Табидзе — Ниной Александровной о знакомстве и встречах с Константином Фединым.

«В 1934 году, в дни первого съезда советских писателей, я с моей дочерью Нитой, приехали из Ленинграда в Москву. Вечером мы с Тицианом пошли в кафе «Филиппово», отведенное для делегатов съезда. Не успели мы войти, как Борис Пастернак воскликнул на весь зал:

— Костя, вот пришла супруга Тициана и родственница Нины Грибоедовой.

Красивый мужчина с необычайно большими голубыми глазами тотчас же встал и подошел к нам; он был изысканно вежлив и, как я потом узнала, его называли «советский Тургенев».

Вскоре после этого мы снова встретились с ним на вечере у Б. Пастернака, где были также Анна Ахматова и Кира Андроникова, сестра Наты Вачнадзе, жена Б. Пильняка. Хозяева необычайно радушно принимали гостей. Это был чудесный вечер: Анна Андреевна читала свои стихи, оживленно беседовали о кахетинских стихах Н. Тихонова. Провожая нас, Константин Александрович сказал, что скоро будет в Грузии.

Осенью того же года в Тбилиси, возвращаясь домой, я встретила с кем-то из знакомых. Мне сказали, что в вестибюле Союза писателей стоит и читает газету Константин Федин, что, видимо, он там никого не знает.

Я тотчас же пошла в Союз писателей. Константин Александрович очень обрадовался, увидев меня. Он оказался в Тбилиси проездом. На улице мы встретились с Паоло Яшвили и Еленой Михайловной Шенгелая. Экспромтом было принято решение — пойти всем в ресторан к Аветику и там пообедать. После обеда мы пошли к нам домой.

Тициан, который был болен и никуда не выходил, очень обрадовался встрече с Константином Фединым. Они стали вспоминать общих знакомых, Тициан интересовался литературными делами Москвы, Константин Александрович — Грузии.

Потом речь зашла о поэзии, об истории Грузии. Время за разговорами прошло очень быстро и К. Федину уже было пора ехать на вокзал...

В 1936 году, оставив Тициана в Москве, где его удерживали дела, я поехала на несколько дней в Ленинград. Там я зашла к Фединым. Константин Александрович и его супруга Дора Сергеевна оказались необычайно гостеприимными. Константин Александрович возил меня по Ленинграду, показывая город, знакомил с окрестностями: мы ездили в Детское, Павловское, Пушкино...»

С таких вот личных контактов часто возникал в ту пору интерес к миру инонациональной культуры, начиналось проникновение в ее сокровищницу, завязывалась большая, порой на всю жизнь, дружба. Такая дружба связала и К. Федина с Тицианом Табидзе.

Выступая на вечере Т. Табидзе в Ленинграде в марте 1937 года, К. Федин дал самую высокую оценку его творчеству. «...нам открыт среди других грузинских поэтов такой замечательный поэт, как Тициан Табидзе... У него совершенно изумительная лирическая сила, увлекающая, и при этом богатое разнообразие ритмов. Книга такая, которую читаешь с любовью и оставляешь с некоторой обидой за то, что она кончилась!»

С особенным проникновением говорил К. Федин о стихах Тициана Табидзе, посвященных Армении. К. Федина, поборника дружбы народов, восхищало, что в разгар армяно-грузинской войны, развязанной меньшевиками, Т. Табидзе в письме к О. Туманяну призывал поэтов выступить против войны в защиту единства кавказских народов.

Интересными были встречи К. Федина с Симоном Чиковани. Большое впечатление произвела на русского писателя поездка с Симоном Чиковани и Константином Паустовским в Пицунду. Вспоминая о ней, К. Паустовский рассказывал, как они осматривали древнейший собор четвертого века, поднимались по витой чугунной лестнице к фонарю маяка, любовались морем.

К. Паустовский пишет об удивительной тонкости восприятия окружающей природы К. Фединым: «Вопреки зиме, над морем простирался неправдоподобно яркий солнечный штиль. В свечении неба и воздуха был свойственный осени блеск паутины, летящей неизвестно зачем и куда.

Этот блеск, почти неприметный для трезвого взгляда, первым заметил Федин. Он сказал об этом...»

Безбрежное лазурное море вызывало в К. Федине ощущение радости, счастья, силы и красоты жизни. На маяке, когда Симон Чиковани и русские писатели вышли на балкончик с решетчатым полом и в глаза ударила «черноморская счастливая синева», К. Федин сказал: «Вот это и есть, должно быть, счастье... Но очень редкое».

В 1937 и в 1966 годах К. Федин принимал участие в руставелевских юбилеях.

Имя Шота Руставели стало для него высочайшим воплощением всего лучшего, что есть в Грузии, выражением национального мира грузинского народа: «Да, есть поэтические имена, будто равносильно звучащие с названиями народов, которым они принадлежат... В имени Шота Руставели гармонической отдачею слышится — Грузия. В частном — общее. И как нельзя, следуя от строфы к строфе поэмы о витязе, не почувствовать его страну, так нельзя, знакомясь с историей грузинского народа, не распознать в ней бьющих ключей поэмы: нет общего вне частного».

В бессмертной поэме «Витязь в тигровой шкуре» он нашел созвучие важнейшим идеям современности, основным мотивам своего творчества — интернациональной дружбе народов, гуманизму, патриотизму.

«Руставели, — писал К. Федин, — не только выразитель национального мира своего народа. Он — певец близкой нам идеи содружества наций. Герои его поэмы олицетворяют эту гуманистическую мысль. Он поэтизирует человека с его высшими:



качествами: любовь, великодушие, мужество — вот чем наде-  
лил он героев, будь они индийской, арабской, грузинской  
крови...»

Подчеркивая близость поэмы духовному миру советских  
людей, К. Федин замечал: «Мораль опирается на категории  
эстетические. Витязь любит, его оружие служит прекрасному  
и потому побеждает... Удивительно созвучие нашим дням поэ-  
мы, живущей века и века».

Поэма Шота Руставели была близка К. Федину и как про-  
изведение, сохранившее до наших дней историю Грузии эпохи  
царицы Тамар.

А историческая тема, как известно, всегда волновала К.  
Федина, ибо чувство гордости за героическое вчера сочеталось  
в ней с возможностью служить сегодняшнему и завтрашнему  
дню Родины. Эту мысль К. Федин высказал в декабре 1937  
года, приехав в связи с 750-летием поэмы Шота Руставели на  
юбилейный пленум в Тбилиси: «Чувство гордости переполняет  
писателя, когда он в семье своих друзей всех национальностей,  
изучая прошлое и отдавая ему долг преклонения, объединя-  
ется в чудесной присяге—служить социалистической совре-  
менности, народам великого Союза, их славе, их будущему».

Любовь и интерес к Шота Руставели широкой советской  
общественности вызвали огромный интерес и к поэме «По  
следам Руставели» Ираклия Абашидзе, побывавшего в Крест-  
ном монастыре в Иерусалиме, где, по преданию, умер Руста-  
вели.

Поэма в переводе А. Межирова нашла горячее признание  
у русского читателя, чьи мысли и чувства выразил поэт Н.  
Грибачев: «...ничего равного по уровню философского и поэти-  
ческого мышления, по тонкости душевного проникновения, по  
высокой и благородной простоте языка я за последние годы не  
читал».

В числе тех, кто восторженно отозвался о поэме и ее пере-  
воде, был и Константин Федин. В письме к Ираклию Абаши-  
дзе он писал: «Благодарю Вас от души за прекрасный дар —  
новую Вашу поэму!.. Было приятно увести с собою из Союза  
этот знак дружеской приязни Вашей и память о теплых встре-  
чах с Вами».

Уже по первым прочитанным строфам русский перевод соз-  
дает впечатление удачи, и мне кажется — имя Межирова и на  
этот раз оправдывает себя: он не даст упроститься в переложе-  
нии многообразию Вашего стиха...»

Постановкой и глубоким решением исторической темы на  
национальном материале привлекла К. Федина повесть Риммы  
Канделаки «Бродил художник по городу», посвященная Нико  
Пиросманашвили. Творчество этого гениального грузинского  
художника-самоучки восхищало К. Федина глубокой народ-  
ностью и гуманизмом.

Еще в 1932 году в беседе с Ромен Ролланом об искусстве,  
о влиянии Востока на живопись, К. Федин рассказал ему о  
полотнах Пиросманашвили, с которыми уже тогда был хорошо  
знаком. Слова Пиросманашвили: «Если мы не будем работать  
над низшим, то как сумеем мы сделать высшее!» К. Федин



считал «достойными мудреца». Художник и жил, как античный мудрец, впрочем, не обладая даже собственной бочкой Диогена».

О повести Р. Канделаки К. Федин писал, что она «конечно хороша. Хороша по всей лепке главного образа, по чувству образа, созданного картинами города, нравов, — всем воздухом времени, подробностями национальной жизни... В Вашего Пиросмани вполне веришь. Его глаза видят глубоко, и — конечно, только потому вырастает перед читателем наглядно красочный город, и народ живет вокруг Нико простой, невыдуманный, каким его знает сам художник».

Удачу находил К. Федин и в соответствии конфликта духу изображаемой эпохи: «Маленькая повесть о большом художнике делает понятной его трагедию. Народность его таланта не могла не принести ему славы, но оплачивать славу бродяги у богатых не было охоты, а у бедных — денег. Все в ключе времени».

Интерес К. Фебина к грузинскому искусству не ограничивался картинами Пиросманашвили. Он высоко ценил художников Ладю Гудиашвили, Елену Ахвледзиани и многих других. В их творчестве писателя больше всего привлекала национальная форма, поскольку именно она выражала самый дух народа в его историческом прогрессивном развитии.

Свой взгляд на значение национальной формы в литературе и искусстве высказал Константин Федин в письме к Римме Канделаки, указав, что удача образа Нико Пиросманашвили не только в том, что в нем отображены эпоха, время, в которое жил художник, но и подробности национальной жизни.

Еще определеннее выразил свою мысль К. Федин в «Слове к литовским прозаикам»: «К особенностям среды, которую отображает художник, относится более всего то, что мы называем национальным характером и что придает произведению национальную форму... Если плохой знаток Литвы возьмется с первого взгляда за описание литовской женщины, он, конечно, опишет ее костюм, прическу, сапожки, и т. д. Подробности могут увлечь такого писателя чисто этнографически; но едва ли одним этим путем возможно создание национального характера. Наоборот, знаток национальной жизни литовский писатель, отберет из аксессуаров только самые необходимые, чтобы немногими мазками выделить самобытность изображаемого типа литовской женщины, и подлинность национального характера от этих необходимых мазков лишь выиграет»<sup>1</sup>.

Именно в национальной форме, как справедливо считал Константин Федин, прежде всего отражаются традиции национальной культуры.

Высоко ценя преемственность этих традиций в художественном творчестве, К. Федин был убежден, что преемственность — это не повторение. Современность органически, естественно включает в жизнь человека прежний опыт народов. Однако подлинный художник не копирует, не повторяет, не подражает ученически, а, вникнув и поняв, обогатившись идет дальше, усершая все новые открытия. «Добавить к достиже-

<sup>1</sup> Разрядка моя. В. Б.



ниям прошлого свое наша обязанность. Мы вносим в литературу прежде всего нашу тему, стремясь показать во всем размахе новый мир, советского человека, как творца этого мира. Нам хотелось бы также добавить к существующим образцам искусства слова свое новое искусство письма, новые образцы мастерства, дабы не ограничивать себя и в этом плане авторитетами прежних времен...».

Именно в таком обогащении классических традиций видел Константин Федин истинный смысл связи прошлого с настоящим, сочетания традиций и новаторства. Именно за это он высоко ценил и современное грузинское искусство, органично впитавшее в себя многовековую культуру народа, именно поэтому с увлечением постигал культуру других братских народов Советского Союза.

Мысль о единстве социалистического содержания при многообразии национальных форм в искусстве и литературе, как об одном из важнейших завоеваний социалистической культуры, красной нитью проходила через многие выступления Константина Федина. Об этом рассказывает Григор Абашидзе, вспоминая первую встречу с К. Фединым в дни Великой Отечественной войны.

Писатели познакомились в Москве в мае 1944 года во время Декады грузинской литературы и искусства. Грузинских гостей встречали Николай Тихонов и Всеволод Вишневский, Илья Эренбург и Борис Пастернак, Павел Антокольский и Илья Сельвинский. В числе хозяев был и Константин Федин. Высокий и представительный, с орлиным профилем и необычайно добрыми глазами — таким запомнился он Григору Абашидзе.

Вечера грузинской литературы в Москве вылились в яркую демонстрацию братской дружбы народов, единства писателей Советского Союза, ставших в ряды борцов с фашистской Германией. Именно тогда в статье «Великое братство», опубликованной в «Правде» 14 мая 1944 года, Николай Тихонов писал: «Мы слушаем стихи, написанные не в Ленинграде, не в Москве, стихи, которые родились над быстрой Курой, над шумной Алазани, в жарком Тбилиси, в прохладе горных долин и быстрого Терека... В стихах грузинских поэтов есть пейзаж мира и пейзаж войны, потому что война подходила к пределам Грузии и была остановлена властной рукой Красной Армии. Грузинские стихи воспевают подвиг на фронте и подвиг в тылу. В стихах грузинских поэтов живет патриотизм, живет новое и благородное чувство советского гуманизма, который победоносно борется с черной человеконенавистнической идеологией фашизма».

В заключение декады состоялась прогулка ее участников на катере по Москве-реке. На импровизированной трибуне русские и грузинские поэты и писатели, сменяя друг друга, читали стихи, выступали с душевными речами.

«В моей памяти, — рассказывает Г. Абашидзе, — сохранились теплые, сердечные слова К. Федина, с которыми он обратился к грузинским писателям: «Наше богатство в том, что наша советская литература — многоязыковая. Такого единства в многообразии история литературы до наших дней еще не

знала. У вас, грузин, очень древняя литература, и не следует забывать, что чем древнее литература, тем труднее быть ее новатором и достойным представителем».

Запомнились Г. Абашидзе и сердечные слова К. Федина, благословившего его на руководство Союзом писателей Грузии.

Сблизившись с грузинской общественностью, К. Федин до конца своих дней оставался для нее добрым, мудрым и хорошим другом, сохранял к ней самые добрые чувства. Об этом свидетельствуют, в частности, его ежегодные поздравительные телеграммы. Вот одна из них, помещенная в газете «Заря Востока» 1 января 1961 года: «В новом году я от всего сердца желаю грузинскому народу, моим дорогим друзьям — грузинским писателям — творческих достижений, новых удач, новых дерзаний».

С новым годом, дорогие друзья, с новым счастьем!

Конст. Федин».

Будучи в курсе литературных дел и всячески поддерживая с грузинской общественностью творческие контакты, он писал в адрес «Декады русской поэзии в Грузии» в июне 1962 года: «Шлю свое душевное пожелание успеха творческой встрече поэтов Грузии и России... Искренне сожалею, что по нездоровью не могу приехать на наш праздник дружбы».

Для многих молодых грузинских литераторов, как и для начинающих писателей других республик, Константин Федин на протяжении многих лет оставался умным и добрым учителем, верным другом.

В своих выступлениях на Всесоюзных совещаниях молодых писателей, в статьях, личных встречах он неустанно учил их тому, к чему сам пришел за долгие годы литературной деятельности, что стало его собственным творческим кредо.

К. Федин звал литературную молодежь учиться у жизни, познавать действительность в ее динамике, основной правде, в ее острых коллизиях.

Неоднократно звучало в словах К. Федина, обращенных к молодым представителям советской многонациональной литературы, требование глубоко, всем существом осознать меру высокой ответственности писателя перед читателем, страной, временем. Вместе с тем, он настойчиво убеждал молодых писателей много и упорно трудиться, следуя примеру таких выдающихся деятелей литературы, как А. М. Горький, Л. Н. Толстой, О. Бальзак.

В творчестве молодых К. Федин хотел видеть глубину мысли и суждений, умение привлечь читателя к участию в решении вопросов и проблем, выдвигаемых жизнью. Без высоких мыслей, без философии — нет литературы, — убеждал сн.

Все, о чем постоянно напоминал молодым писателям К. Федин, откладывалось в их сознании, применялось на практике и способствовало их творческим достижениям. Вот почему Григорий Абашидзе в статье «Замечательный писатель и гражданин», опубликованной в газете «Литератури Сакартвелო», называл К. Федина учителем молодых литераторов всех народов Советского Союза.



Первым переводчиком произведений К. Федина на грузинский язык стал писатель-академик Демна Шенгелая. Стерством и вдохновением перевел он известный рассказ К. Федина «Рисунок с Ленина» («Мнатоби», 1955, № 4), в котором писателю удалось запечатлеть титаническую силу мысли, простоту, сердечное отношение к людям вождя революции Владимира Ильича Ленина.

На грузинский язык переведены и изданы романы К. Федина «Города и годы», «Братья», «Первые радости» и «Необыкновенное лето», рассказ для детей «Сазаны» и ряд публицистических статей и выступлений.

В газете «Литература да хеловнеба» была помещена большая, на подвал, статья Вл. Татишвили о романе «Необыкновенное лето», в которой подробно анализировалась диалогия К. Федина и давалась ей самая высокая оценка. Критик и литературовед Г. Маргвелашвили, в связи с выходом первой книги романа Константина Федина «Костер», посвятил ему обстоятельную рецензию. Ознакомившись с ней, К. Федин написал автору рецензии письмо. В нем говорилось: «Статью о «Костре» я прочитал с большим интересом. В ней многое «разгадано» из истории становления моей прозы. Внесенные «поправки» к некоторым домыслам прежних критических работ очень основательны и хорошо иллюстрируются примерами из моих текстов. При этом Вы не злоупотребляете цитатами, которые в таких работах часто наводят на мысль — что сказал бы критик, если бы ничего не сказал раньше его сам критикуемый? Мне показались убедительными те Ваши ассоциации, где сопоставлены ранние мои вещи с позднейшими... Здесь, в Москве, возникло намерение включить публикацию грузинского журнала в подготовленный к изданию сборник (изд-ва Академии наук СССР), который посвящается трудам о «Вашем почетном слуге»...

В дни юбилеев Константина Федина представители литературной общечеловечности Грузии присоединяли свой голос к приветствиям в его честь. В эти дни на страницах грузинской периодической печати публиковалось много статей и очерков, посвященных жизни и литературной деятельности выдающегося русского писателя К. Федина.

Знакомство с жизнью грузинского народа, его культурой, искусством, литературой несомненно обогащало художественное мироощущение Константина Федина. Писатель не всегда непосредственно отражал узнанное в своих произведениях, но особенности новой для него действительности, новой культуры так или иначе входили в его художественный мир.

В то же время творчество выдающегося художника, мастера слова Константина Федина многое давало грузинским литераторам, особенно молодым, подтверждая, углубляя и развивая собственное, расширяя художественные горизонты, способствуя эволюции творческого мироощущения, обогащая средствами художественной изобразительности.

# «...Я ОПТИМИСТ!»

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА  
к АЛЕКСАНДРУ СУМБАТАШВИЛИ-ЮЖИНУ

Публикуемые впервые письма Леонида Андреева к Александру Сумбаташвили-Южину открывают новую страницу многообразной и обширной литературы о творческих и личных связях большого русского писателя с представителями грузинской литературы и театрального искусства<sup>1</sup>.

Предлагаемые вниманию читателей письма охватывают период с октября 1908 по декабрь 1912 года, отмеченный в творческой биографии Леонида Андреева напряженными исканиями в области драматургии, стремлением «реформировать театр». Новый путь драматургии Андреев видел в замене «традиционного» театра поступков и движений интеллектуальным театром «представлений», где в намеренно условных и схематических формах, отвлеченных от вещественного и бытового начала находили бы воплощение философские и этические мысли писателя.

Ко времени написания первого письма (21 октября 1908 года), положившего начало переписке с Александром Южиным, Андреевым были уже созданы его нашумевшие философские драмы «Жизнь Человека» (1906) и «Царь—Голод» (1907), в которых «громко и плакатно», в гротескно-экспрессионистской манере писатель воспроизвел неизменную формулу жизни Человечества и Человека, его вечного противостояния предначертанному. Новизна и необычность пьес были очевидны, но отнеслись к ним по-разному, и этот разноречивый мнений имел реальное основание в двойственности идейных и художественных принципов писателя, проявившихся не только в причудливом сочетании реалистической и символистской трактовки отдельных тем и образов, но и в соотношении создаваемых им в эти годы драматургических произведений: одновременно с отвлеченно-философскими трагедиями Андреев, вопреки своим театральным декларациям, пишет традиционную, реалистическую драму «Дни нашей жизни» (1907), поднимающую нравственные вопросы семьи и воспитания.

Та же разножанровость и многообразие идейно-художественных решений прослеживаются в драматургии Андреева интересующего нас периода (1908 — 1912) от символично-аллегорических «Чер-



ных масок» (1908) и «Анатэмы» (1909), осмысляющих вселенские вопросы и «тайны», Андреев переключается на темы, рожденные обостренным восприятием общественных противоречий. Он создает серию бытовых пьес о моральном распаде семьи и разложении нравов в годы перед первой мировой войной и вновь надвигающейся революцией — «Анфиса» (1909), «Екатерина Ивановна» (1912), «Профессор Сторицын» (1912). К этому же времени относится пьеса из жизни и быта дореволюционного студенчества «Гаудеамус» (1909), а также ряд сатирико-драматических памфлетов, в том числе и часто упоминаемые в письмах одноактные пьесы «Любовь к ближнему» (1908) и «Прекрасные сабинянки» (1911), обличающие буржуазную «мораль» и лжецивилизацию.

С бытовыми драмами связан новый период в драматургических исканиях Андреева, претерпевающих в 10-е годы сложную эволюцию. Неудовлетворенный прежним условно-схематическим методом изображения, Андреев стремится приблизить к действительности отвлеченно-философские идеи и темы, облечь их в более реальные, жизненные формы. Не выходя, по существу, из круга фатально-метафизических представлений и идей, он пытается вопросы всемирного, общечеловеческого масштаба разрешить в плане сугубо личных, интимных отношений, объявив человеческую душу главным объектом искусства будущего. В многочисленных письмах к литературным и театральным деятелям, в частности, к В. Немировичу-Данченко, а также в «Письмах о театре» Андреевым сформулирована концепция театра изощренного психологизма, или так называемого «панпсихе», обращенного к проблемам глубоко внутренней, потайной жизни личности.

Надо сказать, что при всех ярко выраженных индивидуальных особенностях андреевских пьес, написанных в плане «панпсихе», они входили в широкий процесс исканий литературы «психологического реализма», получивших развитие в русской драматургии и прозе 10-х годов. Довольно ощутимы эти искания и в творчестве А. Южина, в пьесах которого в эти годы наблюдается заметный интерес к психологическому процессу.

Однако, попытка создать театр «чистого» психологизма, на котором мог, по мнению Андреева, вырасти высокий трагедийный театр современности, потерпела поражение. Углубленная бытовая изобразительность принимала в пьесах символизированное значение, проникнутое мыслью об обманчивости личности, ее подавленности вековыми неуправляемыми инстинктами, лишаящей героев действительности, способности к активному противостоянию неотвратимому и в конечном итоге той «романтической трагедийности», к которой стремился писатель. Постановки психологических драм, о чем свидетельствуют публикуемые письма, ни в столичных театрах, ни в провинции, за немногим исключением, не имели успеха.

Прокладывая в пестром потоке разнообразных течений свой собственный путь в искусстве театра, вполне самостоятельно разрабатывая новую драматургическую концепцию, Андреев испытывал мучительное чувство растерянности и сомнений. Его письма тех лет говорят о глубоких переживаниях, поисках поддержки и понимания в «новом деле», в котором, по собственному признанию, «он сам еще идет ощупью». В числе «сведущих», по словам Андреева, людей, чье мнение и отношение к его новаторским исканиям интересовало и волновало писателя, был и Александр Сумбатов-Южин.

Как известно, в 1909 году, будучи большим и признанным актером Малого театра, А. Южин становится его руководителем. Драматургическая деятельность А. Южина тех лет, задачи борьбы с театральной рутинной, чуткость к поиску и эксперименту, были близки новаторским принципам Андреева. В лице Южина он видел руководителя, способного дать театру новую жизнь. Одним из первых Андреев приветствовал Южина, ставшего во главе Малого театра, и в уже упомянутом нами письме от 21 октября 1908 года поспешив завязать с театром отношения творческого сотрудничества, предложил для постановки недавно законченную пьесу «Черные маски».

Как видно из последующих писем, предложение Андреева было принято Малым театром, переживавшим в те годы острый репертуарный кризис. Признаваясь А. Южину в «искренней готовности слушать ему в деле оживления и освежения репертуара», Андреев, вслед за «Черными масками», высылает ему и другие пьесы. Единственное пока еще известное нам ответное письмо А. Южина, датированное 14-м января 1909 года<sup>2</sup>, говорит о живом интересе, проявленном им к пьесам Андреева. Вот это письмо:

«Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Если Вам угодно будет прислать мне пьесу к началу будущего сезона, я немедленно, как и в нынешнем сезоне, отвечу Вам, могу ли я включить ее в репертуар с полной определенностью.

Примите уверения в совершенном почтении.

А. Южин кн. Сумбатов».

Речь идет о пьесе «Анфиса», которую с получением ответа от Южина, Андреев сразу же переслал ему для ознакомления. Пьеса, как видно, понравилась А. Южину и была включена в текущий репертуар. Однако постановка ее не была осуществлена. В юбилейном сборнике, посвященном столетию Малого театра<sup>3</sup>, в главе, освещающей страницы истории театра 1900 — 1917 годов, содержатся сведения о том, что пьеса «Анфиса», вполне подготовленная к представлению в сезон 1908—1909 гг., была снята по цензурным соображениям. В письме от 12 декабря 1909 года, глубоко сочувствуя А. Южину и артистам, работавшим в «Анфисе», Андреев сожалеет о том, что «столько трудов, столько волнений, трата лучших сил» пали жертвой цензурного гнета. В то время как, по глубокому убеждению Андреева, А. Южину, «быть может единственному, удалось бы раскрыть сущность «Анфисы»<sup>4</sup>.

Та же печальная участь постигла в Малом театре драму «Анатэма». В связи с этой пьесой небезынтересно вспомнить, что еще со времен богоборческой драмы «Савва» (1906), а вслед за ней «Жизни Человека» Андреев вступил в конфликт с официальной церковью, обвинившей автора в оскорблении религиозного чувства и требовавшей запрещения «богохульных» пьес. Яростную кампанию против представления пьес Андреева вела черносотенная пресса и местные отделения погромного «Союза русского народа», организовывающие открытые нападки на спектакли<sup>5</sup>. С постановкой в октябре 1909 года в МХТе философской трагедии «Анатэма», развенчивающей евангельскую легенду деятельного добра, обстановка полицейского и цензурного гонения, сложившаяся вокруг пьес Андреева, еще более накалилась. Прошедшая в Художественном театре с большим успехом — 38 раз, «Анатэма» была запрещена по требованию





придворных кругов и высших церковных властей, добивавшихся исключения пьесы Андреева из репертуара театров.

Александр Южину, осенью того же года приступившему со своей труппой к работе над «Анатэмой», по настоятельному требованию дирекции императорских театров, пришлось прекратить репетиции спектакля.

Однако, несмотря на несостоявшиеся постановки пьес Андреева в Малом театре, дружеские отношения и переписка с А. Южиным не прекращались. Вернувшись к драматургии после временного отхода от нее, в январе 1911 года Андреев посылает А. Южину одноактную пьесу «Честь», которая, по его мнению, «подготовила бы его возврат» в Малый театр. А через полтора года, осенью 1912 года А. Южин получил рукопись «Профессора Сторицына». Это единственная пьеса Андреева, постановку которой А. Южину удалось осуществить, хотя спектакль не имел успеха и продержался лишь один сезон 1912—1913 года<sup>6</sup>.

Андреев не мог не чувствовать бесперспективности опытов по созданию новой драматургии, понижения интереса литературной общественности к своим исканиям. Осознаваемый со все большей очевидностью драматизм творческой судьбы, обостривший обстановку травли и преследования, а также постоянные конфликты с театрами, не принимавшими авторской концепции идейного содержания пьес и вступавшими с ним в творческую борьбу, — подрывали физические и душевные силы писателя. Особенно остро переживал Андреев свой разрыв с литературой демократического лагеря, видевшего в творчестве писателя периода революционного спада отход от прогрессивных задач времени. В письмах к А. Южину 1911—1912 годов чувствуется усталость и душевный надлом. Все чаще жалуется писатель на нездоровье, признается в тяготении к уединению, к изолированности от людей. Поселившись с весны 1908 года в Финляндии, где Андреев построил себе дачу на Черной речке, он изредка, на короткий срок приезжает в Москву и Петербург для переговоров с дирекциями театров и режиссерами или на репетиции своих пьес.

Однако, даже в период, характерный нарастанием чувства болезненной тревоги и смятения, Андреева не покидала жажда жизни и творческой деятельности. Письмо от 31 ноября 1911 года, очень важное для понимания сложного духовного мира писателя, в котором постоянно противоборствовали полярные жизнеощущения и убеждения, наглядно свидетельствует о том, что в эти годы Андрееву по-прежнему близки и дороги интересы общественности; в письме отчетливо выражены искренняя озабоченность писателя судьбами искусства, его мечта о новом театре и новом зрителе.

Надо сказать, что Александр Сумбатов-Южин относился к числу тех немногих людей, в личной переписке с которыми Андреев раскрывался наиболее полно как человек и писатель. Поэтому письма, адресованные А. Южину, очень богаты по содержанию, они выходят далеко за пределы деловой переписки, принимая часто характер своеобразных дневниковых записей. В них сосредоточено все — и излюбленные писателем философские размышления о жизни и о людях, и история работы над пьесами. Очень часто Андреев обращается к Южину с различными просьбами, делится впечатлениями и планами на будущее, сообщает о семейных делах, о своем самочувствии и душевном состоянии.

Вместе с тем, публикуемые письма раскрывают перед нами целый ряд новых фактов и подробностей, освещающих писательскую биографию Андреева, в частности, историю создания и постановок его пьес 1908 — 1912 годов. Они помогают воссоздать достоверную картину драматической деятельности писателя этих лет, позволяют еще раз соприкоснуться с процессом его творчества.

Многие письма Андреева могут служить подробным комментарием к его драматическим произведениям. Они вносят поправку в ранее принятое датирование ряда пьес, помогая хронологически верно представить сложный путь новаторских исканий писателя, уяснить эволюцию его драматургических взглядов. Очень важны для понимания театрально-эстетических воззрений Андреева письма от 22 октября и 25 ноября 1912 года, в которых он, делясь своими соображениями, обсуждает с А. Южиным детали постановок пьес «Профессор Сторицын» и «Екатерина Ивановна».

Надо отметить, что публикуемые письма отражают наименее изученный период жизни Андреева, как в плане личном, так и общественном и творческом. Пролывая свет на малоизвестные факты биографии писателя, они существенно дополняют те немногие страницы в литературоведении об Андрееве, которые посвящены его жизни и творчеству 1808—1812 годов<sup>7</sup>.

Письма Андреева к А. Южину ценны еще и как человеческий документ, повествующий о замечательной дружбе, связующей двух людей в их высоком и прекрасном стремлении служить искусству. Каждая строчка писем Андреева согрета чувством искренней любви и благодарности к «дорогому и сердечно любимому» человеку, в общении и переписке с которым измученная метаниями душа писателя находила поддержку и утешение. Не могут оставить читателя равнодушными волнующие строки письма, посланного во второй половине сентября 1911 года, в котором Андреев просит А. Южина позволить посвятить ему рассказ «Ипатов», чтобы хоть «внешне выразить то, что давно уже живет внутри».

Андреев ценил и дорожил дружбой с Александром Южиным, который был для него не только «добрым другом», но и чутким критиком его произведений, всегда правдивым в суждениях, благожелательным и душевно отзывчивым. Вполне объяснимо поэтому кажущееся на первый взгляд чрезмерно растроганным чувство беспокойства и тревоги, выраженное в письме от 21 октября 1912 года, написанном после длительного перерыва в переписке: «...я боюсь долгого молчания, все кажется, что изменилось что-то и стало другим. Такой ли Вы, как были?..».

Со страниц писем Андреева встает по-человечески очень привлекательный образ Александра Южина — большого художника, щедро отдающего друзьям свои мысли и чувства, умеющего поддерживать и помочь им не только в творческой работе, но и в дни житейских невзгод. Публикуемые письма обогащают целым рядом новых черт и штрихов замечательный портрет Александра Южина, созданный его современниками, для которых он оставался, по словам А. Луначарского, «человеком большого такта, острого ума и широкой симпатии... с которым отменно приятно иметь и деловые, и культурные, и личные отношения»<sup>8</sup>.

Публикуемые письма Леонида Андреева к А. Южину хранятся в ЦГАЛИ СССР в фонде Сумбатова-Южина А. И. (фонд 878, оп. 1, д. 626). Всего писем 18. Они представляют авторизованную ма-



шинопись за исключением двух писем, написанных от руки. Заключительные строки корреспонденций и подписи всегда писались Андреевым также от руки. На многих письмах пометы рукой А. Южикова, а на двух — черновики его ответов.

Письма печатаются в порядке хронологической последовательности. Некоторые из них публикуются с небольшими сокращениями (№№ 7, 8, 11 и 12): места, касающиеся подробностей деловых переговоров, а также сугубо интимных сторон жизни писателя и не имеющих, на наш взгляд, литературного значения, — опущены. Незначительные сокращения в седьмом и восьмом письмах, написанных от руки, вызваны крайней неразборчивостью почерка писателя.

Ламара САРИБЕКОВА.

Многоуважаемый Александр Иванович! Я написал пьесу «Черные маски» и в силу ранее данного обещания предложил ее Художественному театру. По своим соображениям, о которых излишне распространяться, от постановки Х. Т. отказался, и я беру на себя смелость предложить «Черные маски» Вам.

Простите за некоторую откровенность, уважаемый Александр Иванович!

Многое, что делалось до сих пор в Малом театре, не внушало нам, авторам, особенного желания с ним сблизиться — любя артистов, мы не любили администрации и боялись ее крайнего и жестокого формализма. Да и опасная репутация наша, раздуваемая черносотенными газетами, закрывала нам доступ в казенный и притом строго казенный театр.

Теперь во главе дела, как сообщают, становитесь Вы, и только это дает мне возможность обратиться к Малому театру. С одной стороны. Вы, Александр Иванович, свой брат писатель, с к (ото) рым легко и приятно говорить, с другой, — Вы тот человек, к(ото)рый может дать новую жизнь М(ал)ому театру. Обидно подумать, что такой богатый, такой сильный и талантливый театр лежит прикованный к одру, как тяжело больной — нося в себе столько возможностей, столько неиспользованных сил. Самсон, к(оторый) вместо того, чтобы побивать филистимлян, вертит кофейную мельницу. И хочется верить, что Вам удастся разбудить дремлющую силу и вернуть руке потерянное оружие.

Что касается пьесы моей, то Вы сами увидите, какова она. Может быть, она действительно слишком трудна для постановки, не знаю. Значение же отказа со стороны Х(удожествен)ного театра хорошо может иллюстрироваться тем фактом, что от «Жизни человека» они отказались и только в последнюю минуту, когда запахло полным разрывом и цензура зарезала «Каина», решились ставить пьесу.

Крепко жму руку Вашу  
Уважающий Вас

Леонид Андреев.

21 окт. 1908

P. S. Рукопись посылаю одновременно с письмом.

Многоуважаемый Александр Иванович!

Только что послал я Вам «Черные маски» — начались у меня, через третьих лиц, переговоры с Александринским театром, Н. А. Котляревский<sup>9</sup> сообщил, что Теляковский<sup>10</sup> хотел бы иметь «Любовь студента»<sup>11</sup> для Александринского и Малого театров. Но в Петербурге я уже отдал (как раз накануне) пьесу Евтихию Карпову<sup>12</sup>, а из Москвы ожидал ответа от Немировича; а так как случая завязать отношение с Императорскими театрами мне упустить не хотелось, то я предложил одну актную пьесу «Любовь к ближнему», по свидетельству того же Котляревского, очень понравившуюся дирекции.

Теперь ответ от Немировича получен: от «Любви студента» они также отказываются и мотивы отказа до того удивительны, что я только развел руками. При свидании надеюсь подробнее поговорить об этом, дорогой Александр Иванович. А пока только результаты: от пьесы отказываются, но совсем выпустить ее из рук не хотят, так как очень нравится, и просят передать кружку молодых артистов. Причем из писем Лужского<sup>13</sup> и других явствует, что в постановке будут принимать участие все тот же Станиславский и Немирович. Удивительная чепуха!

Но положение в общем крайне неопределенное. Я попросил Немировича послать «Любовь студента» Вам — у меня, к сожалению, нет ни одного экземпляра — и теперь, значит, я буду ждать ответа от Вас. Жалко, что так бесплодно уходит время; в Петербурге пьеса идет 6-го ноября, очень скоро идет она в Харькове, Одессе и Киеве, а относительно Москвы — ничего неизвестно.

Гораздо сложнее, однако, вопрос о «Черных масках». У Комиссаржевской пьеса почти наверное провалится. В провинции — хотя Киев и берет ее на будущий сезон — ставить ее нельзя; и если откажется Малый театр, единственный, кроме Художественного, который может сладить с постановкою, то пьесу надо похоронить. Мое же отношение к ней таково, что настаивать на постановке я не могу и не хочу, и об этом мне особенно хочется поговорить с Вами при свидании.

Вообще я до чрезвычайности рад Вашему милому и дружескому письму. И если Вам тяжело взять на себя задачу обновления театра, то с другой стороны, было бы величайшим для него несчастьем, если бы Вы от назначения отказались. Судя по всему, нет более подходящего момента, чтобы перевести эту грузную махину на новый путь, и если этого не сделает Ваша рука, то не сделает и никакая другая.

Видеться же нам необходимо. 15, 16 и 17 ноября я буду в Петербурге, остальное же время у себя на даче; и буду очень счастлив, если Вы приедете ко мне. Воистину еще никогда не чесался так у меня язык!

Крепко жму Вашу руку. Передать не могу, до чего рад буду видеться с Вами.

Ехать ко мне нужно до ст(анции) Райвола, оттуда извозчиком на Черную речку. Дачу все знают.

Ваш Леонид Андреев.



Многоуважаемый и дорогой Александр Иванович — очень извиняюсь, что до сих пор не посылал ничего. Пьесу окончил, но все еще отделяю, меняю и буду заниматься этим делом. Колеблюсь и относительно названия, и относительно имен действующих лиц. Список их, количественно точный, посылаю<sup>14</sup>.

«Любовь к ближнему» я отобрал у Фальковского<sup>15</sup> и передаю Вам. Если пьеса пойдет только в будущем сезоне, то я еще немного переделаю ее, кое в чем дополню.

Очень устал, ничего сейчас не пишу и, вспомнив старое, увлекаюсь рисованием. Хожу по морю на коньках, к самому белому горизонту — и если бы не головные боли, было бы совсем хорошо.

Крепко жму руку. До сих пор радуюсь нашему свиданию и вспоминаю о нем.

Леонид Андреев.

Многоуважаемый и дорогой Александр Иванович.

Мои предположения о том, чтобы отдать Давида Лейзнера Императорским театрам, рухнули: я виделся с Немировичем-Данченко, и после продолжительных разговоров, рассеявших некоторые недоразумения, пришли к твердому решению жить дружно. И Лейзнер пойдет у них.

Конечно, это несколько не меняет моего теперешнего отношения к Малому театру, и мне жаль только, что совместную работу придется начать несколько позже. К осени будет готова новая пьеса, драма или комедия, совершенно цензурная (Лейзнер в этом отношении, в особенности в последней своей части, далеко не безупречен), которую я представляю на Ваше усмотрение.

Поверьте, дорогой Александр Иванович, что если с одной стороны меня радует возобновление отношений с Художественным театром, то с другой, — я искренне готов служить Вам в Вашем деле оживления и освежения репертуара. При том обстоятельстве, что я в зиму пишу не менее двух-трех пьес, я могу свободно обслуживать по этой части два театра — конечно, если позволит цензура.

Крепко жму руку Вашу

Уважающий Вас

Леонид Андреев.

2 января 1909

9 сентября 1909 года  
ВАММЕЛЬСУ

Дорогой Александр Иванович.

Нахожусь в крайне затруднительном положении и обращаюсь к Вам за дружеским содействием. Дело в следующем.

Я кончаю пьесу, которая по всем видимостям может пойти у Вас. Ни цензурных, ни «моральных» препятствий не пред-

видится. И мне бы очень хотелось отдать ее Вам, не только во искупление моей вины, но как знак самого дружеского отношения к Вам и Вашему театру... и вот тут-то загвоздка!

В сентябре мне нужно платить две тысячи по векселям — и единственный источник — это аванс под пьесу. Подо все остальное я уже набрал авансов, остается именно эта только пьеса (названия ее еще не знаю). И если Императорский театр тотчас по получении рукописи не даст мне денег, то я физически буду лишен возможности отдать пьесу Вам, и вынужден буду отдать ее Незлобину, который уже давно предлагает мне авансы.

Времени у меня очень мало, платеж по векселям на носу, и я заранее хочу узнать у Вас, возможен ли такой аванс и немедленное его получение, при том, конечно, условии, что пьеса Вам понравится. При утвердительном Вашем ответе я высылаю рукопись (пьеса будет готова дней через пять) и жду ответа по телеграфу.

Ужасно жаль, что я затрудняю Вас денежным вопросом. Но ничего поделать не могу, ибо сам нахожусь в крайности... В этом году погашаю последние долги за дачу и тогда кончатся, наконец, эти проклятые вопросы об авансах, а пока... волюю.

В конце сентября рассчитываю быть в Москве на репетициях «Анатэмы». Тогда увидимся и обо всех наших делах переговорим подробнее. Пока же дружески и крепко жму руку.

Ваш Леонид Андреев.

Многоуважаемый Александр Иванович!

Получили ли рукопись «Анфисы»? Денежные дела мои, к счастью, устроились немного, и я уже могу не хватать больше моих друзей за горло с требованием — кошелек или жизнь. И об авансе, ныне ставшем вещью второстепенной, поговорим при свидании.

Касательно того, приемлема ли драма к постановке, будьте добры, ответьте мне по телеграфу. Адрес для телеграммы: Териоки, Леониду Андрееву.

Жму Вашу руку

Леонид Андреев

23 сент. 1909

Дорогой Александр Иванович. Я и передать не могу с каким глубоким сочувствием отношусь я к Вам и артистам, работавшим в «Анфисе». Столько трудов, столько волнений, трата лучших сил — и все это падает жертвой полицейского (гнета)... Говорю не о деньгах, это в конце-концов пустяк. Говорю о том, что не увижу пьесу в Вашем исполнении, Вашей работы. Быть может, Вам единственному удалось бы раскрыть сущность «Анфисы»...



Крепко, дружески жму Вашу руку — еще крепче, чем всегда.

Ваш Леонид Андреев.

12 дек. 09



Дорогой Александр Иванович!  
Не сердитесь на меня, голубчик — не могу приехать в Москву. Это не каприз и прихоть, это печальная необходимость. Здоровье мое плохо; осматривали врачи и строжайше воспретили выезжать некоторое время из деревни и быть на людях. Город лишь нервирует, а теперь — Вы сами знаете — наипаче: после «Анатэмы» в Москве и «Анфисы» в Питере я приезжаю домой совсем разбитым и никуда не годным...

Крепко жму Вашу руку, дорогой Александр Иванович, и — поверьте — ужасно жалко, что в этот раз не судьба поработать вместе. Надеюсь на будущее.

Ваш Леонид Андреев.

Дорогой Александр Иванович! Написал я одноактную вещичку и по настоятельному совету жены послал ее Вам: посмотрите, может быть пригодится для Малого театра. На мой взгляд, это пустяки, но теперь, после неожиданного успеха «Сабинянок», я совсем перестал понимать, что для теперешнего театра хорошо, что плохо.

В одном отношении постановка вещички (заглавия настоящего еще нет) была бы хороша: для будущего сезона я хочу дать в Малый пьесу, и эта одноактная несколько подготовила бы мой возврат. Но во всякий раз целиком полагаюсь на Ваше суждение и ничего не буду иметь, если забракуют: буду только еще раз благодарен за Вашу прямоту и обычно хорошее отношение ко мне.

Тороплюсь кончить письмо, так как брат уезжает (который Вам передаст). Крепко жму руку и желаю счастья, удачи, хорошего настроения.

У меня вчера родился сын — уже четвертый по числу. Недурно.

Ваш Леонид Андреев.

1911

Дорогой Александр Иванович!  
Мне посчастливилось написать небольшой рассказ, в который попала и доля моей души — это не всегда случается даже с «большими» вещами. И поскольку в нем есть от моей души — очень захотелось посвятить рассказ Вам, дорогой и сердечно любимый Александр Иванович. Ведь можно? Только

я Вас знаю: вместо краткого разрешения Вы напишите о благодарности — не надо, не пишите об этом ни слова: это меня сконфузит и уменьшит радость. Мне так приятно хоть пустяком внешне выразить то, что давно уже живет внутри. В оправдание свое могу сказать еще то, что вот уже пять лет (после «Жизни человека») я никому не посвятил ни строки.

Рассказ называется «Ипатов» будет напечатан в «Русском слове». Пока посылаю ремингтонный оттиск.

С радостью встречаю в печати Ваше имя в связи с похвалами Вашей работе. И даже себя чувствую при этом как-то бодрее: словно переходит часть Вашей энергии и увлечения. Впрочем, я и так сейчас настроен хорошо, работается весело и крепко. На театр смотрю как бывший драматург: что-то было, что-то прошло. Повесть и роман — вот мой нынешний год, если буду здоров; и ни единой пьесы. И даже странно подуматься: неужели когда-нибудь снова буду писать драму? Подумаю, и станет грустно.

Крепко, дружески жму Вашу руку  
любящий Вас

Леонид Андреев.  
23 сентября 1911 г.

В конце-концов приятно подвергаться неприятностям — когда получаешь в награду такие письма, как Ваше. Ах, дорогой мой Александр Иванович, — даже боюсь писать слова, чтобы не показаться слишком сладким, но крепко, от всей души, как друга, которого я люблю и уважаю, целую Вас и жму руку.

Не знаю, что писали московские газеты, ни одной умышленно не читал, но кажется много ерунды и неправды. Рады скандалу и стараются, и это уже не трогает меня, как прежде: становлюсь философом. Факт же в том, что пьяный и злой Куприн обхватил меня за шею под видом шутки и нешуточно и грубо стал душить — нелепо, злобно, дико. От публичной оценки действий Куприна и от товарищеского над ним суда я отказался...

Правда, мне сейчас больно от этой истории, но боль в другом, не в самом Куприне: как-то особенно ясно в этот раз почувствовал я низменность нашей жизни, отсутствие в ней справедливости и добра. Среди тех, кто собирался судить Куприна и так судил его (без меня) были всего два-три достойных человека, а большинство и здесь стремилось только к своим маленьким и пустым целям — маленькие и ничтожные люди! И только немногие, я уверен, испытывали, судя, ту боль, что должно испытывать, судя человека. И вообще, мало радости выношу я от сношения с людьми: только вчера вернулся из Петербурга, все был на людях — и вот отдыхаю в одиночестве.

Но бог с ними: и это в конце-концов пустяки, и есть хорошие люди, и жить в общем пречудесно. Вас не удивляет это мое заявление?

Продолжаю письмо только через несколько дней. Глупейшим образом простудно захворал и кисну. И прежде всего про-



стите меня за машину: так привык писать на ней, что почерк мой стал окончательно неразборчив и труден. Вы знаете, я целый роман **на**катал на машине?

Очень хотелось мне написать Вам о моем оптимизме (это факт — я оптимист!), но тема столь обширна, что ни в какое письмо не уложишь; а так кроме того хочется мне поговорить с Вами о театре вообще, о Вашем театре, о литературе и многом, многом, то... придется мне приехать в Москву. Так и сделаю, и думаю, что очень скоро...

Ах, если бы иметь деньги, большие деньги!.. Когда стремишься к реформе сцены и драмы, нельзя ставить себя в зависимость от сборов, — т. е. от публики: ведь публику надо прежде всего перевоспитать, подчинить ее себе, а не идти к ней на службу. Больно смотреть, как под давлением толпы, берущей за деньги билеты и диктующей свои вкусы, вырождается театр, и драма жалко мечется в стремлении и капитале приобрести и невинность соблжности. Кому служить — богу или мамоне?...

Ах, если бы большие деньги!.. Дорогой Александр Иванович, удастся ли нам с Вами выскочить когда-нибудь на простор из всех этих застенков? Вот я: собираюсь писать драму, а сам и не знаю, стоит ли, да для кого и писать? А театра хочется, вот до чего хочется... Хорошо бы основать свой театр и назвать его: «Театр не для публики», хорошо бы представлять в пустом зале — пока не наполнился он новой публикой, завоеванной и покоренной, а не наглыми милостивцами, что приходят в середине акта и топчут ногами, как лошади.

Дружески крепко жму Вашу руку.

Так приятно чувствовать, что где-то далеко в Москве существуете Вы.

Ваш Леонид Андреев.

P. S. Вы знаете, что дела мои совсем хороши? Прекратились головные боли, два года не дававшие работать...

Дорогой Александр Иванович. Мне так неловко, последнее время я совсем запутался с делами, и в последнем письме своем не упомянул о некоем А. Я. Таирове, молодом и талантливом артисте, просившем у меня поддержки перед Вами. Не знаю, как поправить дело, если он уже был у Вас, и Вы ответили ему неведением; но если он еще не был и вообще еще не поздно, то будьте другом, обратите на него внимание. При его молодости у него есть уже опыт, а главное — самое горячее и искреннее желание работать серьезно и с проникновением. Как практика театра я знаю его мало, но как теоретик, он очень интересен, вдумчив и даже оригинален.

Простите, что отнимаю время своим ходатайством. Рассчитывал еще в январе побывать в Москве и дружески побесе-

довать, но кажется не придется. Все дети больны и болезнь затяжная... а вдобавок накопилось работ — беда.

Сердечно приветствую Вас и жму руку.

Ваш Леонид Андреев.

3 января 1912 г.

Дорогой Александр Иванович! Я немного напутал и спешу предупредить Вас.

Маленькую пьеску «Честь» я послал Вам безо всякого серьезного намерения: больше из желания знать Ваше мнение, чем для каких-либо практических целей. И вот на днях, не имея от Вас сведений, я разрешил эту пьеску прочесть актерам на студенческом вечере 27-го января: в этом нет никакой неловкости?

Как Вы живете? Я скоро снова принимаюсь за драматургию — тянет, проклятая! Может быть, скоро увидимся — думаю быть в Москве.

Крепко жму Вашу руку  
Леонид Андреев.

15 января 1912.

Дорогой Александр Иванович! Мы долго не виделись и не беседовали — а я боюсь долгого молчания, все кажется, что изменилось что-то и стало другим. Такой ли Вы, как были? Я — все такой же, и также неизменно дружески чувствую Вас. И это настоящее мое письмо я пишу Вам с радостью, давно думая о нем и только ждал минуты, чтобы написать.

Вам, вероятно, уже показал «Профессора Сторицына» Теляковский? Когда В(ладимир) А(ркадьевич) сказал, что едет в Москву, мне стало жаль, что он обгонит мое письмо, и не я первый скажу Вам о пьесе. Дело в том, что отдавая пьесу Теляковскому, я не об Александринке думал и вовсе не ее хотел — но к Вам стремился, в Малый театр, под Вашу руку. И, памятуя печальную историю с «Анфисой», я умышленно хотел прийти к Вам через Петербург, снять с Вас (в случае осложнений) хоть малейшую тень ответственности. Я повторяю, что и тогда, с «Анфисой» Вы были наравне со мною только пострадавшим лицом, но Вам, в силу чрезмерно доброго Вашего отношения ко мне, чудилось другое; и вот от всяких неприятностей я хотел Вас избавить. Я хотел сам пройти все мытарства, и когда все уже будет готово — послать Вам пьесу... ну, как привет!

Может быть, все это слишком смело, и пьеса не понравится Вам, как нравится мне (стыдно говорить, а правда!), но это в конце концов не так важно. Пусть не понравится написанное, но чувство мое Вы оцените верно, в этом я уверен — а это главное. А если окажется, что «Сторицын» Вам понравил-



ся — будет совсем хорошо, и на некоторое время я почувствую себя счастливым... надолго в этой жизни нельзя.

Только сегодня ночью я вернулся из СПб, усталый и не могу справиться с множеством дел и разговоров, и пишу это наскоро, и все огорчаюсь, что Т(еляковский) обогнал меня, и не дал возможности написать обстоятельно и толково. Но будущее за нами — и в надежде на него кончаю свою ночную путаницу, крепко жму руку и обнимаю Вас.

Сердечный привет  
Весь Ваш

Леонид Андреев.

21 окт. 1912.

Теперь о деле, дорогой Александр Иванович! Был у меня сегодня А. Н. Лаврентьев<sup>16</sup>, которому поручена постановка «Сторицына», и из слов его я понял, что В(ладимир) А(ркадьевич) рукописи пьесы в Москву не захватил, как намеревался. Поэтому одновременно с письмом шлю Вам экземпляр (нецензурованный) «Сторицына» и буду с нетерпением ждать Вашего отзыва и решения.

Сегодня же из газет узнал, к великому огорчению, что репертуар Малого театра составлен, и, не зная, насколько подлжет он переменам или неизменен, — я смущаюсь судьбою «Сторицына». Ввиду неожиданной задержки, которая постигла «Катерину Ивановну» в Художественном (пойдет между пятым и десятым декабря; при договоре, весной, я упустил из виду оговорить срок постановки), — я должен по своим делам, чтобы не лишиться сезона, ставить «Сторицына» в СПб и Москве также не позже конца ноября или начала декабря. С Теляковским в этом смысле достигнуто соглашение и все уравнивается перенесением одной из намеченных пьес на январь, но возможно ли это у Вас? А иначе мне никак не устроиться.

Помимо соображений о сезоне в Москве меня крайне интересует и представляется важной одновременность (но не однократность, конечно) постановки «Катерины Ивановны» и «Сторицына». Та и другая пьесы тесно связаны общностью поднимаемых вопросов, бьют в одну точку, и критически, со стороны их **внутреннего** смысла, должны будут и вместе обсуждаться. В то же время, по индивидуальным своим свойствам. «К(атерина) И(вановна)» — пьеса настроений, пауз и режиссера, «Сторицын» — действий, темперамента и актеров — должны каждая найти особенно яркое воплощение: одна в Художественном, другая в Малом. При удаче (тьфу, чтобы не сглазить!) может получиться великолепный и единственный в своем роде ансамбль двух театров, причем существо каждой пьесы только выигрывает от соседства. Какая из пьес лучше или хуже, решить не берусь; при первой возможности, как получу экземпляр, пришлю Вам «К(атерину) И(вановну)», чтобы Вы сами убедились в желательности одновременной постановки

и оценили каждую вещь по достоинству. Мне лично «Сторицын» ближе и всячески дороже, хотя с точки зрения объективного искусства «К. И.», быть может, стоит выше. Не знаю, впрочем.

Важно для меня конец ноября и потому, что это даст возможность напечатать обе вещи почти одновременно в разных сборниках и путем одновременного обсуждения сблизить и углубить их внутреннее содержание. Скажу более: хотя по действующим лицам и всей структуре пьесы совершенно различны и независимы, — только «Сторицын» вполне уяснит моральный смысл и значение «К. И.», и наоборот.

Будьте добрым другом, не задержите ответа о Вашем решении: времени ужасно мало и бежит оно отчаянно быстро. В Москву я не собирался, но если «Сторицын» пойдет у Вас, я с удовольствием приеду, конечно, будет в том встретится хоть какая-нибудь надобность. Здоровье мое мало-мало расшаталось, у меня был очень тяжелый прошлый год, и на ноябрь с декабрем я собирался за границу, но для такого интересного дела плюну на все и останусь.

Крепко жму руку Вашу

Леонид Андреев.

22 окт. 1912.

Сейчас просматриваю для Вас «Сторицына» и окончательно стал на его сторону.

Дорогой Александр Иванович! У меня все нездоров сынишка, и я сиднем сижу в деревне. Но дав обещание, держись — дня через два, в среду или четверг, выезжаю в Москву. Все разговоры о пьесе откладываю до личного свидания, а сейчас отвечу только на Ваш вопрос о конце третьего акта.

Еще раз внимательно прочел я этот конец, руководясь уже не одними чисто художественными соображениями, а и тем, насколько в настоящем своем виде эта оценка доходит и может дойти до среднего зрителя, насколько возможны недоразумения и кривотолки. И пришел к твердому выводу, что ничего добавлять не нужно, что при настоящем, не искажающем исполнении, средний зритель и почувствует, и поймет, и переживет, что надо, не впадая в кривотолки. И это мое «субъективное» суждение нашло себе полное и даже блестящее подтверждение в провинциальных постановках.

Не знаю, известно ли Вам, что «Сторицын» теперь идет по провинции с большим успехом, который можно сравнить разве только с успехом пресловутых «Дней нашей жизни»? Наряду с двумя-тремя маленькими провалами (напр., в Курске и Екатеринославе) газеты сообщают о десятке самых серьезных успехов, между прочим в Харькове и Саратове, где пьеса уже наименована «гвоздем сезона». Киевских несчастных рецензентов так-таки напрямки именуют «обидевшимися Саввичами», а мне поют такую хвалу, какой уже очень давно я не слыхал. Но дело не в этом, а в том, что везде, где дана была правильная



и умная постановка и где был успех — наибольший успех выпадает на долю конца третьего акта! Именно тот самый конец 3-го акта, в той самой редакции, в которой он ошеломил рецензентов и создал легенду о провале, который я сам ввиду его моральной необычайности считал наименее доступным публике, — как раз особенно доходит до зрителя, волнует, дает совершенно правильные переживания! Признаюсь, это меня даже тронуло: понять «Тьму», не возмущившись, принять к сердцу ее человечность — это значит и самому зрителю подняться на большую высоту, и автору дать неожиданный подарок.

Таким образом, наша с Вами боязнь, — ибо и я также ее чувствовал, — что зритель не поймет, оказалась, по счастью, неосновательной. К сожалению, сейчас у меня нет дома отзывов печати, которая еще определеннее и точнее характеризует значение и смысл важной для нас сцены — 3-го акта и устанавливает строгую зависимость впечатления от игры. Посылаю только один<sup>17</sup>, что получил сегодня одновременно с Вашим письмом.

Стало быть — до скорого свидания.

Крепко жму Вашу руку, и хоть и трудно мне подняться с места, — отяжелел я, — очень, однако, радуюсь, что скоро повидая Вас и милую Москву. Почти 3 года не был.

Ваш Леонид Андреев.

25 ноября 1912 г.

Многоуважаемый Александр Иванович!

Только что послал Вам письмо в Москву — и узнаю, что Вы здесь.

Вопросов множество, разговор необходим. Был бы счастлив, если бы Вы приехали сюда — здесь можно спокойно поговорить, а в Петербурге сразу наваливается столько хлопот и обязательной ерунды, что я мгновенно ошалеваю и перестаю соображать.

Дорога такая: до ст(анции) Райвола, оттуда извозчиком, 7 кил. до Ваммельсу, а дачу все знают. Дни и часы, когда Вам удобно, поездов много. Только в воскресенье не стоит: наезжает случайный народ.

Да — «Дни нашей жизни» Художественный также не взял... по мотивам необычайной странности, не имеющим ни малейшего отношения к искусству.

Крепко жму Вашу руку. Буду бесконечно рад повидаться.

Леонид Андреев.

Дорогой Александр Иванович!

Сегодня в «Русском слове» появилась резкая заметка о провале в Киеве «Профессора Сторицына». Отношение ко мне этой газеты, с которой у меня не кончился третейский суд, вполне определенное; своевременно они сообщали о провале в СПБ «Дней нашей жизни», потом о знаках протеста на «Гаудеамус» (чего не было), проваливали по телеграфу в разных городах «Анфису», совершенно умолчали о шумном успехе «Сабинянок» и т. д. Но очень возможно, что в этот раз они говорят правду, и «Сторицын» в Киеве провалился (а из Самары я получил сегодня телеграмму о «выдающемся успехе»). Одна ли здесь травля или есть и факты — во всяком случае это чрезвычайно обостряет мое положение и побуждает к некоторой печальной решительности.

И относительно Малого театра это лишает меня всякой возможности согласиться на постановку после Рождества. При благожелательном или хотя бы только справедливом отношении прессы я мог бы, пожалуй, ждать спокойно, а теперь всякое промедление будет истолковано — даже моими друзьями — как отрицательное отношение к пьесе. Я вполне понимаю всю затруднительность Вашего положения и во имя нашей дружбы прошу Вас, не сердитесь на меня: я не могу ждать! И если никак нельзя поставить «Сторицына» до 10—15 декабря, то сочтем этот вопрос конченным, а наше сотрудничество перенесенным в будущее, когда обстоятельства для обеих сторон будут более благоприятны.

Я не извещал Вас раньше о пьесе потому, что не знал, во-первых, какова она выйдет, а потом не мог предугадать, как сложатся отношения с петербургской дирекцией — до решения же В. А. Теляковского считал себя не вправе обременять Вас всякими щекотливыми вопросами.

Конечно, о двух неделях, половина которых уже и протекла, говорить нечего, тем более, что самая постановка не может взять много времени.

Кажется, характер мой испортился. Всегда так: характер портят враги, а расплачиваться за это приходится близким людям и друзьям. Так и чувствую, как бурлит во мне испортившийся характер! Впрочем сейчас я весь в беспокойстве за сына, который заболел.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Леонид Андреев.

Р. S. Для пьесы страшнее ее естественная смерть, а не убийство.





- 1 См. наши статьи: «Леонид Андреев и Котэ Марджанишвили», «Сабчота хеловнеба», Тбилиси, 1977, № 11; «Леонид Андреев и грузинская литературная общественность», сб. «Дружба», изд. «Мецниереба», Тбилиси, 1977.
- 2 Набросок второго ответа от 16 сентября 1909 года, сделанный на обороте пятого по счету письма, представляет короткую записку делового характера.
- 3 «Московский Малый театр. 1824», Москва, Гослитиздат.
- 4 В связи с этим признанием Андреева уместно вспомнить, что все предшествующие постановки андреевских пьес сопровождались острыми спорами с театрами, вызванными неудовлетворенностью режиссерской трактовки, которая всегда расходилась с авторским замыслом. Известны шумные истории, связанные с постановкой философской трагедии «Жизнь Человека» в МХТе. Недовольный постановкой В. Мейерхольда, который, акцентируя на фатально-пессимистической концепции жизни Человека, « всю пьесу пронизал мраком», в то время как, по замыслу автора, в ней должны быть «свет и тьма», Андреев не принимал и подчеркнуто социального, «реально-трагического» звучания спектакля в постановке Художественного театра, противоречащего «романтико-трагическому» настроению драмы. В Архиве Музея МХТ-а в фонде В. Немировича-Данченко содержатся любопытные сведения о страстных творческих спорах выдающегося режиссера с автором «Жизни Человека» (фонд № 313916). Андреев требовал, чтобы Человека играли «большим, могучим, не сдающимся перед роком»... а то все обо мне говорят: пессимист!» — вспоминает В. Вересаев о разговоре Андреева на Капри в 1907 году с провинциальным актером, исполнившим роль Человека (В. Вересаев, Воспоминания, с. 434). Примечательно, что единственным представлением «Жизни Человека», удовлетворившим Андреева, была постановка К. А. Марджанишвили, который толковал драму как богоборческий вызов.
5. Думаем, читателю небезынтересно будет узнать о том, что одна из очередных попыток черносотенцев сорвать представление пьес Андреева, в частности, спектакль-премьеру «Жизнь Человека» в постановке К. А. Марджанишвили в Одессе, в 1907 году, — была пресечена благодаря членам грузинского землячества, к которым, опасаясь провокации, Константин Александрович съездили накануне представления и раздал двести мест. («Константин Александрович Марджанишвили. Статьи, воспоминания и доклады». Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958).
6. См. историко-статистическую сводку репертуара и личного состава Малого театра, помещенную в юбилейном сборнике «Малый театр 1824 — 1924», а также статью В. А. Филиппова в том же сборнике — «Начало двадцатого столетия» (с. 466), в которой мы находим сведения о постановке пьесы «Профессор Сторицын» в Малом театре и причине ее недолгой сценической жизни.

7. Заметно обогащает наши представления о драматургии Андреева интересующего нас периода статья В. А. Келдыша «Реализм и модернизм» (в его кн.: «Русский реализм начала XX века», изд-во «Наука», Москва, 1975). Анализу идейно-художественных особенностей пьес Андреева 10-х годов посвящена статья ленинградского литературоведа Н. Гужиевой «Драматургия Леонида Андреева 1910-х годов» («Русская литература», 1965, № 4). Однако в этих работах мы не находим полных сведений об истории создания и театральных постановках пьес Андреева этих лет.
8. А. В. Луначарский. «О театре и драматургии», том I. изд-во «Искусство», Москва, 1958, с. 306.
9. Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — русский литературовед, критик и театральный деятель. С 1908 по 1917 год работал зав. репертуаром Александринского театра.
10. Теляковский Владимир Аркадьевич (1861 — 1924) — русский театральный деятель; с 1901 по 1917 гг. — директор Императорских театров
11. «Любовь студента» — первоначальное название широко известной пьесы Л. Андреева «Дни нашей жизни». Она прочно вошла в репертуар театров предреволюционных лет, неоднократно ставилась и на советской сцене. Известны постановки «Дней нашей жизни» и на грузинской сцене в 1909 — 1917 гг. Популярная в Грузии в те годы и дошедшая до наших дней песня «სწრაფია, ვითა ტალღები, ცხოვრება ჩვენი», по свидетельству Иосифа Гришашвили, является грузинским переводом звучащей в пьесе Андреева песни «Быстры, как волны, все дни нашей жизни».
12. Карпов Евтихий Павлович (1857 — 1926) — русский драматург, режиссер. В 1916—1921 — режиссер Александринского театра.
13. Лужский Василий Васильевич (1869 — 1931) — русский актер, режиссер и театральный педагог, один из основателей МХАТ-а; в 1909 году участвовал в массовых сценах в трагедии Андреева «Анатэма» в постановке Художественного театра.
14. Речь идет о философской трагедии «Анатэма» (первоначальное название «Давид Лейзнер»), которую к концу декабря 1908 года Андреев выслал А. Южину, согласно договоренности, достигнутой, по-видимому, при встрече с ним в Петербурге, предположительно 15—17 декабря. К рукописи пьесы приложен перечень действующих лиц, участвующих в представлении.
15. Фальковский Федор Николаевич — известный в свое время литератор, драматург и врач, друг Леонида Андреева, на даче у которого, в местечке Мустаямки в Финляндии, недалеко от Черной реки, 12 сентября 1919 года скончался писатель.
16. Лаврентьев Андрей Николаевич (1882 — 1935) — русский советский актер и режиссер. В 1910-18 годах — актер и режиссер Александринского театра.
17. Имеется в виду рецензия на пьесу «Профессор Сторицын», помещенная в газете «Кубанский край» от 18 ноября 1912 года, вырезку из которой вместе с письмом Андреев посылает А. Южину. Автор рецензии К. Народин.





# БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Сознание — это высшая форма отображения объективной реальности, и этим свойством обладает лишь человек. Но существует ли бессознательная, неосознаваемая психика? Какая роль отводится ей в формировании личности человека, в социальных взаимоотношениях и, как часто сейчас говорят, — в развитии психосоматической медицины?

За последние десятилетия интерес к этой проблеме в нашей стране значительно возрос. Идею бессознательного наши ученые изучают на основе диалектико-материалистического мировоззрения. Еще в 20—30-х годах теорию бессознательного психического настроения начал создавать известный грузинский психолог Димитрий Узнадзе. То, что он обосновал теоретически и экспериментально, а именно — бессознательные психические действия являются составным элементом любого акта поведения человека, — сегодня уже признано во всем мире. Это большое научное исследование сегодня успешно продолжают грузинские психологи. Научное изучение бессознательного у нас, можно сказать, начинается и ведется на такой реалистической основе, что привлекает внимание всего мира. «...Взоры ученых сейчас привлечены к Тбилиси, и они следят за тем, что делают психологи в этом расположенном среди гор городе», — это писал в журнале «Знание — сила» еще в декабре 1977 года доктор медицинских наук А. Добрович. Примечательно и название статьи — «Дорога начинается в Тбилиси».

Фундаментальные исследования представителей грузинской психологической школы и популярность большинства из них за рубежом и обусловили то, что в столице Грузии впервые в истории изучения проблемы был создан международный симпозиум, который рассмотрел проблему: «Бессознательное: его природа, функции и методы исследования». Симпозиум, который начал работу в Тбилиси в начале октября, был организован Академией наук Грузинской ССР и Тбилисским государственным университетом совместно с Парижским центром психологической медицины. В почти пятилетней подготовке этого большого форума приняли также участие Академия наук СССР, Академия медицинских наук и Академия психологических наук страны, Московский, Гарвардский, Парижский, Станфордский, Миланский, Варшавский, Лондонский университеты, Чикагский институт, Немецкая академия психоанализа и другие научные центры мира.

В симпозиуме приняли участие более 200 ученых психологов, философов, искусствоведов, лингвистов нашей страны и шестнадцати стран мира. Особое внимание было уделено сопоставлению существующих истолкований понятия неосознаваемой психической деятельности человека, были намечены практические мероприятия по дальнейшему углублению коллективного сотрудничества по разработке проблемы бессознательного.

Мы обратились к директору Института психологии им. Д. Узнадзе, вице-президенту Академии наук Грузинской ССР профессору А. С. Прангишвили и доктору философских наук профессору А. Е. Шерозия с просьбой поделиться своими соображениями относительно проблемы бессознательного, ее понимания советскими психологами, и о тбилисском международном симпозиуме.

— Вся история развития психологической науки — яркое свидетельство преимущества марксистской методологии в решении фундаментальных проблем современной психологии, — рассказывает нам А. С. Прангишвили. — Это преимущество ясно проявляется и в том случае, когда ставится вопрос о проблеме психологического понятия бессознательного.

На Западе изучение проблемы психологического понятия бессознательного происходило под влиянием психоаналитической теории З. Фрейда.

Как известно, Фрейд и его последователи теорию бессознательного вначале разрабатывали как узко клиническую концепцию, а затем эта концепция приобрела характер философской системы.

Самые различные социальные процессы стали рассматриваться сквозь призму «вечной борьбы» сознательного и бессознательного, причем последнему Фрейд отводит роль главной силы, определяющей судьбу как индивидов, так и коллективов, а на долю сознания отводилась лишь иллюзия управления поведением.

Вытекающая из такого понимания биологизация человека, истолкование сексуального влечения как важнейшего стимула поведения, неверие в социальный прогресс, оправдание как чего-то принципиально неустранимого из жизни людей проявлений агрессивности, а также пренебрежение общепринятыми в науке приемами доказательства и проверки выдвигаемых теоретических положений — вот основные тенденции, которые определили негативное отношение советской науки к учению Фрейда.

Отсюда, однако, отнюдь нельзя заключить, что советская психология отвергает саму идею бессознательного.

Напротив, у нас релевантная психологическому понятию бессознательного проблема скрытых от сознания связей между различного рода воспринимаемыми объективными воздействиями и последующим выражением эффектов этих воздействий в сознании и в поведении людей, глубоко разрабатывается на основе диалектико-материалистического миропонимания.

В советской литературе совершенно справедливо было отмечено (проф. Ф. В. Басин и др.), что в достижении система-



тической экспериментальной разработки сложных форм неосознаваемой психической деятельности, определяемых конкретным психологическим содержанием объективной ситуации и влияющих, в свою очередь, на объективное поведение первостепенное место занимают труды выдающегося советского психолога Д. Н. Узнадзе и его учеников.

Исследования Д. Н. Узнадзе и его учеников свидетельствуют о том, что, кроме обычных психических факторов, кроме отдельных сознательных переживаний, существует специфическая сфера, сфера установки субъекта деятельности — модуса, его целостного состояния, который не может быть отдельным актом сознания.

Д. Н. Узнадзе теоретически и экспериментально доказал, что установка как специфическая сфера психического является конституирующим фактором любой целенаправленной деятельности именно как неосознаваемое состояние, за которым остается функция регулирования, хотя этот фактор не принимает формы, характерной для содержания сознания.

Особенно велика роль установки в творческих процессах, проявляющихся в развитии науки, искусства, языка. Теория установки позволила, кроме того, глубже раскрыть причины ряда болезней.

Проблема бессознательного — один из важных разделов психологии.

Было бы трудно перечислить основные аспекты современной научной мысли, посвященной анализу проблемы бессознательного. Все это побудило нас проявить инициативу в организации международного симпозиума по проблеме бессознательного в Тбилиси. К симпозиуму вышла в свет трехтомная монография: «Бессознательное: его природа, функции и методы исследования».

Подробно рассказать о содержании монографии и о том как готовился симпозиум, мы попросили члена редакционной коллегии, профессора А. Е. Шерозия:

— «Бессознательное: природа, функции и методы исследования» — таково название коллективной монографии.

Настоящая монография отражает разработку проблемы бессознательного на основе международного сотрудничества ученых, сложившегося в последнее время в мировой науке. Она состоит из четырех томов, освещающих специальные аспекты этой проблемы: Том I. Развитие идеи; Том II. Сон. Клиника. Творчество; Том III. Познание. Общение. Личность.

В издании представлено обобщенное изложение материалов Тбилисского международного симпозиума по проблеме неосознаваемой психической деятельности. Так что участники симпозиума были заранее осведомлены о различных взглядах того или иного ученого, о направлениях, по которым разрабатывается проблема в той или иной стране.

Это способствовало тому, что на симпозиуме, не теряя время на обширные доклады, сразу же развернулась дискуссия.

В качестве эмблемы издания взята грузинская миниатюра XI века под названием «Стрелец».

В первом томе издания освещается развитие научной мысли, обосновывающее современное понимание бессознательного как одного из фундаментальных проявлений и форм существования психики. Прослеживается смена представлений о нейрофизиологических механизмах бессознательного и о закономерностях, лежащих в основе его активности. Особое внимание уделяется при этом эволюции, происходившей на протяжении последних десятилетий в системе психоанализа. Результаты исследований констатируют наличие бессознательного на всех уровнях организации психической деятельности.

Во втором томе обсуждается проблема специфических «языков» бессознательного в условиях измененных состояний сознания. Приводятся материалы, характеризующие отношение бессознательного к разным фазам сна, с учетом защитной функции сновидений, к психосоматическим эффектам, а также к особенностям правополушарной психики и неврозам. В связи с ролью бессознательного в искусстве, обосновывается представление о художественном образе, как об обобщенном неформализованном отражении действительности. Будучи особой формой постижения душевной жизни человека, само искусство рассматривается как специфический язык сознания и бессознательного психического.

В третьем томе производится анализ активности бессознательного в высших формах психической деятельности. Анализ затрагивает одновременно темы коммуникации, дискретности и континуальности в языке и мышлении, уточняя при этом возможности выявления динамики «чистых смыслов». Рассмотрению подвергается также проблема зависимости от активности бессознательного черт характера и способностей личности, как и проблема метода и общей методологии исследования самих неосознаваемых форм психической деятельности.

В заключение, в связи с остро развернувшейся в последнее время в психоаналитической литературе дискуссией о статусе научной теории бессознательного, формулируются положения, на основе которых редколлегия считает целесообразным дальнейшее обсуждение этой проблемы.

В связи с этим предполагается после симпозиума выпустить четвертый том монографии, в котором будут представлены результаты дискуссии, тем более, что международный симпозиум побудил всех участников обратиться к такому множеству проблем, поднял такие пласты знаний, приоткрыл завесу над столь многим, еще почти совсем не разведанным, что его подлинное значение мы сможем оценить лишь значительно позже.

И еще. Одним из неожиданных и приятных открытий нашего симпозиума было то, что, оказывается, существуют многие признаки определенности близости трактовок, разрабатываемых советскими и западными исследователями, близости, выявляемой вопреки тому, что эти ученые весьма мало, а подчас и вовсе творчески не контактируют друг с другом.

В подготовке симпозиума активное участие вместе с советскими учеными принимал директор Парижского психосоматического медицинского центра, известный психиатр и психотерапевт профессор Леон Шертюк.



Профессор Л. Шертон в ходе подготовки симпозиума уже побывал в Тбилиси. Он ознакомился с деятельностью научных сотрудников Института психологии имени Д. Узнадзе, с его трудами, осмотрел столицу республики и ее достопримечательности. Воспользовавшись его вторичным пребыванием в Тбилиси, наш корреспондент задал ему тоже целый ряд вопросов по интересовавшей нас проблеме.

— **Уважаемый профессор, какое значение отводите Вы Тбилисскому международному симпозиуму?**

— Можно сказать, что мой первый приезд в Тбилиси преследовал две цели. Прежде всего, мне очень интересно было увидеть самому Институт психологии имени Димитрия Узнадзе, лично познакомиться с грузинскими психологами, учеными, о которых я много слышал раньше, — ведь ваш институт широко известен во всем мире. Я хотел познакомиться с его директором, вице-президентом Академии наук Грузии профессором Александром Прангишвили — до того из грузинских ученых я знал только профессора Аполлона Шерозия. Здесь же, в Тбилиси, я познакомился со своим коллегой, профессором Авлипином Зурабашвили и со многими известными грузинскими учеными.

Вторая цель: вместе с советскими учеными — доктором психологических наук профессором Прангишвили, доктором медицинских наук профессором Басиным и доктором философских наук профессором Шерозия я непосредственно участвовал в подготовке международного симпозиума, который был создан в Тбилиси.

Какого я мнения о Тбилисском международном симпозиуме? Если не ошибаюсь, такой значительный форум по поводу проблем бессознательного психического еще не собирался, и могу сказать, что он стал историческим событием. Дело в том, что в Тбилиси впервые собрались ученые самых разнообразных областей, которых интересует эта фундаментальная проблема. Им представилась возможность обменяться своими взглядами и соображениями, а их очень много. Не думаю, чтобы по другим проблемам существовало такое различие мнений. И это неудивительно, поскольку связанная с психикой человека проблема бессознательного содержит множество тайн, и никто не может сказать, что знает о ней все. На рассматриваемую проблему у большинства ученых свой взгляд, и, насколько я знаю, в Советском Союзе не все думают об этом одинаково. Фактом является и то, что и на Западе по этому вопросу есть множество различных мнений.

Большая заслуга Академии наук Грузинской ССР, Тбилисского государственного университета и особенно Института психологии имени Димитрия Узнадзе состоит именно в том, что они проявили инициативу собрать вместе ученых всего мира. Добавлю — это потому примечательно, и я могу это смело сказать, что у тех ученых на Западе, которые изучают данную проблему (то есть ту, которая вызывает такой интерес и столько дебатов), до сих пор не было случая рассмотреть в таких широких масштабах свои столь различные взгляды и соображения.

Симпозиум примечателен и тем, что он носил явно выраженный комплексный характер. В нем приняли участие известные советские и иностранные исследователи — психологи, нейрофизиологи, неврологи, психотерапевты, психиатры, философы, социологи, искусствоведы, лингвисты.

— Вы сказали, что много слышали о грузинской психологической школе и что она признана во всем мире. Какого мнения лично Вы о том вкладе, который вносят грузинские ученые в дальнейшее развитие психологического мышления?

— С удовольствием отвечу на этот вопрос. Не говоря уже о многом другом, по моему мнению, достаточно привести хотя бы только конкретный факт изучения бессознательной психики. Грузинская психологическая школа, которую создал замечательный психолог Димитрий Узнадзе, разработала оригинальный, своеобразный подход к этой проблеме в виде концепции настроения. Что же это за подход? Он содержит многоэлементную модель исследования проблемы. Грузинские ученые подходят к исследованию вопроса системно, стремятся обобщать вопрос, и это весьма значительно, поскольку психика человека не подлежит «расчленению». Это единый динамический процесс. О многом говорит тот факт, что симпозиум был созван именно здесь, в Тбилиси, и ученые мира получили возможность ознакомиться с деятельностью вашего института с учетом данных, полученных почти всеми науками, связанными с проблемой. Уже сейчас многие заинтересовались трудами профессоров Прангишвили и Шерозия, а именно теми вопросами, которые касаются проявления бессознательного в психике человека.

— Уважаемый профессор, два года назад в «Литературной газете» была опубликована Ваша беседа с научным обозревателем газеты, писателем Михайловым о проблемах психосоматической медицины — «Психотерапия: искусство или наука?». Как было сказано в этой беседе, этот термин сейчас широко распространен во многих странах Запада, у нас же его знают сравнительно мало. Вдобавок, он пока еще повсеместно окружен тайнами. Эта проблема весьма интересует и грузинских читателей. Могли бы Вы поделиться с нашими читателями Вашими основными соображениями из той беседы и вместе с тем не могли бы Вы сказать, что происходит в этой области сейчас?

— С удовольствием. Прежде всего, о термине и сути психосоматической медицины. Что означает термин «психосоматической»? Это заболевание, причем, такое, которое характеризуется как соматическими (телесными), так и психическими (душевными) недугами. Что это за заболевания и есть ли вообще такие больные? По этому поводу сейчас идут горячие споры, и поэтому я опять-таки выскажу свое мнение.

Известно, например, что такие заболевания тела, какими являются язвы желудка и кишечника, ревматические артриты, колиты, тучность, дерматиты очень часто возникают в результате психических травм, эмоциональных переутомлений. То же самое можно сказать и о сердечно-сосудистых заболеваниях, а именно, о гипертонии и инфаркте миокарда. Это психосоматические болезни.



Врачи разных специальностей настойчиво ищут, например анатомические причины заболевания, проводят в этом направлении различные дорогостоящие исследования, осуществляют взаимно исключающие курсы лечения, даже хирургический. Приведу такой случай. Секретарь-машинистка Д. жаловалась на острые боли в полости живота. Врачи заподозрили перитонит. После третьей операции девушка, поверив в свою инвалидность, ушла с работы. Четвертая операция надолго приковала ее к постели, но все же не принесла облегчения.

За шесть лет она побывала у 23 врачей и у одного знахаря. И наконец попала к нам, в психосоматическую клинику. Мы всесторонне обследовали Д. и установили, что лечить ее надо от... истерии, что надо помочь больной выбраться из тяжелой жизненной ситуации, которая, по ее убеждению, была перегружена неразрешимыми конфликтами. После выписки из клиники она вновь начала работать, даже вышла замуж и более не считает себя больной. Но сколько же времени и средств было затрачено впустую!

Теперь о раке. Группа американских патологоанатомов, например, сделала значительное открытие. У людей, погибших в дорожных автомобильных катастрофах, были найдены «раковые» клетки. Поскольку большая часть погибших была практически здоровыми людьми, значение этого открытия можно объяснить тем, что каждый человек является носителем раковых «зачатков», но заболевание развивается только тогда, когда организм теряет защитные силы. А это больше всего происходит в результате именно эмоциональных стрессов. Поэтому психосоматическая медицина отличается именно тем, что мы стараемся сосредоточить внимание не только на болевых точках, ищем причины болей не в конкретном органе, а расширяем поле исследования на весь организм, ищем причину заболевания не только в физиологии, но и в существе жизни человека, в его психике.

Конечно, психосоматическая медицина не всегда может рационально объяснить свои практические достижения. Думаем, противодействие человеческого организма болезням связано как с его физическим, так и с его душевным состоянием. Иногда встречаются и совершенно необъяснимые, как говорится, абсолютно «бесмысленные» факты. Например, бородавки вирусного происхождения мы выводим простой психотерапией. Невероятно, но факт!

Меня, как психиатра и психотерапевта, бессознательное интересует прежде всего как средство, с помощью которого один человек может оказать другому человеку лечебную помощь внушением.

Повторяю, прежде всего психотерапевт должен правильно понять, что «болит» у человека, проникнуть в личность пациента. А это очень сложная проблема, она включает в себе многие элементы человеческой психики — некоторые врожденные, но в большинстве случаев — приобретенные в результате воспитания и воздействия окружающей обстановки. И здесь именно возникает проблема настроения, как именно переработает пациент внушение в своем сознании, готов он или нет воспринять помощь терапевта. Настроение больного помогает

врачу разобраться в его личности. Иными словами, для того чтобы у врача имелось средство эффективной работы и пациент должен довериться врачу.

В своей практике психотерапевт использует различные методики лечения больного, эффективные мероприятия. Под техникой, например, подразумевается способность внушения, посредством которого можно снять симптомы заболевания. Самая разработанная форма — непосредственная беседа, которой врач оказывает воздействие на личность пациента, старается его «обработать». Но его интеллектуальная «обработка» не даст никакого результата, если не будет непосредственности, если не будет настроения, аффекта.

Вызвать же аффект более всего можно средствами гипноза, поскольку он делает внушение более эффективным. Во время гипноза успешно осуществляются даже сложные хирургические операции.

Одним словом, основой нашей деятельности является «непосредственное вмешательство» в личность больного. К сожалению, развитие других областей медицины, как это ни должно показаться парадоксальным, в лечении... «уничтожило» человека, поскольку фактически здесь больше видна анатомическая структура его тела. И необходимость преодоления именно этого положения, необходимость для врача найти в больном цельного человека и породила направление, которое называется психосоматической медициной.

Это течение зародилось еще в 1935 году. Здание психосоматической теории с самого же начала опиралось, с одной стороны, на труды Павлова, Кэнона, а с другой — на труды Фрейда. Но, все-таки, мы и сегодня не имеем хорошей теоретической базы, которая дала бы ясное представление о происхождении заболеваний и их лечении, об основных механизмах взаимосвязи «телесного и душевного». Главная трудность состоит в том, что эти механизмы упрятаны в сферу бессознательного, которая и сейчас еще непонятна и полна тайн. Фрейдистские концепции бессознательного не могут нас удовлетворить. Материалистическая теория в этом отношении начинает формироваться только сейчас. Вот почему я вновь и вновь повторяю, что весьма ценным и полезным мероприятием считаю я созыв в Тбилиси международного симпозиума по проблемам бессознательных психических действий по инициативе советских ученых.

— И наконец, традиционный вопрос. Вы уже дважды побывали в Грузии. Каковы Ваши впечатления, что пожелали бы грузинскому народу, грузинским ученым?

— Я могу высказать только свой восторг и не смогу сказать ничего оригинального. Я чувствую себя так, будто я на своей родине, в южной Франции. Я покорен вашей непосредственностью. Желаю вашей республике дальнейшего процветания, счастья и мирного труда — вашему народу.

Беседу вел В. ЧАНИШВИЛИ.



Софья ГВЕЛЕСИАНИ

# КОГДА СЧАСТЛИВ УЧЕНЫЙ...

## НАЧАЛО

Еще сравнительно недавно руководитель грузинской школы сириологов Константин Григорьевич Церетели обитал в том счастливом, думаю, для любого порядочного человека состоянии, когда давно уже будучи главой научного направления, он вместе с тем имел возможность работать бок о бок с тем, кого по долгу младшего перед старшим, по душевной потребности мог называть, как называет и теперь, своим учителем. Не случайный этот штрих. Разве мало встречается нам «иванов, не помнящих родства»? Человеку иного, нежели Константин Григорьевич, склада, — с гипертрофированным самолюбием, самонадеянному, с корыстью властолюбия, наконец, ох как не по нутру бывает помнить учителей, хотя это их, учителей, пронизательный взгляд сумел в нем разглядеть росток одаренности, их, учителей, отеческая забота его растила и пестовала.

Благородный долг уважения к учителю, неотделимый от общего склада его личности, естественно, воздаст кесарю — кесарево. С уверенностью могу говорить об этом: убедилась, работая с Константином Григорьевичем, как редактором моей книги об академике Георгии Васильевиче Церетели, который был его главным учителем. Но в «святцы» Константина Григорьевича вписано не одно имя. Акакий Гаврилович Шанидзе, Арнольд Степанович Чикобава, эти, а потом и некоторые другие известные своими выдающимися трудами ученые называются им всякий раз, когда речь заходит об им, К. Г. Церетели, избранном пути.

А путь этот был обычен и необычен в одно и то же время. Родился К. Г. Церетели 4 февраля 1921 года в семье преподавателей математики Григория Константиновича Лордкипанидзе и Веры Иосифовны Церетели. И сыну передалась увлеченность математическими предметами, легкость в овладении ими... Будущее его не вызывало сомнений. Но... когда он учил-

ся в девятом классе тогда 14-й средней школы (ныне это 3-я экспериментальная), пришел новый преподаватель литературы Шалва Долакидзе и увлек своим предметом весь класс. Поощряемый преподавателем Котэ все более погружаясь в литературу, особенно в античную. Посещая лавки букинистов, в одной из них напал на книгу, в какой-то мере определившую его дальнейшую судьбу — «Мифы классической древности». К нему пришло упоение бессмертными сказаниями греков и римлян («нас формируют посулы воображения» и, еще, «прошлое и будущее для нас всегда — настоящее» верно, хотя и намного позже говорил устами своего героя Торнтон Уайлдер в «Теофиле Норте»). Процесс превращения математика в филолога завершился, когда в последние дни июня 1937 года шестнадцатилетний К. Г. Церетели подал на имя ректора Тбилисского университета заявление с просьбой принять его на грузинское отделение филологического факультета. По предложению А. С. Чикобава он, начиная со второго курса, переходит на отделение кавказских и восточных языков, где изучает арабский, турецкий, древнеперсидский, санскрит, древнеармянский, аварский, абхазский. В аспирантуре под руководством Г. В. Церетели он уже специализируется по еврейско-арамейской филологии.

В 1946 году, в 25 лет, Котэ Церетели защищает кандидатскую диссертацию «Гармония гласных в урмийском диалекте арамейского языка», в 1956 году докторскую — «Сравнительная фонетика современных арамейских диалектов». Это было логическим движением молодого ученого от простого к сложному...

## АСПИРАНТ НЕ ТОЛЬКО УЧИТСЯ... ОН ЕЩЕ ЧИСТИТ ШРИФТ

Свою первую лекцию студентам (кстати, первую в стенах ТГУ по современному ассирийскому языку) он прочитал, будучи аспирантом. Торжественность его приобщения к преподавательской деятельности была подчеркнута приходом на эту лекцию Г. В. Церетели и И. Н. Векуа (тогда проректора университета по учебной части, впоследствии второго президента Академии наук Грузии), как бы благословивших его путь исследователя. С этим языком, чаще называемом новосирийским (он распространен в Сирии, Ираке, Иране, Ливане, а у нас, в Советском Союзе, — в Закавказье и на Кавказе), связана интересная страничка из истории разноязыкового шрифтового хозяйства республики, да и биографии К. Г. Церетели. Впрочем, лучше по порядку.

Утвердившееся в Сирии (уже в начале нашей эры) христианство, разделилось в шестом веке на два русла, два направления, названные по именам своих патриархов-основателей Нестора и Якова несторианским (под эгидой Ирана) и яковитским (под эгидой Византии).

Где-то на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков, тифлисский типографский мастер Мадер принял от сирийцев-несториан, возможно из Ирана, заказ на отливку сирийского шрифта. Выполняя его, мастер то ли решил заодно отлить образцы шрифта и для себя, то ли с самого начала заказ предназначался



для одной из типографий Тифлиса, во всяком случае такой шрифт у нас есть. Последнее предположение не беспочвенно: в 1913-1914 гг. в городе выходил на современном ассирийском (т. е. сирийском) языке журнал «Мадынха» («Восток») за 1926 по 1938 г. включительно — газета «Кохва д-мадынха» («Звезда Востока»).

Ко времени, когда шрифт понадобился Тбилисскому университету, матрицы его, порядком уже запыленные, покоились в типографии газеты «Комунисти». Привести их в порядок поручили аспиранту Котэ Церетели. Переговариваясь иногда с мастером Васо Схиртладзе (которому поручили отлить шрифт), Котэ Церетели зубной щеткой старательно очищает каждую матрицу; отдельно заворачивает бережно в белую бумагу, надписывая на внешней стороне «мини-конверта» соответствующую грузинскую букву или слог наряду с сирийским знаком (буквой или слогом). Около двухсот знаков содержит сирийский шрифт. Буквенный и слоговой одновременно, он включает буквы и слоги, в которых каждая согласная буква выступает и как солист и в сопровождении всех имеющихся гласных по очереди, как равноправная участница алфавитного па-де-де. Этот четкий, красивый шрифт верно служит науке. Без него не могли бы выйти многие книги К. Г. Церетели и составленная им «Хрестоматия ассирийского языка со словарем» (ассирийско-русским и ассирийско-грузинским), используемая успешно в ряде зарубежных университетов — Берлинском, Мюнхенском, Неапольском, Миланском, Калифорнийском, его же «Очерк сравнительной фонетики современных ассирийских диалектов», «Грамматика современного ассирийского языка» и другие.

## КАК ИЗУЧАТЬ ЯЗЫК?

Всякая наука есть прикладная логика... Мысль эта справедлива и многозначна.

Георгий Васильевич Церетели рекомендовал аспиранту Котэ Церетели при изучении языков идти в историческую глубь от современности, в данном конкретном случае — от современных диалектов переходить на классический сирийский язык, а от него уже — к исторической жизни одного языка.

Современный язык (его еще называют новоарамейским), Котэ Церетели изучал у знающего и опытного преподавателя Эсфири Пираевны Абрамовой. Впоследствии, в поездках по тем уголкам Грузии, где живут ассирийцы, сохраняющие свой язык, изменяющийся, однако же, под влиянием соседей и обстоятельств, как любой живой организм (латынь, к примеру, не меняется), Котэ Церетели провел большую работу, записывая слова и предложения, фиксируя грамматические формы, определяя сложную структуру местных диалектов. Ассирийским (арамейским) диалектам в Грузии посвящена его первая научная работа. Забегая вперед, добавим, что им изучены представленные в Грузии арамейские диалекты (в том числе все пять основных), а обширный материал обработан полностью. В 1965 году вышел первый из пяти томов «Материалов по арамейской диалекто-

логии» (урмийские тексты с русским переводом). Подготовлены к печати второй и третий тома, посвященные саламасскому и ванскому диалектам.

Незадолго до выхода первого тома, 2 января 1964 года К. Г. Церетели прочитал на международном конгрессе востоковедов в Индии доклад (открывший ныне уже отменно длинный длинный список его зарубежных выступлений), за которым последовал цикл лекций и докладов по актуальным вопросам семитологии и арамеистики в Италии, Польше, Чехословакии, ГДР, ФРГ, Японии, Австралии и в особенно памятном ему Ираке. Непосредственной целью его поездки в Ирак было чтение лекций в университетах Багдада, Мосула, Басры о достижениях советского востоковедения и о грузино-арабских культурно-исторических отношениях. В газетных откликах, особенно в арабской печати, отмечалась неизменно дружественная политика Советского Союза по отношению к странам арабского Востока, и это глубоко радовало ученого и потому, что писалось об этом в связи с его лекциями, высокий уровень которых также подчеркивался.

Радовали встречи с людьми (особенно с ассирийцами, что объяснялось лингвистическими интересами ученого). Даже глубокое знание многих арамейских (ассирийских) диалектов не давало ему полного понимания диалектов иракских ассирийцев, на одном из которых говорил, например, весь персонал отеля, в котором остановился Церетели. Привлеченные занятиями ученого хозяин и прислуга отнеслись к нему особенно внимательно. Сначала, как это бывает, они говорили об этом между собой, а потом решились и ему сказать о том, что за сорок дней пребывания в Ираке он очень успел в их языке, от первоначальной затрудненности не осталось почти и следа. Так возник между ними шуточный диспут на тему: чтобы научиться говорить на каком-либо языке, на их родном наречии в данном случае, надо... говорить на нем.

Заметим здесь, кстати, что востоковеды Тбилисского университета выходят из его стен равноправными специалистами — ориенталистами и картвелологами — учителями родного грузинского языка, и что в большинстве своем они относятся к числу лучших его школьных преподавателей, подтверждая на практике известную мысль, согласно которой знающий один язык — не знает толком ни одного, а один язык может хорошо знать тот, кто знает по крайней мере два. Студенты-востоковеды, изучая несколько языков, тем самым получают возможность глубже, полнее, серьезнее понимать ценности родного языка.

Вернемся, однако, в Ирак — колыбель древней шумерской и ассиро-вавилонской цивилизации — многонациональный, разноязыкий и даже разнодиалектный — истинный рай для лингвиста, в особенности семитолога. Здесь живут арабы, евреи, ассирийцы арамейцы. Здесь предстает в своей живой плоти мандейский язык, на котором написана вся богословская литература когда-то многочисленной секты арамейцев-христиан, поклоняющихся Иоанну-Крестителю, язык священнослужителей (а отчасти и пастыи, лучше все же владеющей арабским), возглавлявшихся шейхом Абдуллой (отцом известного физика-ядерщика, работавшего в США).



Записывая тексты на арамейских диалектах Ирака, Котэ Церетели собрал богатейший материал, с анализом которого выступил на конгрессе востоковедов в Канберре.

В Ираке, присутствуя при раскопках, извлечении новых клинописных текстов на аккадском (ассиро-вавилонском) языке, он как бы собственноручно листал страницы летописей древнейших цивилизаций; в Ниневии, древней столице государства, он наблюдал, как археологи откапывали знаменитые ворота Солнца и надписи царя Синахериба, относящиеся к VIII-VII вв. до нашей эры; в городе Хатра — реставрационные работы в огромном храме Солнца, здесь же прочитывал он древнеарамейские надписи (читатель помнит, конечно, о совете Г. В. Церетели — от современного сирийского — к древнеарамейскому).

Нет, совсем не случайно связано с этой землей предание о Вавилонской башне. Впрочем, когда в беседе с архиепископом сирийским (сирийцы, в большинстве своем, христиане) ученый выразил свое восхищение языковым многообразием небольшой страны, его собеседник, усмехнувшись, ответил, что в современном более или менее развитом обществе Ирак в этом плане скорее правило, а не исключение.

## НА ЛЕКЦИИ ОБ УГАРИТСКОМ ЯЗЫКЕ

Константин Григорьевич Церетели читает в Тбилисском университете четыре курса: арамейского и еврейского языков, сравнительной грамматики и введение в изучение семитских языков. Получилось так, что, выразив желание послушать его лекцию (как же иначе писать очерк об ученом, человеке, который не только обучен сам, но и других учит) и получив приглашение, я вместе со студентами-первокурсниками, для которых читался предмет «Введение в изучение семитских языков» попала на лекцию об угаритском языке.

Парадокс: в праведном гневе своем на всех, кто ворошит землю, археологи позабыли, что строительный бум нашего времени открыл человечеству огромное число выдающихся памятников его древней культуры. Ныне они являются пытливым взору на лопате рабочего, из-под колес, гусениц, ковшей, хоботов лязгающих и грохочущих механизмов. И археолог, движимый чувством, сродни материнскому, идет в ожидании неведомого сокровища в одной цепи со строителями, дабы обезопасить то, что может явиться...

А говорил на своей лекции Константин Григорьевич вот о чем. 14 мая 1929 года на территории Сирии, недалеко от порта Латакия (построенного, кстати говоря, с помощью Советского Союза) археологи открыли древний город Угарит. Они нашли глиняные таблички с новой для ученых клинописью, на языке, названном угаритским.

Голос лектора звучал в тишине, прерывавшейся шелестом блокнотных страниц и лихо, с размаха проставляемой точкой. — Почему об Угарите никто ничего не знал ранее? — вопрошал лектор и отвечал: — Потому что город был захвачен и разрушен до основания завоевателями очень давно, за двенадцать веков до нашей эры...

...Над расшифровкой клинописных текстов трудились многие ученые. Вам надо особо запомнить два имени: француз Шарля Вирело и американца Сайруса Гордона, автора первой грамматики угаритского языка, выдержавшей уже три издания.

...Клинописи содержали богатейший материал для науки: там были частные письма и дипломатическая переписка, договоры и долговые обязательства и, наконец, литературные произведения, написанные в стихах и, меньше, в прозе.

Лектор возбудил любознательность слушателей сообщением об огромной разнице между языком написанных в одно и то же время прозаических текстов (с их подчас весьма выразительной разговорной речью) и текстов поэтических, более архаических по заключающемуся в них лингвистическому материалу. Объяснил это различие большей древностью поэтических текстов. Напомнил о библейских текстах, созданных задолго до нашей эры, а записанных в восьмом ее веке, о сванских и других народных преданиях, фиксируемых в наши дни, но рожденных народной фантазией многими веками раньше.

— Вы достаточно знаете о клинописи, — продолжал, обращаясь к аудитории, лектор, — чтобы оценить по достоинству такой факт: в отличие от всех других клинописей угаритское письмо не слоговое или иероглифическое, а алфавитное. — Это сообщение произвело требуемое впечатление и лектор подчеркнул: — Здесь каждый знак соответствует определенному звуку. Вместе с тем, это типично семитическая клинопись: подобно всем другим языкам группы, она учитывает только согласные. Отличие же состоит в том, что угаритцы писали не справа налево, не сверху вниз, а как мы с вами, слева направо.

Далее Церетели рассказал о том, как необыкновенно повезло ученым: в угаритских клинописных таблицах оказались и алфавит, и... словари, да, многоязычные словари, правда, тяжелые на вес. Предназначались, видимо, для толмачей и дипломатов: значение угаритского слова они передают на нескольких — хурритском, аккадском и урартском языках. Многоязычность указывает на международные связи угаритцев, охватывавшие весь тогдашний мир.

Затем Церетели перешел к детализированной лингвистической характеристике угаритского языка.

Да, университетские лекции по-разному могут вовлекать аудиторию в процесс постижения фактов и идей, именуемый учебным процессом. В данном случае, лектор был прост и как бы равноправен со слушателями.

## НЕ ОБУЗА, А ЖЕЛАННЫЙ НАСЛЕДНИК

Он многое делает первым. Ему принадлежит первая в советском и русском языковедении грамматика современного ассирийского языка и классического сирийского языка, первый грамматический очерк одного из распространенных среднеарамейских диалектов — мандейского языка. Именно его, профессора К. Г. Церетели радением, была создана группа сириологов. Защищены кандидатские диссертации: Нани Цакадзе — в области сирийско-грузинских литературных взаимоотношений;



Дареджан Свани — по сирийскому языку. Сирийско-грузинские литературные взаимоотношения — тема диссертаций, подготовленных Мананой Майсурадзе и Мариной Чачибая.

К. Г. Церетели вместе с научным сотрудником Института востоковедения Анной Габриеловой, ассирийкой по национальности, завершает работу над составлением ассирийско-грузинского и ассирийско-русского словарей, основу которых составляет уже упоминавшийся словарь — приложение к его хрестоматии. Под руководством К. Г. Церетели его ученики, научные сотрудники Тбилисского университета, Института востоковедения и Института рукописей имени К. С. Кекелидзе АН республики впервые в нашей стране готовят словари классического сирийского языка.

Многогранность интересов исследователя в пределах одной избранной им области — семитологии, прослеживается и в научных занятиях его учеников. Со дня основания Института востоковедения АН Грузинской ССР К. Г. Церетели заведует там отделом семитологии, с 1977 г. находящимся в прочном содружестве с родственными кафедрами Московского и Ленинградского университетов, руководит подготовкой аспирантов по западным семитским языкам. Круг его занятий с аспирантами свободно делится на сегменты, в которых соседствуют сириологи, гивраисты, арабисты; языковеды, филологи...

Для ясности обозначим упомянутые выше сегменты. С тем из них, который занимают сириологи (о них уже говорилось), соседствуют (настолько близко, что границы меж ними еле прослеживаются) другие специалисты по арамейским языкам, составляющим, как известно, большую группу живых и мертвых языков.

По эфиопскому языку (Эфиопия — древнейшая страна Африки с населением православного вероисповедания, куда христианство проникло в самом начале четвертого века) интересную работу завершает Натела Жвания.

В сегменте гивраистики Нисан Бабаликашвили пишет монографию о еврейских эпиграфических памятниках Кавказа и Крыма. Работают здесь и другие молодые научные сотрудники и аспиранты.

Крупнейший сегмент (стороны его образуют в центре круга прямой угол) — арабистики. Здесь составляют большой арабско-грузинский словарь, начатый еще по инициативе и под руководством Георгия Васильевича Церетели. Высказывается желание расширить с пользой для дела рамки труда, превратив его в арабско-грузинско-русский.

И следующие сегменты заняты арабистами: идет описание арабских рукописей, изучается история грамматического мышления у арабов, арабско-грузинские литературные взаимоотношения (датированное начало которых восходит к седьмому веку), арабская лексикология, арабская эпиграфика в Грузии, арабские языковые традиции на Кавказе и, наконец, арабская поэзия...

Итак, сегменты сошлись, круг замкнулся и геометрическая схема завершена.

Но геометрия (наподобие алгебры) не гармонией ли поверяется?... Что же называется гармонией в нашем случае?

Думается, атмосфера научной честности, доброжелательности, несуетной помощи молодым. Один штрих: в Институте востоковедения имеется картотека книг по специальности, находящихся во владении К. Г. Церетели. Среди них — редкие, труднодоступные издания, полученные им в дар от коллег — зарубежных исследователей, приобретенные в научных командировках (шутка книголюбов — чем шире международные связи ученого, тем интереснее его библиотека), Благодаря картотеке к этим нередко уникальным изданиям получили доступ молодые специалисты, которым уже не надо ломать голову над тем, можно ли, удобно ли просить книгу.

Существует преемственность в науке, длинная, тысячелетиями измеряемая эстафета, не в спешном беге, а в величавой поступи поколений передающая выстраданную ими мудрость: учитель, возлюби ученика.

— Что главное в вашей работе? — спросила я однажды Константина Григорьевича.

— Главное — это студенты и аспиранты.

Иной ожидался мной ответ, относящийся к собственным научным занятиям этого видного советского востоковеда, возглавляющего в нашей стране работы по изучению арамейского языка, члена-корреспондента АН Грузинской ССР, ученого, чьи труды изданы в США, Англии, Италии, ФРГ, ГДР, Японии, в чьей официальной характеристике говорится и о том, что «блестящие результаты, достигнутые исследователем, обусловлены его редким лингвистическим чутьем и трудолюбием» (Г. В. Церетели).

Поняв мое недоумение, он разъяснил:

— Один не может сделать того, для чего нужны многие. Проблемы, которые, как я считаю, надо решать, и которые не под силу одному, лягут на плечи молодых. Поэтому для каждого из нас так важна их подготовка. Надо дать хороших специалистов стране. А это зависит от каждого из нас. Это ответственная, чрезвычайно важная задача, — подчеркнул К. Церетели, — дать хороших специалистов стране.

Так была изложена им «формула кадровой политики в науке», политики, которую порядочный человек, призванный к руководству, проводит на своем — большом или малом — участке работы. Человеку творческому естественно желать продолжения дела своей жизни в «потомках» — таков закон эстафеты. Потому-то и Константину Григорьевичу не в тягость работа с молодежью, если даже для этого ей надо отдавать время, предназначенное для собственных научных занятий. Молодежь — не обуза ему, а желанный наследник. Так возвращает он свой долг учителям, учителю...

Не случайно именно ему поручено было возглавить при Министерстве просвещения республики научно-методический совет по преподаванию восточных языков в средней школе. Минувший учебный год показал: интерес к ним у нас велик. Поэтому теперь персидский, турецкий и арабский языки изучаются уже в шести тбилисских школах...



Оказывается, среди ученых есть и такое разделение — на романтиков и... суровых реалистов, находящихся, однако, не в конфронтации, а, напротив, в интеграции один к другому.

В характере исследователя, о котором я сейчас пишу, наблюдается их странный синтез.

Его понимание научной честности — скрупулезная верность фактам (что нашло отражение и в оценке его трудов, трижды — в 1951, 1958, 1969 гг. удостоенных первой премии Тбилисского университета). Самые заманчивые гипотезы, если даже они отвечают его, человека и ученого, сокровенным желанием, принимаются им только в том случае, если имеют под собой прочный фактографический фундамент.

Конечно, как человек и ученый, он готов восхититься яркой гипотезой, рождающейся всплеском вдохновения или великим даром интуиции. Но, отдавая дань романтическому вдохновению другого исследователя, в собственном научном творчестве предпочитает, так сказать, суровый реализм...

Высокий авторитет К. Г. Церетели среди специалистов, советских и зарубежных, обусловлен, надо думать, и этой чертой его характера. На нескольких международных конгрессах именно К. Г. Церетели представлял докладами советскую семитологию (которой посвящена его обобщающая статья «Семитология» в труде «50 лет советского востоковедения», изданном на английском языке).

Чем для него лично интересны международные встречи ученых? Прежде всего — общением специалистов одной области науки, возможностью обсудить совместно дискуссионные вопросы, наладить связи, обменяться работами (один из источников пополнения его библиотеки). Семитология, возможно, испытывает в наше время «взрыв», подобный более раннему по времени в физике. Резерфорд, Нильс Бор и другие ученые прилагали много усилий для организаций встреч специалистов, тогда немногочисленных. Теперь подобные собрания возведены в ранг государственных мероприятий. В той области, о которой мы говорим, «взрыв» или, что более точно, ренессанс — связан с возникновением новых семитологических центров на Ближнем Востоке (Багдад, Дамаск, Бейрут) и, конечно, с возрастающей активностью старых, всемирно известных, т. е. в Советском Союзе и некоторых других странах Европы. Один из старейших центров европейского востоковедения — Неапольский университет, выпускающий учебники, исследования, тексты, открыл серию учебников из этой области знания «Грамматикой современного ассирийского языка» К. Г. Церетели, изданной уже на пяти языках.

Ученый правил корректуру своей книги «Грамматика современного ассирийского языка» для ее лейпцигского издания, когда ему позвонили и попросили выехать в Москву на ежегодную конференцию общества Советско-Арабской дружбы. Тогда, в мае 1976 года, К. Г. Церетели был избран заместителем председателя Ассоциации дружбы Советского Союза с араб-

скими странами. Член двух международных обществ, почетный член Немецкого и Американского восточных обществ, он ведет деятельную работу и в качестве председателя Грузинского отделения Ассоциации дружбы Советского Союза с арабскими странами, заместителя председателя Республиканского комитета стран Азии и Африки. Так нашли признание хорошо известные специалистам заслуги К. Г. Церетели, ровесника Советской власти в Грузии, в области языковых и культурно-исторических взаимоотношений грузинского и ближне-восточных народов, укрепления дружественных связей советских и зарубежных ученых.

Вот один из примеров, иллюстрирующих политический резонанс его работ (ограниченность места не позволяет рассказать о широком применении в специальной литературе результатов его научно-исследовательской работы, о чем особенно сожалеешь в свете дискуссионного, конечно, но заслуживающего внимания предложения профессора А. Китайгородского оценивать эффективность работы ученого по числу ссылок на его труды в специальной литературе). Группа сирийцев, ознакомившись с одной из статей К. Г. Церетели, опубликованной на арабском языке в Сирии, прислала в Москву пространное письмо, в котором сообщала: они поражены огромным вниманием Советского государства к изучению родного им арамейского языка в Тбилисском университете.

Здесь надо оговориться: сам К. Г. Церетели в своей личной научной работе считает наиболее значительным труд, над которым он сейчас работает, — «Основы фонологии современных семитских языков». Фонология — наука о значимости звуков и о звуковых процессах. Язык — это ведь не «сборище звуков», а довольно четкая их система. Для каждого языка — своя. Это и дает ключ к его характеристике, открывая пути изучения, овладения им. Не случайно член-корреспондент Академии Наук СССР, декан восточного факультета Ленинградского университета М. Н. Боголюбов писал: «К. Г. Церетели, видный представитель советского востоковедения, крупнейший специалист по семитским языкам, в настоящее время стоит во главе семитологов, изучающих живые арамейские диалекты в СССР и в странах Востока. Автор таких трудов, как «Современный ассирийский язык», «Грамматика современного ассирийского языка», «Материалы по арамейской диалектологии», К. Г. Церетели работает в области сравнительно-исторического изучения восточно-арамейских диалектов. Его исследования связаны с самыми интересными проблемами общесемитского языкозна-



135940  
301201033

ния... Его работа «Очерки сравнительной фонетики современных  
ассирийских диалектов», переведенная также на немецкий  
язык, признана фундаментальным изданием. Изданная К. Г.  
Церетели «Хрестоматия современного ассирийского языка со  
словарем» принята как учебник в ряде университетов Европы».

Ближайшая цель К. Г. Церетели — создать на основе находящегося в печати труда «Арамейский язык» монографию «История арамейского языка», дать в ней в сравнительно историческом аспекте, лингвистический анализ арамейского языка, имеющего трехтысячелетнюю фиксированную историю. Он также приступил к изучению арамейских диалектов, бытующих на территории Армянской ССР.

В отличие от других архитекторов, — писал Маркс, — наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент.

Счастлив ученый, вложивший, по завету учителя, свой кирпичик в жилые этажи науки.

Ладо ГУДИАШВИЛИ

## КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

В тот период в Париже была узаконена и очень распространена система договорной работы для торговцев картинами, к которым чаще всего обращались приезжие художники. Ведь иностранцу необходимо было как можно быстрее сделать себе имя. И вот он заключал договор с торговцем картинами. Согласно договору художник обязан был доставлять ежемесячно одну или две картины, за которые торговец заранее платил оговоренную сумму. Эта система пользовалась такой популярностью, что к ней обращались даже такие известные художники, как Пикассо, Дерен, Матисс, Фужита... В определенный период эта форма выгодна для художника и, конечно же, еще более для торговца картинами... Поначалу художник в проигрыше, он вынужден отдавать торговцу несколько картин в месяц за в общем-то ничтожную плату. Торговец продает картину втридорога, но это художника уже не касается. Зато, с другой стороны, художник быстрее приобретает известность. Наконец, художник расторгает контракт, обретает свободу, ибо уже сумел завоевать себе имя и независим материально.

Именно таким путем достиг известности японский художник Фужита. Как мне помнится, он приехал в Париж в 1922 г. и быстро завоевал широкую известность. Фужита очень скоро расторг договор с торговцем картинами. Это был очень интересный художник, самобытный, не подавшийся никакому влиянию. И вскоре появились поклонники его таланта.

Как и все известные художники, Фужита тоже был частым гостем «Ротонды». Он женился на очень красивой женщине-художнице. Вскоре из Токио приехал двоюродный брат Фужиты, тоже художник, Сесиу Коинаки... У него было удивительно интересное лицо... Я сделал с него несколько зарисовок. Он решил пойти по пути Фужиты и довольно скоро завоевал популярность. Однако, поджав под влияние французской школы, он как-то стал менее интересен...

Литературная запись Тинатин Кобаладзе  
Окончание. Начало в № 9.



Фужита был в числе моих парижских друзей. Он любил рисовать детей и зверей... Да и сердце у него самого было по-детски чистое.

Мне часто приходилось также бывать в обществе молодых писателей. Это были Андре Бретон, Филипп Суло, Луи Арагон. Вместе с ними бывал и критик Сергей Ромм. Их очень интересовала Грузия, грузинское искусство и литература... Эти писатели бывали почти на всех встречах художников, и не помню случая, чтобы во время диспута они не упомянули имена грузинских художников. Нас, естественно, тоже интересовало их творчество. И, конечно, было радостно видеть их глубокий интерес к Грузии. Они расспрашивали нас о нашей стране. Я рассказывал им о прошлом Грузии, о наших традициях, об архитектуре, литературе, о новых направлениях в искусстве того периода... Рассказывал о кафе «Химериони», о светотенях тбилисских улиц, о тбилисцах, которых я так много рисовал в тот период. У многих пробудилось тогда жела-

Три брата.  
1920 год.

Холст, масло.



ние побывать в Грузии. Только много позднее кое-кому из них удалось осуществить это желание...

Помню, однажды, когда речь зашла о моих работах, Андре Бретон отметил: этот художник из страны с великим прошлым, где сохранилось много шедевров архитектуры. Сам он срисовывал фрески с росписей древних храмов и занимался реставрацией этих фресок.

Сейчас мне трудно подробно восстановить встречи и беседы с этими на редкость интересными людьми. В памяти ос-

тались отдельные эпизоды, а в сердце — чувство благодарности к ним...

Каким бы талантом ни обладал художник, он не мог прожить в Париже без поддержки. Зачастую в этом водовороте погибали и очень одаренные люди... Поэтому каждый искал свои способы самоутверждения, из коих, как я уже говорил, самым действенным на начальном этапе был контакт с торговцами картинами. Помню одного из них по фамилии Збаровский, он был поклонником таланта Модильяни... Без конца покупал его картины, естественно, за бесценок. А потом продавал втридорога.



Веселая  
прогулка.  
1921 год.

Вспоминается и такой случай: один начинающий художник написал портрет известной актрисы Сесиль Сорель и на выставке изрезал ее ножом. Посетители возмущались тем, что кто-то изуродовал портрет любимой актрисы... В этом шуме, естественно, часто повторялось имя художника, и, как это ни курьезно, с этого самого дня стали интересоваться его картинами. И молодой художник быстро завоевал популярность. Париж капризен, это город странных парадоксов... Мы обрели



друзей в беседах, в диспутах в кафе и на выставках, да и то в том случае, если они сами находили час, интересовались нашими работами. Потом уже обнаруживалась общность вкусов творческих интересов... Они приходили к нам в мастерские и в свою очередь, приглашали нас к себе...

Однажды в «Ротонде» появился Чарли Чаплин. Он молча сидел за столиком и внимательно изучал посетителей. Как выяснилось, он собирался ставить тогда фильм о жизни художников. Его узнали, он стал объектом всеобщего внимания. Рассмеявшись, Чаплин удалился.

Как-то я сидел за шахматной доской на втором этаже «Ротонды». Ко мне подсел какой-то незнакомец и начал тихонько подсказывать ходы. Потом он сам сел играть и выиграл все партии. Это был Алехин.

В Париже было много самых различных выставочных залов, куда художники отваживались приносить свои спорные, экспериментальные работы, но к выставке в «Ротонде» все готовилось вдумчиво, серьезно, по вечерам, собираясь в кафе, делились мыслями и идеями, знакомились, сближались друг с другом.

В окружении гостеприимных французов все чувствовали себя в Париже как дома. Успехи гостей никогда не вызывали здесь чувства зависти и соперничества. Наоборот, им оказывали всяческую помощь и поддержку. Нам была предоставлена возможность выставляться на любой выставке. А выставки порой устраивались в самом Лувре и Люксембургском музее..

После  
кутежа.  
1921 год.



Бесспорно, французская культура и искусство сыграли огромную роль в развитии мирового художественного мышления. И хотя войны и революции многое изменили в Париже, он сохранил свою неповторимость... Если человеку доведется однажды побывать во Франции, он на всю жизнь поймет и ощутит грандиозность творческой мысли этой страны. Вот почему люди всего мира мечтают увидеть Париж. И особенно интересен он своим искусством, живописью.

Но Париж далеко не всему дает визу на существование. Вспоминается один эпизод: сюда приехала на гастроли итальянская джазовая группа. На сцене промоздился огромный ящик, наполненный осколками стекла... Актеры били палками об эти стеклышки, совершая при этом какие-то фантастические телодвижения. В зале собралась самая разношерстная публика, но зрелище вызвало такое всеобщее недовольство, что концерт пришлось прекратить... Париж не принял надуманного новаторства группы... Это означало, что ее не примет ни одна другая страна. Париж — строгий и справедливый судья.



Женщины  
с ланью.  
1923 год.

Хочу рассказать и об одном курьезном событии, происшедшем со мной. Было 14 июля — национальный праздник во Франции (об этом я уже писал). Стояла необычная жара, я решил обрить голову наголо и отправился в парикмахерскую. Тогда у меня была довольно приличная шевелюра, и парикмахеру было, видимо, жаль ее — не стоит, отсоветовал он, вы себя изуродуете. Но я настоял на своем. И в результате из



зеркала глянуло на меня обезображенное до неузнаваемости лицо. Делать было нечего. Дома у меня был привезенный из Тбилиси красный шарф. Я намотал его на голову и надел сверху широкополую шляпу. Ни дать ни взять — истинный ковбой. Я остался чрезвычайно доволен собой и направился в кафе. Там уже ждали меня друзья — Пьер Вормс и литератор Шарель (кстати, недавно получил от него письмо. Страшно обрадовался, узнав, что он жив, помнит меня и сумел разыскать). Стоим, беседуем. Вдруг кто-то, подкравшись сзади, схватил меня сначала за одну руку, потом за другую... Оглянувшись, я увидел какого-то высоченного хмурого мужчину, он уже зацелкивал на мне наручники... Мы все онемели от удивления. Пьер Вормс заговорил с незнакомцем на английском языке, так как тот не владел французским. «Кто вы, — спросил Вормс, — и что вам нужно от этого человека?»

— Американская полиция, — ответил незнакомец. — Я давно охочусь за этим бандитом, теперь же мне повезло и я разбогатею. — Достав из кармана фото преступника, он показал нам... Правда, сходство было необычайное. Пьер Вормс тщетно пытался доказать полицейскому, что я вовсе не американский бандит, а грузинский художник. «Вы, может быть, слышали о Джорджии?» — спрашивал он рьяного служителя закона.

— Да, да, — подтвердил тот. — Вот именно, он из штата Джорджия...

Это уже было такое роковое совпадение, что мы все перепугались не на шутку. У дверей кафе стоял черный лимузин. Меня вывели... Поднялся переполох. К счастью, в кафе оказались мои знакомые американские художники. Они тоже стали заступаться за меня, прося полицию оставить в покое ни в чем не повинного человека. С большим трудом удалось, наконец, освободить меня. А во всем была виновата моя пресловутая широкополая шляпа. Мы вернулись в кафе и отметили мое спасение... И такие эпизоды можно было часто наблюдать в Париже... Странные, смешные, а порой, увы, драматические.

Вспоминаю еще об одном случае.

В парижском кафе «Данцинг» был опромный танцевальный зал. Однажды здесь устроили карнавал. Каждый художник, пожелавший принять участие в этом карнавале, должен был явиться в каком-нибудь своеобразном новом одеянии. Меня всегда занимали подобные зрелища и празднества. Очень хотелось пойти на карнавал, но я не знал, во что нарядиться. И вспомнил, что у одного из моих тбилисских друзей прихвачена с собой чоха с выжжалом и прочими атрибутами. На карнавале каждый развлекался как мог — кто плясал, кто пел, а кто читал стихи.

Кто-то из наших крикнул:

— Ладо, Ладо, поднимись на эстраду и спляши!

И я пошел, совершенно не думая о том, что не умею танцевать. Тут же напел оркестрантам мелодию и попросил исполнить ее. Они заиграли, что-то свое. Я же лихо отплясывал какой-то импровизированный танец. Все были довольны и долго, встречаясь со мной, расплывались в улыбку и просили меня станцевать...

Так неожиданно для себя самого я завоевал славу танцора!

...Я часто бродил по парижским окраинам. Ездил в Бордо, в Ниццу. Одно лето провел в районе Брюнкеля. Это уголок удивительной красоты. Там я сделал много зарисовок и эскизов... Но в основном я работал в Париже, в своей мастерской. Работал увлеченно, без усталости. И больно, что так мало оставил картин того периода себе... Большую часть своих работ я передал директору одной из парижских галерей Жозефу Бие. Впоследствии он стал одним из директоров Лувра. В бытность мою в Париже он выставлял мои картины... Многие работы были куплены американскими, бельгийскими, испанскими, итальянскими коллекционерами... У меня нет даже их фотографий...

Осталось только несколько каталогов выставок, в которых напечатаны репродукции моих картин того периода.

В 1923 году в Париж приехал известный коллекционер Джеймс Розенберг. Он посетил и мою мастерскую, попросил отобрать несколько картин для выставки. Я отдал ему восемь холстов живописи и шесть графических рисунков. В этой выставке, состоявшейся в Нью-Йорке, приняли участие такие художники, как Анре Дерен, Дюффи, Анри Матисс, Модильяни, Поль Синьяк, Вламинк и другие... Эта интересная инициатива американского коллекционера получила широкий резонанс как в самом Нью-Йорке, так и в Париже, и во многих странах.

Каталог открывается вступительной статьей обзорного характера. В ней упомянуто и мое имя... Только вот совершенно непонятно, почему и на основании чего автор статьи наградил меня титулом... «грузинского принца»... В каталоге опубликованы три мои работы, все три из серии старого Тбилиси.

А еще раньше, в 1921 году, в Париже состоялась выставка русских художников... В ней принимали участие Бакст, Бенуа, Гончарова, Григорьев, Орлов, Яковлев, Ларионов, Сорин, Судейкин и другие. И я был в их числе. В каталог этой выставки тоже вошла одна из моих работ — «Кутеж кинто с женщиной».

А спустя два года та же выставка состоялась в Нью-Йорке. В ней приняли участие Бакст, Фотинский, Федер, Григорьев, Кандинский, Яковлев, Судейкин, Сорин, Василий Шухаев и я. Шухаев по возвращении на родину приехал в Грузию и поселился в Тбилиси. Это был очень одаренный и интересный художник. В каталог этой выставки (сохранившийся у меня) вошли две мои работы: «Поклонение волхвов» и «Торговец зеленою». Обе эти картины находятся в Америке. Здесь же опубликован фрагмент росписи одной из стен кафе «Химериони», принадлежащий кисти Судейкина.

Что касается торговцев картинами, то к ним я никогда не обращался... — мои работы, так или иначе, всегда раскупались. И все-таки ко мне как-то явился торговец картинами. Это было в 1924 году...

В мою мастерскую на улице Югенс неожиданно пришел гость. Я его сразу же узнал... Это был Розенберг — владелец



известной парижской галереи. (Это был уже другой, парижский Розенберг).

— Я слышал, что вы собираетесь вернуться на родину.

— Да, — ответил я.

— Знаете, — сказал он, — Париж — город неожиданностей. Сам факт моего к вам визита кое-что означает. Владелец такой крупной галереи, как моя, не ходит обычно к художникам. Я хочу, чтобы вы оценили это.

— Да, конечно, я удивлен и польщен. Это большая честь...

— Вы уезжаете именно в то время, когда начали завоевывать признание. Вы совершаете большую ошибку...

Я смутился, ведь ко мне обращался человек, который в свое время был меценатом Пикассо, Дерена, Матисса. Однако решение мое было непоколебимо.

— Я уже отправил багаж в Марсель, и билет у меня на руках.

— Это ничего... Об этом позабочусь я сам. Вам еще рано уезжать отсюда... Если вы хотите приобрести известность, оставайтесь...

— Да, но я сын своей страны. Я очень люблю Париж... Он столько мне дал, столькому научил, но тем не менее я должен уехать. Я очень тоскую по родине, — ответил я.

— Что ж поделаешь. Я вполне вас понимаю. Но у вас есть еще день... Если передумаете, сообщите мне. Уверю вас, если вы не будете спешить, то не проиграете, — сказал он и удалился.

С тех пор прошло много лет... Я прожил долгую жизнь, испытал и боль, и радость, и счастлив сейчас оттого, что не поддался тогда соблазну... Париж сулил многое, но я рад, что живу и творю на родной земле...

В Париже я был не один. Кроме Давида Какабадзе, здесь находились Шалва Кикодзе, Елена Ахвледiani и Кетеван Магалашвили. Мы составили, так сказать, маленький грузинский островок.

И только к Шалве Кикодзе судьба оказалась несправедлива. Он провел за границей всего два года. Шалва был болен туберкулезом и не смог лечиться соответствующим образом... Это был юноша с большим дарованием. Темпераментный, художавый, высокий и красивый, он отличался остроумием и эрудицией и быстро обратил на себя внимание ценителей искусства.

Его картины впервые были выставлены в Париже вместе с нашими работами в известной галерее «Ликорн»... Иностранным искусствоведам и критикам очень нравились работы Кикодзе. Но вскоре он заболел, и врач порекомендовал ему отправиться в Германию на лечение. А там, работая за городом над этюдом, он попал под проливной дождь, простудился и слег. У меня сохранилось фото надгробного камня, на котором значится:

«Здесь покоится грузинский художник  
Шалва Кикодзе... Родился в 1894 году,  
скончался в 1921 году»

Позднее были собраны его работы, которые находятся сейчас в музее искусств Грузии. Как это жестоко и несправедливо, что такое дарование угасло во цвете лет! Несмотря на молодость, Шалва успел исходить вдоль и поперек всего Грузии. Особенно привлекали его горы Хевсурети. Кикодзе искал национальные корни в искусстве и стремился основываться на них... Он на все смотрел с присущим ему тонким юмором, великолепно рисовал карикатуры. Все созданное им в Париже и Германии было только началом большого пути в искусстве, который ему не довелось пройти... А все-таки Шалва Кикодзе оставил заметный след в грузинском изобразительном искусстве...

Недавно я ознакомился с его письмами, проникнутыми безграничной любовью к родине... «Только здесь впервые почувствовала я, как тягостно быть оторванным от родной земли. Я с трудом удерживал крик, готовый вырваться из самой глубины души. Казалось, меня силой отрывают от родины, а не сам я уезжаю на время...

Я не раз сталкивался с опасностью — носился на горячем коне в горах Аджарии, бродил в непогоду по зловещим обрывам в Хевсурети и Пшави и никогда не испытывал страха, нервного расстройства или усталости. Но тогда, на палубе корабля, я узнал и этот необъяснимый страх, усталость и нервное расстройство. Мне уже не хотелось никуда уезжать. Признаюсь: любовь, опромная, всепоглощающая, любовь ко всему, что я оставлял, нахлынула на меня. Восторг, доходящий до преклонения перед маленькой талантливой страной, которая зовется моей родиной, переполнял все мое существо».

Письмо это было отправлено из Потийского порта... Любовь к родине и грусть, вызванная разлукой с ней, сопутствовали Кикодзе во все время его пребывания за рубежом. И жаль, что даже могила его так далеко от Грузии...

Печально и то, что об этом интересном художнике не написано до сих пор ни одной, даже самой маленькой монографии...

А он, безусловно, достоин этого...

Я не могу не рассказать о своих друзьях — грузинских художниках — о Давиде Какабадзе, Елене Ахвледиани, Кето Магалашвили...

Сегодня имя Давида, большого и интересного художника, не нуждается в похвальных эпитетах... А тогда он не всегда находил понимание — напротив, с ним зачастую несправедливо спорили и боролись. И это причиняло ему немалую боль.

Сегодня же все стало на свои места... Собранные в его мастерской картины и уникальная коллекция предметов древности будят в сердцах посетителей великую любовь и признательность к художнику.

Давид Какабадзе — один из основоположников современной грузинской живописи. Всмотревшись в его пейзажи, ощущаешь, что это наше, самобытное грузинское искусство. Они настолько индивидуальны, что сродни открытию.

Я счастлив, что судьба свела меня с ним в молодые годы... Мы были близкими друзьями. Вместе прошли и прочувст-



вовали много радостей и много огорчений... И до конца сохранили взаимную привязанность и любовь.

Вместе были мы и в Париже... Там проявляли большой интерес к его творчеству. Устраивались выставки работ Давида в таких знаменитых салонах, как, например, «Гран Пале».. И поклонников его таланта было немало. Давид был беспокойным человеком, он никогда не довольствовался достигнутым... И всегда искал чего-то нового, интересного... И много работал.

Его интересы выходили далеко за пределы собственно изобразительного искусства. Он увлекался, например, проблемами стереокино. И в этой сфере у него были немалые интересные достижения. Французы внимательно следили за результатами его работы, а сам он мечтал об использовании этих результатов в Грузии. Он много размышлял и писал о проблемах искусства, философии, о специфических вопросах живописи — композиции и перспективе... Об этом и его книга, вышедшая в Париже в 1923 г.

Приведу несколько небольших отрывков из этой книги.

«...Факт существования древнейшей нации, сохранившейся до сегодняшнего дня, свидетельствует о том, что она всегда умела приспособиться к новой жизни, к формам новой цивилизации. Жизнедеятельность нации, ее существование зависят именно от того, насколько она осознает цивилизацию современной эпохи и обладает соответствующе развитыми культурными силами».

«...Существование и будущность грузинского народа зависят от того, насколько мы впитаем современную цивилизацию и войдем в сферу мировой культуры. Цивилизация должна повлечь за собой развитие культурных сил нашего народа, что обострит творческие возможности народа во всех сферах (науке, искусстве)... Подробное изучение истории мирового искусства, сопоставление с ним прошлого искусства Грузии убедили меня в том, что культурные силы грузинского народа в средневековье, его творческие возможности полностью соответствовали уровню общей культуры того времени».

«...Если мы проявим умение и сможем возвысить нашу жизнь до уровня современной цивилизации и культуры, наши творческие силы во всех областях науки и искусства будут твердыми и непоколебимыми и само существование народа — надежным и обеспеченным...»

Книга интересна тем, что в ней читатель знакомится со взглядами Давида Какабадзе на современные направления в искусстве — на немецкий экспрессионизм, русский конструктивизм. На тысячу «измов», их причины и следствия...

Этот человек был охвачен постоянным творческим горением. Его мучили тысячи проблем, тысячи целей и мыслей. Его влекли необычные, новые, порой странные краски и формы. И он непрерывно работал... Это был замечательный, интересный собеседник, хотя очень редко говорил о своих планах, вообще о своей работе... Все его мысли и слова обращены к грузинскому искусству.

Неутомимый творческий дух его стремился познать все новое — приемлемое для него, и неприемлемое. В результате

постижения всего этого он делал вывод, что новая культура, новая цивилизация рождают новое искусство, требуют универсализма.

В своей книге Давид Какабадзе писал о Нико Пиросмани... Я помню, как некогда мы вдвоем с Давидом ходили по кварталам старого Тбилиси, разыскивая картины Нико... Давид приобрел тогда несколько его картин.

Позднее Какабадзе писал, что творчество Пиросмани опирается на извечные каноны искусства, а каноны эти проистекают из самой сущности человека, одаренного поэтическим духом творчества.

Это была практически первая грузинская книга, посвященная чрезвычайно актуальным и важным вопросам современного искусства. В ней, кроме того, рассматривается творчество лучших представителей новых направлений.

Не могу не привести еще одной небольшой выдержки из книги: «...если произведение искусства есть прямое подражание природе, оно лишено истинных признаков искусства. Напротив, чем дальше отстоит произведение от прямого подражания природе, тем оно художественнее.

И только таким путем достигает человек чистоты высокой музыки, истинной поэзии, идеальных форм в скульптуре и архитектуре, настоящей живописи».

Бесспорно, слова эти чистая истина. Тогда далеко не все придерживались подобного взгляда. И поэтому Какабадзе испытал много трудностей и неприятностей.

Он писал о представителях нового искусства: «...Они проявляют свою личность в творчестве. А на улице они ничем не отличаются от остальных людей, и если все же нужно назвать их каким-то именем, то это будет одно лишь имя, имя — человека».

Я думаю, эти слова могут быть отнесены и к нему самому. Он был поистине удивительным художником и человеком. Книга эта с большим интересом читается и сегодня. Канье глубокие, острые мысли обуревали этого человека... Признаться, мне больно от того, что никому, не пришло в голову хоть раз издать книгу Какабадзе в Грузии. В ней и сегодня многое звучит современно и может быть полезно для грузинского художественного мышления. Книга эта в свое время вызвала большой интерес во Франции (к слову говоря, французские журналы и газеты часто обращались к Давиду с просьбой высказать мнение по поводу тех или иных художественных направлений и об их представителях).

Я бережно храню эту книгу с надписью автора: «Ладо Гудиашвили. Художник — художнику. На вечную память. Давид Какабадзе. 7.VII-24 г. Париж».

В очень тяжелых условиях пришлось Давиду издавать эту книгу в Париже. С трудом раздобыл он шрифт... Ему пришлось очень туго и материально, но он был убежден (и совершенно справедливо), что в тот период Грузии была необходима такая книга.

В предисловии автор писал:

«Нынешнее положение в Грузии требует удвоенной культурной работы, и, возможно, этот труд хотя бы частично осу-



шестьствит мою цель: упрочение художественной мысли и художественной литературы в Грузии».

Давид Какабадзе был тихим, молчаливым человеком. Он работал очень и очень много, увлеченно и безо всякой суеты. Он и в жизни был очень организованным человеком, во взглядах же — принципиальным и последовательным, искренним и конкретным. Все его творчество, само существо его были проникнуты глубокой любовью к родине. Он исходил пешком всю Грузию, и во Франции тоже много путешествовал...

Он очень редко показывал свои картины в процессе работы. Наряду с новой тематикой он непрестанно обращался к излюбленным имеретинским пейзажам, в изображении которых достиг никому, кроме него, недоступной глубины.

Я свидетель того, как создавалась его серия «Бретань», эти поразительно своеобразные по колориту картины.

В этот же период Давид Какабадзе очень увлекся урбанистическими пейзажами, посвятил много времени абстрактной живописи, аппликациям... И все получалось у него настолько интересно и талантливо, что работы его очень скоро обратили на себя внимание последователей нового искусства. Они даже приняли его в свое сообщество и часто организовывали его выставки. В тот период к этому кругу относились Пикассо, Матисс и другие широко известные, знаменитые художники. Лет двадцать тому назад в Париже вышла энциклопедия абстрактного искусства, в которой среди основоположников и крупнейших представителей этой школы назван и Давид Какабадзе... Часть работ он привез с собой в Грузию. Наблюдательный зритель может заметить, что картины эти не похожи на обычные абстракционистские работы — ни красками, ни композицией. Я, например, явственно ощущаю в них дыхание Грузии, ее землю и небо, ее воздух и колорит...

...Казалось бы, совсем недавно Елена Ахвледiani вспоминала наши встречи в Париже. Мы вспомнили, как однажды, 14 июля, в день взятия Бастилии, Давид изменил своей обычной степенности и вовсе веселился с нами. Я пустился в пляс, а Лавид, перевернув стул, начал лихо отбивать такт, но вскоре сбился с ритма и, весело смеясь над собой, передал стул Елене, а сам начал самозабвенно хлопать. За мной вступила в танец и Кето Магалашвили. Все присутствующие повернулись к нам. Незнакомый ритм и наше веселье привлекли внимание. Вскоре и Елена присоединилась к нам и стала приглашать Давида. И тут Датико, не выдержав, тоже вскинул руки и пошел по кругу... Откуда-то появились наши земляки-грузины. А спустя некоторое время в наш хоровод влились и французы. Как радовался Давид успеху грузинского танца у французской публики!..

Самой веселой и задорной среди нас была Елена Ахвледiani. Всегда оживленная, всегда неожиданная... Она обожала бродить по улицам Парижа, не уставала рисовать его колоритные пейзажи, дома... И рисунки ее всем очень нравились. Помню, однажды на выставке в «Осеннем салоне» Поль Синьяк приобрел картины совершенно незнакомой ему художницы... И захотел познакомиться с ней... Так началась дружба Елены Ахвледiani и Поля Синьяка...

Истинно художественная натура; сильная духом, Елена могла поспорить со многими коллегами-мужчинами в умении противостоять трудностям. Велики ее роль и значение в деле развития грузинской пейзажной живописи. Елена Ахвледиани прошла необыкновенно насыщенный, плодотворный творческий путь... Неповторимо ее искусство, неповторима была и она сама как личность. Быстро, безо всяких усилий завоевала она симпатии Парижа. Нравились ее картины, нравилась она сама...

Непосредственность, свежесть поэтического видения мира не могут оставить человека равнодушным к ее картинам. Парижская пресса всегда высоко оценивала их.

Вот одна выписка из французской газеты... Я вспомнил о ней еще и потому, что автор этой статьи — Морис Рейналь:

«...Наша критика обычно холодно встречает творчество иностранцев, но в этот раз она восхищена выставкой мадам Ахвледиани.

Многие художники отражали в своих картинах поэзию городских окраин, однако работы мадам Ахвледиани так мастерски передают стиль и характер старого Тбилиси, что невольно замираешь перед ними. Пленителен старый Тбилиси с бесконечными кривыми деревянными лестницами, причудливыми зигзагами, прочерчивающими склоны холмов. Веранды увешаны пестрыми коврами. Видны узенькие оконца, и все пронизано каким-то особым, теплым светом. Елена Ахвледиани — ярко выраженная художница, и в этом ее важнейшее достоинство».

Как видите, французский критик и на этот раз не остался равнодушным к грузинскому искусству. И главное, что нравилось ему в молодой художнице, опять-таки национальный колорит. Действительно, и сейчас, спустя много лет, именно этот национальный колорит пленяет нас в картинах Елены больше всего. А ведь когда Морис Рейналь писал эти слова, Елена Ахвледиани была еще совсем молодой художницей.

Многое изменилось с тех пор. Лишь кое-где сохранились в Тбилиси старые домики с верандами. Старый Тбилиси исчезает вместе со своими причудливыми красками, домиками с верандами, что украшали холмистые кварталы затейливыми террасами, с веревками, увешанными бельем, и выгоревшими, замшелыми крышами. Жаль было всего этого Елене...

— Будущие поколения не простят нам того, что Тбилиси теряет свой облик, — говорила она. И рисовала, рисовала... Рисовала непрестанно, рисовала всегда, чтобы сохранить хотя бы на холсте старый Тбилиси. Картины старого Тбилиси кисти Елены Ахвледиани полны внутреннего драматизма... Всегда разные, резко отличающиеся друг от друга настроением, исполненные удивительного ощущения цвета, линий, ритма — они сродни поэзии, всегда озарены светом новой, неожиданной красоты. Эти картины говорят о бесконечной, безмерной любви художницы к Грузии, к ее природе, к Тбилиси... И так же бесконечно умела она любить людей. Елена была неповторима, она прекрасна сама, прекрасно ее творчество...



Сейчас, спустя годы, я горд тем, что все грузинские художники, бывшие в тот период в Париже, добились истинных успехов в искусстве.

Одной из них была Кетеван Магалашвили, замечательный портретист. Она приехала в Париж позднее нас, но сразу же привлекла к себе внимание творческой общественности. Судьба оказалась благосклонной к первым шагам Кетеван в искусстве...

Помню ее приезд... Из Мюнхена пришла телеграмма (она сначала училась в Германии, в частной студии) с просьбой встретить ее. Шел дождь. Кето, оказывается, напутала что-то со временем прибытия поезда и поэтому очутилась на вокзале совсем одна. С большим трудом добралась до нас.

И началась напряженная творческая жизнь. Кето поступила в известную Академию Колароса. Картины Магалашвили особенно привлекательны своей простотой и искренностью. Тогдашняя французская пресса отмечала, что художница не увлекается модой, обладает умением блестяще передать психологический облик человека. В этот период она создала замечательные портреты Елены Ахведиани, пианиста Орбелиани, Сусанны Гамбашидзе, Феликса Варламашвили и др.

У Кетеван было удивительно доброе и благородное сердце... Она без конца заботилась о людях, и это было важнейшей чертой ее личности. Она не прожила ни дня без творчества и без любви к людям.

И сейчас ее мастерская, где посетителей уже не встречает седовласая художница с милым добрым лицом, как будто насыщена ее мыслями и переживаниями... Кажется, что распахнется дверь и войдет она, как всегда полная вдохновения, охваченная творческим горением. Войдет и поделится своими планами, своими стремлениями оделать что-то нужное и доброе для своей страны, для своего народа.

Однажды в журнале «Наука и жизнь» была опубликована небольшая заметка о том, что в Англии лорд Мальгрейм заказал художнику Гильберту Стюарту написать портрет своего брата генерала Филса. А получив его, воскликнул:

— Что же все это означает?... Я вижу в его лице признаки помешательства!

Вскоре Филс уехал в Индию, и через месяц брат получил весть о его самоубийстве на почве помешательства.

— Господи, как странно! — вырвалось у Мальгрейма.

— Я нарисовал его таким, каким увидел, — ответил художник.

Конечно, нельзя обобщать этот факт, но он все же очень любопытен...

Прочтя это сообщение, я вспомнил одну замечательную картину Кето Магалашвили — портрет Валентины Куфтиной. Всех, кто знал Куфтину, поражало в этом портрете удивительное видение художницы. Станный, загадочный трагизм, который полна эта картина, оказывает на зрителя магическое действие. В ней словно найден и уловлен момент какого-то ясновидения судьбы. Как видно, глаз художника видит и то, чего другой человек не замечает на протяжении многих лет.

Кетеван Магалашвили до конца дней осталась верна своим убеждениям. Ее картины расскажут потомкам о жизни и высоких устремлениях наших современников, подобно тому как повествуют о себе и своем времени лица предков, отпечатанные на стенах грузинских храмов.

Поразительна способность памяти хранить картины давно умершего прошлого! В нас живут минуты острых переживаний, голоса дорогих сердцу людей... Много, многое живет в наших сердцах и постоянно незримо сопутствует нам.

Как сиюминутно пережитую боль помню день, когда я уселся в поезд, отправляющийся в Марсель... Что-то невероятной тяжестью навалилось на сердце. Тяжело было прощание с Парижем... Я люблю его настоящей, большой любовью... Люблю его искусство, людей... Люблю его бульвары и улицы, овеянные легкой грустью, но всегда оживленные и красивые, его великие, уникальные музеи, друзей, которых я обрел там, люблю прожитые там годы. Но еще сильнее было желание вернуться на родину. Я знал, что в моей маленькой стране тогда начиналась новая жизнь. Меня ждали родственники, близкие, друзья, и мысль об этом согревала мне сердце.

Перевод Ирины ШЕЛИЯ





## РЕЖИССЕРСКИЕ УРОКИ МАСТЕРА

В обширной творческой и общественной деятельности Народного артиста СССР, лауреата Государственной премии имени Т. Шевченко, профессора Дмитрия Александровича Алексидзе значительное место занимает педагогическая деятельность, которой он отдает много времени и сил.

Постановщик известных спектаклей — «Царь Эдип», «Антигона», «Бахтриони» и других, вошедших в сокровищницу классического репертуара, Дмитрий Александрович говорит: «Режиссером нужно родиться. Способность к режиссуре — особое качество, встречающееся не так уж часто».

Но и педагогический дар — особый, определяющий место учителя в жизни ученика. Не так много учителей, которых ученик вспоминает на протяжении всей своей творческой деятельности, а если этому делу он посвящает жизнь, то на протяжении всей жизни.

Выпущенная недавно на русском языке издательством «Хеловнеба» книга Отара Джангишерашвили «Курс гедет Дмитрий Алексидзе» возникла из органической потребности поделиться с читателями, а еще более — рассказать

коллегам о своем учителе — удивительном мастере театра, талантливом режиссере и прозорливом педагоге.

Будучи в самых различных творчески затруднительных положениях, Отар Джангишерашвили — ныне главный режиссер Петрозаводского государственного русского драматического театра — обращается к опыту студенческих лет (он учился в экспериментальной группе Киевского государственного театрального института имени Карпенко-Карого), вспоминает, что говорил по тому или иному поводу его учитель.

В книге, освещающей трудоемкий процесс посвящения в одну из сложнейших профессий — режиссуру, рассматриваются наиболее действенные и результативные методы обучения, которые Дмитрий Александрович использовал на своих уроках.

Прежде, чем приступить к занятиям, он рассказал студентам о трудной профессии режиссера. Как вспоминает О. Джангишерашвили, «вместо апофеозной вступительной речи по поводу нашего поступления, совершенно неожиданно для нас, речь Дмитрия Александровича приобрела совсем иной характер. Несмотря на всю мрачность нарисованной тогда картины, никому из нас не пришло в голову проявить трусость перед предстоящими трудностями».



Подлинное овладение всеми сторонами режиссерской профессии, по мнению Д. Алексидзе, возможно только в театре; только там можно на практике постигнуть сложные и подчас противоречивые законы рождения и жизни спектакля, научиться управлять театральной стихией.

Он остерегал от превращения студента в режиссера-теоретика, умеющего только разговаривать, так как из собственного опыта знал, что этого не прощает режиссеру ни один актер.

Много места отводится в книге описанию методов и приемов, которые дают возможность режиссерски одаренному человеку понять, как упорно и систематически надо работать над собой, вбирая множество не только знаний, но и навыков, часто взятых из самой жизни, как постоянно надо обогащать себя, чтобы воплотить свой режиссерский замысел, заполнить мир спектакля живой жизнью.

«А как это делать режиссеру подсказывает его талант и опыт; нельзя на все вопросы в режиссуре дать точный ответ — иначе режиссура не была бы искусством», — утверждает Д. Алексидзе.

Располагая материал книги последовательно и логично, О. Джангишерашвили не повторяет этапный процесс обучения, а показывает принцип режиссерской работы своего учителя, самые важные ее аспекты, из которых складываются знания и мастерство режиссера.

Все устремления автора направлены на то, чтобы показать, насколько ярко запомнившимися и нужными сегодня

оказались уроки Дмитрия Александровича.

Главы расположены по нарастанию проблем, с которыми режиссер сталкивается в своей практической работе в театре: «Выбор пьесы», «Организация замысла спектакля», «Работа с художником», «Музыка в спектакле», «Распределение ролей», «Репетиция».

Основная и первая проблема — выбор пьесы. Дмитрий Александрович учит своих учеников в этом деле учитывать многое и считаться со многим.

Но основная задача, которую режиссер должен преодолеть перед постановкой пьесы, — это продуманное приобщение к важнейшим общественным проблемам современности и к художественным ценностям, заключающимся в лучших произведениях драматургии — классической и современной.

Строгая последовательность анализа уроков и всего, о чем говорил Д. Алексидзе, помогает читателям понять, насколько серьезно автор книги впитывал и воспринимал все, чему учил мастер.

Ведя урок, Дмитрий Александрович каждый раз сверял свои доводы с реакцией студентов. Это создает обстановку непосредственности и дружелюбия, которая благоприятно сказывается на восприятии сложных задач, выдвигаемых им.

Д. Алексидзе умело направлял своих питомцев в нужное русло знаний и практики, которой придает первостепенное значение.

Точно и свежо переданы многие его высказывания, напутствия и указания, и в этом ценность книги, доносящей до читателей самую суть не только суждений Д. Алексидзе, но и его самого, как челове-



ка, отдающего всего себя служению театру и любимому искусству.

Страница за страницей перед читателем вырисовывается образ педагога — темпераментного и энергичного, откровенного, простого и требовательного, радостного и восторженно-благодарного, любящего своих учеников и негодующего на них, чутко улавливающего их способности и талант.

Автор отмечает в лекциях Д. А. Алексидзе новаторство и современный подход к выдвигаемым перед режиссерами и всеми мастерами театра проблемам.

О. Джангшерашвили раскрывает в его суждениях философский взгляд на «старую добрую сценическую коробку», как ласково тот называет театр.

Дмитрий Александрович учит своих студентов, что режиссеру нужен художник-единомышленник, который способствует формированию его эстетики, переводит теоретически разрабатываемую им версию внешней формы спектакля в конкретную живую театральную форму.

Сильная сторона педагогики Д. Алексидзе, по словам О. Джангшерашвили, — приобретение со студенческих лет к более тесным и живым контактам с будущими мастерами театра, в ходе которого рождается интерес к работе и умение творить вместе с ними.

«Музыка не должна быть иллюстрацией, она должна стать органической частью спектакля», — утверждает Д. Алексидзе и делится личным опытом работы с композиторами.

Большую и кропотливую работу проводит Дмитрий Александрович, обучая своих питомцев распределению ролей.

С большим интересом читаются наблюдения автора за ведением уроков режиссуры совместно с актерами.

Дмитрий Александрович прививает ученикам умение обнаруживать природу таланта артиста, зажигать его творческим пламенем, желание открывать малоизвестных артистов.

Страстно и без боязни делает он подобные опыты. Это связано с определенным риском, но когда состоится яркий творческий дебют — налицо победа режиссера не только как художника, но и как гражданина.

В главе «Репетиция, репетиция...» О. Джангшерашвили описывает работу с актерами. «Мы познавали режиссуру, — пишет он, — не по книжкам и лекциям, мы познавали режиссуру прямо на сценической площадке».

Маленькая студенческая сцена, на которой сталкивались молодые начинающие режиссеры и актеры, делала свое святое дело. Со студенческих лет пошло на пользу совместное обучение режиссеров с актерами.

Извлекая из своей памяти и записей уроки и мысли, высказанные на занятиях Д. Алексидзе, автор возвращается ко времени институтской жизни.

Автор щедро включает в книгу удачу и неудачи, которыми изобиловали годы учебы. Им используется обширный художественный материал, дающий понять серьезность подхода как учителя, так и учеников к овладению навыками художественного мастерства в режиссуре и актерской практике.

Ученику Д. Алексидзе удается проследить чисто внешнее эмоционально- созерцательное восприятие основ мастерства,

доходящих затем до глубоких познаний, практического анализа и упорядочения всех навыков и знаний режиссуры.

Интересно описание совершенствования учеников Д. Алексидзе от людей, познающих истинные истоки творчества, до самостоятельных творцов, часто радующих своего учителя.

Но обогащение образно-изобразительного мышления молодых специалистов происходило не сразу. Тайны режиссуры постигались с помощью богатого опыта учителя.

В книге описаны яркие примеры курсовой этюдной работы над пьесой Гоголя «Женитьба», подробно обрисована постановка «Антигоны» Софокла в Киевском государственном драматическом театре имени И. Франко и другие.

В нужном аспекте О. Джангишерашвили заостряет внимание на разъяснении Дмитрием Александровичем системы К. С. Станиславского. Его суждения о применении системы совместно с методологией и практикой воспринимались его учениками реально и шли на пользу в постижении ими режиссерского и актерского мастерства.

По совету Д. Алексидзе, автор книжки приводит в этом плане текст доклада старейшего мастера режиссуры, ученицы К. С. Станиславского, профес-

сора ГИТИСа Марии Осиповны Кнебель, раскрывающей одну из сторон системы метода действенного анализа.

Заключительная глава посвящена последней беседе Дмитрия Александровича со своими учениками. «Скоро вы все разъедетесь по театрам на дипломные спектакли,—сказал он.—К сожалению, а может быть к счастью, я уже не смогу опекать вас. Теперь я могу быть полезным вам лишь последними наставлениями».

И действительно, на протяжении всех самостоятельных работ ученики Д. Алексидзе питаются его наставлениями и указаниями, которые он делал в ходе их учебы в институте.

Книга О. Джангишерашвили, обладая бесспорными теоретико-методологическими достоинствами, привлекает и формой изложения, простым, доходчивым языком. В ней отсутствуют как сухость, так и ложный пафос. Представленный автором материал отличается живостью, глубиной, эмоциональной насыщенностью мыслей и доводов.

Книга «Курс ведет Дмитрий Алексидзе», думается, станет необходимым помощником не только для специалистов, но и заинтересует любителей театрального искусства.

Жанна ВОЛИНА



### «ПРОЩАНИЕ»

В ЭТОМ сборнике собрано все лучшее, написанное Николозом Чачава на протяжении всей его долгой жизни. Вот уже пять лет, как поэта нет в живых, но стихи его живут и находят путь к сердцу читателя, потому что их автор был человеком искреннего и непосредственного чувства, вдохновенно воспевавшим жизнь. Поэт и гражданин, Н. Чачава выражал в стихах с равным накалом чувств и любовь к родной земле, и любовь к матери. Читая поэтический сборник «Прощание», изданный в этом году на русском языке в «Мерани», словно видишь восход солнца, бескрайнюю ширь полей, слышишь шум больших городов... Да и сам поэт признавался: «Я с солнцем и дождем иду за травой и за шелестом листьев, за синевою утра и темнотой ночи». Но не только природа родного края влекла к себе Николоза Чачава. В его стихах получили отражение, как указывалось выше, и патристические мотивы, и раздумья о смысле жизни. Проникновенные строки посвящены его сыновьям. И хотя сборник, представший перед русским читателем в переводе Вл. Леванского, Я. Гольцмана, О. Николаевой, В. Краско, Д. Чкония, Г. Онаняна, В. Бокова, В. Гофмана, называется «Прощание», в нем много любви, света, красок и жизнелюбия.

### «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

АВТОР книги литературовед и журналист Г. Бебутов. Названному сборнику предшествовали три издания его работ — «Отражение» (1973 г.), а также «Гимназия» и «Лицом к лицу» (о Владимире Маяковском). Как по жанру, так и по писательскому почерку все эти книги в едином русле. В статьях и очерках сборника, выпущенного в нынешнем году на русском языке издательством «Мерани», повествуется о встречах с писателями, о памятных событиях литературно-общественной жизни, отражены взаимосвязи наших литератур. А это и делает книгу цельной, придает ей единую направленность.

### «ВОСХОДИТЕЛЬ»

ПОВЕСТЬ Ю. Бурлакова о замечательном альпинисте Михаиле Хергиани недавно выпустило московское издательство «Физкультура и спорт» под рубрикой «Сердца, отданные спорту». Собственно, эти слова и являются лейтмотивом названного произведения. Среди других высказываний о М. Хергиани деятелей из Франции, Англии и Италии, предпосланных повести, есть и такое: «Для всех наших альпинистов, и молодых, и опытных, он был эталоном не только высокого ма-

стерства, но и человека, всегда готового прийти на помощь нуждающемуся в ней, всегда готового поделиться всем, что у него есть: вся жизнь его была воплощением слов великого грузинского поэта: «Что ты спрятал — то пропало, что ты отдал — то твое».

Так точно и емко Александр Боровиков определил сущность человека, которому посвящена повесть «Восходитель».

### **«МИР ГРЕЧЕСКОГО РЫЦАРСКОГО РОМАНА XIII—XIV вв.»**

В ЭТОЙ книге Александра Алексидзе, вышедшей в издательстве Тбилисского университета (1979) на русском языке, исследуются памятники византийской культуры, в которых своеобразное развитие получили античные художественные традиции и намечаются черты новогреческой литературы. Как сказано в краткой аннотации, предваряющей книгу, здесь встречаются византийский и латинский миры, греческий фольклор и западная рыцарская стихия. Ряд аспектов средневекового мировоззрения, эстетики и поэтики, рассматриваемых на материале романов, может заинтересовать не только специалистов, но и широкий круг читателей.

### **«ПЬЕР КОБАХИДЗЕ»**

ВЫПУСКАЕМАЯ Театральным обществом Грузии серия «В мире театра» пополнилась еще одной книжкой об актере, о котором ее автор Георгий Хухашвили пишет: «Его имя осталось в истории театра. Людям, современникам остались свет его глаз, его неповтори-

мые шутки, его смех и «каламбуры». Книжка о яркой звезде грузинского театра, какой был Пьер Кобахидзе, издана (1979 г.) как на грузинском, так и на русском языках и богато иллюстрирована.

### **«ГИГА ЛОРДКИПАНИДЗЕ»**

«ГИГА Лордкипанидзе, — читаем мы в книжке Нодара Гурабанидзе (изд. Театр. общества Грузии, 1979 г.), — одна из наиболее примечательных и колоритных фигур в грузинской режиссуре». По мнению автора книги, его талант, темперамент, чуткость и одержимость в сочетании с эмоциональностью естественно выводят его на просцениум. Прослеживая творческий путь режиссера, Н. Гурабанидзе приходит к выводу, что это путь постоянной борьбы и неуспокоенности. Книга издана на грузинском и на русском языках.

### **«ДАВИД КАКАБАДЗЕ»**

«...ВСЯ жизнь его была беспрерывным поиском», — читаем мы в этой книжке из той же серии «В мире театра». Анализируя сделанное этим большим художником-новатором, Натела Урушадзе подводит читателя к выводу о том, что множество средств образной выразительности современного грузинского театрально-художественного искусства берет начало в творчестве Давида Какабадзе, которое рассматривается в вышедшей в этом го-





01035940  
1984.01.03.33

ду книжке о нем применительно к театру. Здесь же приведены репродукции наиболее значительных образцов выполненного им художественного оформления спектаклей.

## **«МИХАИЛ ТУМАНИШВИЛИ»**

КНИЖКА эта посвящена первому грузинскому театральному критику Михаилу Туманишвили (1818 — 1875) (он был сыном секретаря дая Ираклия), получившему признание еще при жизни. Последующее поколение видело в нем не только законченного мыслителя своего времени, но и пре-

красного знатока театра, это хи, в которую он жил, критика, основательно разбирающегося в сценическом произведении, намечавшего путь дальнейшего развития грузинского театра. Со временем, как пишет автор книжки Н. Урушадзе, его заслуги как критика, были оценены еще выше. И ныне он считается основоположником грузинской реалистической литературной и театральной критики. Подробнее о жизни и деятельности М. Туманишвили читатель, сможет узнать из книжки (1978), продолжающей серию «В мире театра».

## ВСТРЕЧА БЫЛА ПЛОДОТВОРНОЙ

В БАТУМИ состоялась третья встреча писателей СССР и США. Две предыдущие — летом 1977 г. в Центральном доме литераторов в Москве и весной 1978 г. в Американской Академии и Институте искусства и литературы в Нью-Йорке — прошли под знаком оживленной творческой дискуссии о проблемах современной литературы и месте писателя в современном мире.

Сам факт встречи писателей СССР и США трудно переоценить. Плодотворность и большая значимость этих встреч, в которых участвовали крупнейшие писатели двух стран, позволяют с уверенностью говорить о большом вкладе писателей в установление взаимопонимания и доверия между народами СССР и США. Инициатива советских литераторов, несомненно, служит делу развития и углубления советско-американских литературных взаимосвязей.

Тема батумской встречи — «Литература в эпоху социального и научно-технического прогресса» обещала вылиться в еще одну оживленную, интересную дискуссию.

Многоязычную советскую литературу представляли Григорий Абашидзе, Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Нодар Думбадзе, Иза-

белла Зорина, Виталий Коротич, Давид Кугультинов, Феликс Кузнецов, Иосиф Нонешвили, Владимир Солоухин, Александр Межиров, Миколаас Слупкин.

Во встрече также принимали участие Георгий Жоржолдани, Роман Миминишвили, Фридон Халваши. Американскую литературу представляли Франсина Грей, Джеймс Рид, Уильям Джей Смит, Фредерик Старр, Гаррисон Солсбери, Стенли Кьюниц, Вера Данем, Эйлин Рокфеллер. Руководили делегациями с советской стороны — главный редактор журнала «Иностранная литература», секретарь правления Союза писателей СССР Николай Федоренко, с американской — председатель совета редакторов журнала «Саттердей ревью» Норман Казинс.

Открывая встречу, Николай Федоренко сказал: «Город Батуми, в котором мы с вами находимся и который стал в ряд мест наших встреч после Москвы и Нью-Йорка, возник на древней грузинской земле, называвшейся Колхидой, которая не однажды упоминается Гомером в «Илиаде». Вблизи от Батуми возвышаются вершины Кавказского хребта — Кавкасион, где, по преданию, был прикован к скале великий богоборец Прометей — похититель огня с Олимпа, огня для человека. Сюда же за золотым руном прибывали аргонавты. Это родина мифической Медсы, о которой





две тысячи лет назад были созданы волнующие классические трагедии...

С Грузией связаны имена гениев русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Грибоедова. Здесь, в Батуми, великий драматург Александр Островский посадил в Приморском парке магнолию...

В городе, где мы находимся, в гостях бывали Рабиндранат Тагор, Анри Барбюс, Теодор Драйзер...

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Батуми, этот древний грузинский город, способствовал творчеству не только грузинских писателей. Быть может, и нашей встрече здесь суждена своя история.

Со времени последней нашей встречи в мире произошло немало событий огромной важности. Позволю себе, однако, привлечь внимание к важнейшему из них. Я имею в виду успешное завершение переговоров между главами государств Л. И. Брежневым и Джими Картером и подписание ими в Вене Договора ОСВ—2. В свете разрядки, которая стала важнейшей ведущей тенденцией международного развития — это большое достижение, ведущее к дальнейшему оздоровлению международного климата. Открываются новые горизонты для творческих связей, контактов, сотрудничества, в том числе и между литераторами...

Руководитель американской делегации Норман Казинс в своей речи поблагодарил хозяев за радушный прием и гостеприимство и особо подчеркнул, что диалог между советскими и американскими лите-

раторахми, несомненно, внесет большой вклад в дружбу не только между писателями двух стран, но также и между нашими народами и сообществами.

Н. Казинс призвал участников дискуссии не ограничивать свои выступления, а больше говорить о себе, о тех проблемах, которые волнуют каждого писателя, о своей «домашней работе».

Председатель правления Союза писателей Грузии Григорий Абашидзе в своем выступлении сказал:

— Великие писатели во все времена проповедовали дружбу между народами, благородные идеи гуманизма. Такова главная традиция американской литературы, такова славная традиция советской литературы. Так будем же преданы этим традициям и протянем друг другу руки, дабы исполнить свой долг перед нашими народами и народами всего мира.

В первый день дискуссии также выступили Ф. Грей, Г. Солсбери.

В тот же день советские и американские писатели побывали в Батумском дельфинарии. Вечером для них от имени правительства Аджарской АССР был дан прием.

Во второй день советско-американской встречи писателей выступили Ф. Кузнецов, И. Нонешвили, В. Данем, С. Кьюниц, У. Дж. Смит, И. Зорина, М. Слуцкис, В. Коротич, Э. Рокфеллер, В. Солоухин, Ф. Старр.

Вечером литераторы СССР и США были приглашены на концерт мастеров искусств Грузии.

6 31/165



**ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА**

**БАЛУАШВИЛИ Валентина Иосифовна.** Доктор филологических наук. Занимается изучением проблем идейно-эстетического взаимообогащения национальных литератур. Автор свыше 30 печатных трудов, книги «Встречи с Грузией».

**ГВЕЛЕСИАНИ Софья Ираклиевна.** Заслуженный журналист Грузинской ССР. Заведует отделом культуры и науки в газете «Вечерний Тбилиси». Автор книг «Мы ищем рукопись», «Ксения Бахтадзе», «Элефтер Андроникашвили» (в соавторстве с Ю. Мамаладзе), «Жизнь в науке», «Георгий Церетели».

**САРИБЕКОВА Ламара Артемьевна.** Старший научный сотрудник Музея дружбы народов АН ГССР. Работает над темой «Русско-грузинские литературные связи начала XX века». Автор ряда статей. В издательстве «Мецниереба» готовится к печати ее книга «Леонид Андреев и грузинская литературная общественность».

**ЧАРКВИАНИ Джансуг Авидович.** Род. в 1931 г. Грузинский советский поэт. Секретарь правления Союза писателей Грузии. Печатается с 1947 года. Автор сборников стихов и поэм. Поэмы «Солнце идет» и «Мой календарь» в 1967 году удостоились республиканской литературной премии ЦК ЛКСМ.

**„ლიტერატურული მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური ფურნალი (რუსულ ენაზე)“**

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური ფურნალი (რუსულ ენაზე)

პირველი 1957 წლის ივნისიდან. № 10 ნოემბერი 1979 წ.

Сдано в набор 12 сентября 1979 г. Подписано к печати 12 ноября 1979 года. 5 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Заказ 2339

Тираж 7.000

УЭ 13060



40 коп

ИНДЕКС 76117

ՀԱՅԿԵՆՏ

ՀԱՅԿԵՆՏ